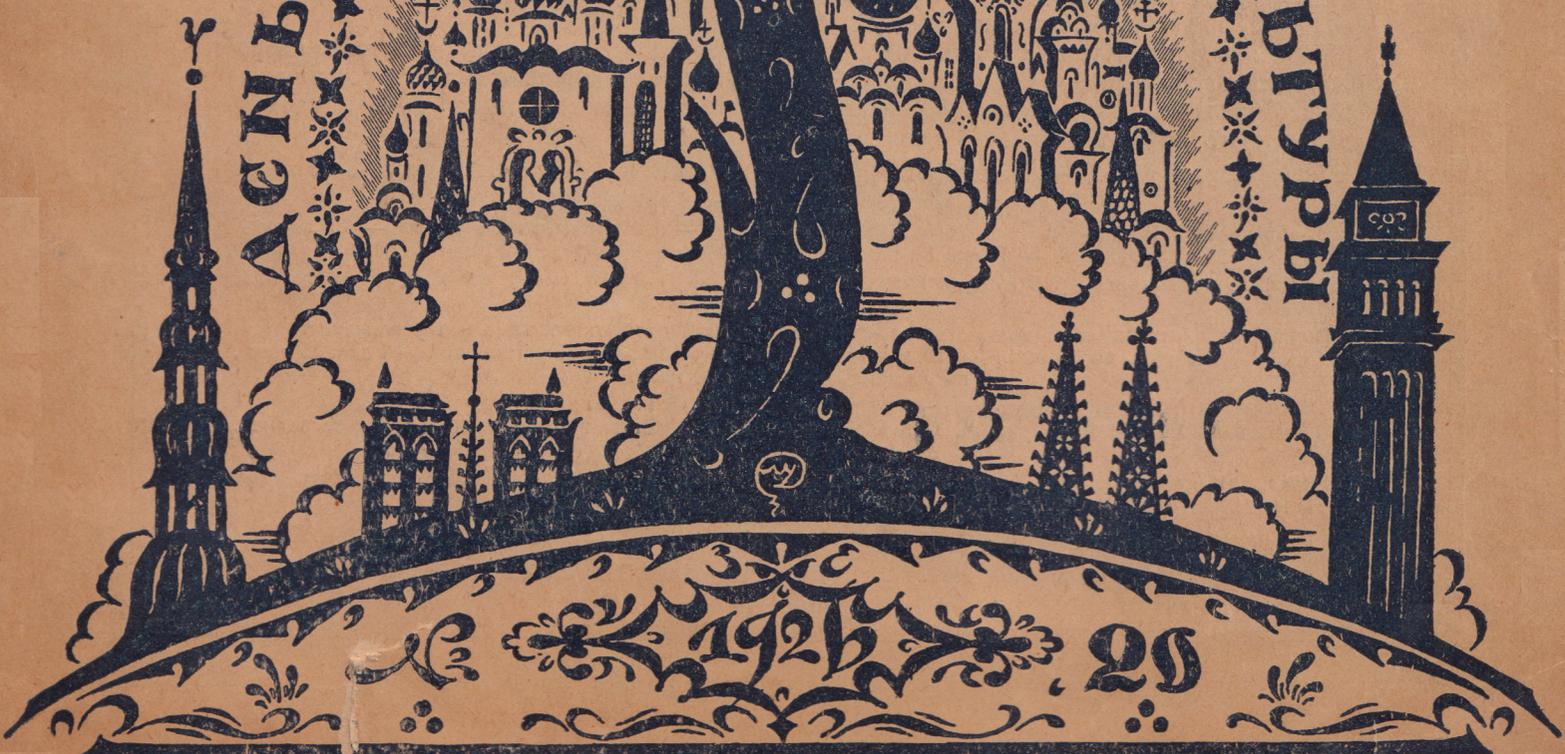

ПЕРЕЗВОНЫ

СКОМ
ДУБТЯРЫ

А СЕНЬ
ДУС

1925 20

„ПЕРЕЗВОНЫ“ „PEREZVONY“

№ 20 (12) — 1926 г. — посв. „Дню русской культуры“
26 мая/8 июня

Рига, Редакция и контора L. Kaleju ielā 43
Телеф. 20-76 и 34-48

Содержание:

- Кн. Петр Долгоруковъ — „День русской культуры“.
Николай Анинъ — „Русский театр“.
Проф. С. В. Завадский — „Памяти русского суда“.
Проф. И. А. Ильинъ — „О Россіи“.
Проф. Н. И. Мишеевъ — „Русское искусство“.
Проф. Н. И. Мишеевъ — „Село Шалъхъ и мастеръ Голиковъ“.
Проф. М. М. Новиковъ — „Первый русский университетъ“.
К. Притисский — Русская литература, — какъ „наказъ“ русского народа.
К. Д. Бальмонтъ — Изъ книги „Въ раздвинутой дали“:
Въ горной долинь.
Колодець.
И. А. Бунинъ — „Поруганный Спасъ“.
Вал. Горянский — „Крестный ходъ“ (Изъ цикла „Хозяинъ“).
Г. Д. Гребенчиковъ — „Посланіе изъ Америки“ (изъ кн. „Алтай-Жемчужина Сибири“).

- Б. К. Зайцевъ — „Обитель“.
Кн. Ф. Касаткинъ-Ростовскій — „Сърья птицы“.
И. С. Лукашъ — „Дурной арапченокъ“.
Д. С. Мережковский — „Плаваеъ лебедь“...
А. М. Ремизовъ — „Неугасимые огни“ (изъ кн. „Взвихренная Русь“).
А. Смирновъ — „Въ притворѣ темноъ“...
Любовь Столица — „Житіе преподобнаго Сергія“.
Н. А. Тэффи — „Непрощеное дерево“.
И. С. Шмелевъ — „Блаженные“ (изъ „Встрѣчь“).
А. Федоровъ — „Мѣдный Всадникъ“.

Восемь цвѣтныхъ репродукцій съ карт. Акад. С. А. Виноградова, В. Орлова, К. А. Савицкаго, И. И. Шишкина и работъ русского кустаря Ивана Голикова. 114 иллюстрацій въ текстъ.
Безплатное приложение — журналъ „Дѣтскій уголокъ“ № 2 подъ ред. о. М. Бурашева.

Цѣна этого номера — 1,5 латъ (75 р.).
За границей — 37,5 ам. цент.
Въ Америкѣ — 45 ам. центовъ.

Отъ Издательства „Перезвоны“.

Въ виду оборудованія собственной цинкографіи Издательство „Перезвоны“ получило возможность увеличить въ каждомъ номерѣ количество цвѣтныхъ репродукцій, столь необходимыхъ для полноты освѣщенія творчества художниковъ, а потому съ четырнадцатаго номера (№ 14) въ журналѣ помѣщаются по 4 цвѣтныхъ репродукцій вмѣсто прежнихъ 2 и одновременно объемъ журнала увеличенъ до 32 страницъ текста (не считая цвѣтныхъ репродукцій и безпл. приложения „Дѣтскій уголокъ“).

Принимая же во вниманіе необходимость повышенія платы при этомъ и затруднительность для значительной массы русской эмиграціи приобрести 4 раза въ мѣсяцъ, журналъ хотя-бы и не по высокой цѣнѣ — Издательство

- 1) перешло на **выпускъ журнала лишь два раза въ мѣсяцъ,**
- 2) плату повысило лишь **до 50 рублей за номеръ.**

Такимъ образомъ, при платѣ въ 100 руб. въ мѣсяцъ читатель получаетъ то-же число цвѣтныхъ репродукцій, что и раньше за 160 руб., при незначительномъ лишь сокращеніи общаго числа одноцвѣтныхъ репродукцій и литературнаго матеріала въ двухъ номерахъ увеличеннаго объема противъ 4 прежнихъ.

Цѣна номера, съ № 14, — въ Латвіи 50 руб., за границей 25 ам. цент., въ Америкѣ 30 ам. ц.

Подписная плата съ 1 МАРТА

на 3 мѣсяца въ Латвіи — 250 руб. (5 латовъ), въ Эстоніи — 500 эст. мар., въ Литвѣ — 15 литовъ, за границей — 1 дол. 50 цент. амер., въ Америкѣ — 1 дол. 80 цент.

на 1 мѣсяцъ въ Латвіи — 100 руб. (2 лата), въ Эстоніи — 170 эст. мар., въ Литвѣ — 5 литовъ, за границей — 50 ам. цент.

Подписная плата за комплекты **Январь-февраль** (5 №№ прежняго объема и 1 увеличеннаго): въ Латвіи — 250 руб., въ Эстоніи — 400 эст. мар., въ Литвѣ — 12 литовъ, за границей — 1 дол. 25 цент., въ Америкѣ — 1 дол. 50 цент.

Комплектъ за 1925 г. — №№ 1—8

высылается: за 6 латовъ въ Латвіи, 15 литовъ въ Литвѣ, 500 эст. мар. въ Эстоніи, 1 дол. 50 цент. амер. за границу, въ Америкѣ — 2 ам. дол.

Подписная плата можетъ быть внесена во всѣхъ почтовыхъ конторахъ на нашъ почт. тек. счетъ № 916 — Riga, Post-Chek Conto № 916.

Подписчики, желающіе получить журналъ **заказной бандеролью**, приплачиваютъ 5 америк. центовъ за № (въ Латвіи — 25 сант.)

Краткое содержаніе вышедшихъ номеровъ журнала „Перезвоны“:

- № 1 — посвященъ Академику **С. А. Виноградову**. Произведенія М. Алданова, Б. Зайцева, Ив. Лукаша и др.
- № 2 — посвященъ Академику **Н. П. Богданову-Бѣльскому**. Произведенія И. А. Бунина, Ив. Лукаша, А. Ремизова и др.
- № 3 — посвященъ Академику **М. В. Нестерову**. Произведенія А. Ремизова, Тэффи, И. Шмелева и др.
- № 4 — посвященъ **С. А. Коровину**. Произведенія А. Даманской, В. Лодыженскаго, Ив. Лукаша, А. Чернаго и др.
- № 5 — посвященъ древне-русскому зодчеству. Произведенія В. Лодыженскаго, А. Ремизова, А. Чернаго и др.
- № 6 — посвященъ **В. М. Васнецову**. Произведенія К. Бальмонта, А. Ремизова, А. Чернаго и др.
- № 7/8 — посвященъ изображеніямъ Богоматери и Св. Младенца въ искусствѣ. Произведенія К. Бальмонта, О. Далматовой, М. Цвѣтаевой, М. Арцыбашева, В. Лодыженскаго, Ив. Лукаша, С. Минцлова, А. Ремизова, А. Чернаго, Е. Чирикова, Н. Бердяева и др.
- № 9 — посвященъ **А. М. Васнецову**. Произведенія К. Бальмонта, М. Осоргина, И. Шмелева, Н. Бердяева и др.
- № 10 — посвященъ **М. В. Добужинскому**. Произведенія К. Бальмонта, Ю. Галича, М. Осоргина, И. Шмелева и др.
- № 11 — посвященъ **И. И. Левитану**. Произведенія А. Даманской, В. Лодыженскаго, И. Шмелева и др.
- № 12 — посвященъ **В. В. Верещагину**. Произведенія А. Гамаюнъ, А. Куприна, Н. Рощина и др.
- № 13 — посвященъ **Н. К. Рериху**. Произведенія Н. Бѣлоцвѣтова, И. Кноррингъ, Б. Зайцева, А. Куприна и др.
- № 14 — посвященъ **Б. Н. Кустодіеву**. Произведенія К. Бальмонта, Б. Зайцева, Л. Столица, А. Чернаго и др.
- № 15 — посвященъ стариннымъ усадьбамъ „подмосковнымъ“. Произведенія К. Бальмонта, В. Лодыженскаго, Ив. Лукаша, А. Чернаго и др.
- № 16 — посвященъ **И. К. Айвазовскому** и **Ю. П. Анненкову**. Произведенія Ив. Лукаша, Тэффи и др.
- № 17 — посвященъ **В. Е. Маковскому** и **К. В. Дыдышко**. Произведенія Б. Зайцева, В. Лодыженскаго, Ив. Лукаша, А. Ремизова, И. Сургучева и др.
- № 18 — посвященъ **В. Г. Пурвиту**. Произведенія К. Бальмонта, Ив. Лукаша, В. Лодыженскаго, Н. Мишеева (къ юбилею Г. Гребенщикова).
- № 19 — (пасхальный). Произведенія Г. Адамовича, Бор. Зайцева, П. Кожевникова, А. Ремизова, А. Чернаго, Е. Чирикова и др.

Статьи, посвященныя творчеству русскихъ художниковъ,
проф. Н. И. Мишеева.

Отъ редакціи „ПЕРЕЗВОНОВЪ“

Посвящая по соглашенію съ „Педагогическимъ Бюро по организаціи средней и низшей русской школы заграницей“, настоящій номеръ „Дню русской культуры“, редакція открыла его страницы для русскихъ писателей независимо отъ политическихъ ихъ устремленій и чаяній, учитывая лишь то, что объединяетъ всѣхъ русскихъ людей, — любовь къ родинѣ, ея прошлому, вѣру въ ея будущее, и оставляя на отвѣтственности авторовъ то, что разъединяетъ русскихъ людей — детали оцѣнки русской культуры въ прошломъ, различія въ вѣрованіяхъ и взглядахъ на будущее.

День русской культуры да будетъ днемъ объединенія всѣхъ любящихъ родину...

ПОРВОШЫ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ
№ 20 1926

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Съ портрета Кипренскаго
A. S. Pushkin. From a portrait by Kiprensky

ДЕНЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Бережно относиться къ Русской культурѣ во всѣхъ ея проявленіяхъ, лелѣять ее, приобщать къ ней растущее за рубежомъ Россіи молодое поколѣніе — обязанность каждаго русскаго бѣженца. Въ то же время это отнюдь не мѣшаетъ использовать наше невольное пребываніе за границей для ознакомленія съ достиженіями западной культуры и для ея усвоенія. И не даромъ въ чествуемомъ нынѣ гениі русскаго народа — Пушкинъ — такъ блестяще и съ такой полнотой проявилось свойство русскихъ воспринимать общечеловѣческіе идеалы, перевоплощать свои мысли въ чужіе образы, не отрываясь въ то же время отъ своей родной почвы, отъ глубокаго чувства родины. Въ этой двойной задачѣ и въ подготовкѣ нашей молодежи къ работѣ по возсозданію Россіи весь смыслъ, вся идеологія, пожалуй даже, оправданіе нашего бѣженства. Надо, чтобы этой мыслью проникалось возможно большее количество русскихъ за рубежомъ, чтобы это сдѣлалось предметомъ повседневной заботы каждаго изъ насъ въ отдѣльности и нашихъ коллективовъ. А разъ эта мысль будетъ осознана, ей будетъ удѣляться достаточное количество времени и силъ, остающихся отъ другихъ занятій, дающихъ бѣженцамъ ихъ хлѣбъ насущный, каковымъ единымъ никогда не бываетъ сытъ русскій человѣкъ.

Вѣдь надо помнить, что въ Россіи, само имя которой замѣняется какимъ-то подобіемъ условнаго знака телеграфнаго кодекса, производится въ угоду интернаціонала въ нѣкоторомъ родѣ денационалізація, несмотря на то, что люди находятся на родной почвѣ. Все прошлое огульно опорачивается, въ одну кучу сваливается и хорошее и дурное. Въ подростающемъ поколѣніи коммунисты стараются вытравить любовь и пониманіе прошлаго своей родины. А вѣдь изъ совокупности и сложности явленій нашего прошлаго и произошла собственно русская культура. То обстоятельство, что культура эта нарождалась и разцвѣтала при крайне тяжелыхъ порою обстоятельствахъ, говорить лишь о ея силѣ. Этимъ же объясняется, что и въ настоящее время русская культура не только не умираетъ, но продолжаетъ творить тамъ, несмотря на невѣроятный гнетъ коммунистической власти. Издѣсь, въ бѣженскомъ распыленіи, въ тяжелыхъ нравственныхъ и экономическихъ условіяхъ русская культура жива и пускаетъ ростки, несмотря на свою оторванность отъ родной почвы.

Мощь русской культуры утверждаетъ насъ въ надеждѣ, что и изъ тягостныхъ теперешнихъ условій русская культура, а слѣдовательно и русскій народъ и русская государственность выйдутъ побѣдителями. Мощь русской

культуры и устойчивость народнаго быта побѣдятъ большевизмъ, подточенный экономической разрухой. Въ дни чествованія русской культуры важно не только приобщаться къ высшимъ ея достиженіямъ, но и отводить должное мѣсто народному быту и народному творчеству, т. е. тѣмъ подпочвеннымъ водамъ, тѣмъ первоисточникамъ, которые питали и питаютъ русскую культуру. Надо, чтобы, какъ удачно было кѣмъ-то сказано, вспоминался не только Пушкинъ, но и няня Арина Родіоновна.

Культура даннаго народа есть отсѣянные вѣками его достиженія, сумма того высокаго и прекраснаго, что имъ воспринято отъ прежнихъ культуръ и по своему переработано и закрѣплено съ тѣмъ, чтобы въ свою очередь передать грядущимъ поколѣніямъ и имѣющимъ народиться цивилизаціямъ. —

Культура народа и его языкъ являются самыми существеннымъ признакомъ націи подобно тому, какъ физическія особенности являются племенными признаками. Культура является болѣе точнымъ и постояннымъ національнымъ опредѣлителемъ, чѣмъ какія-либо географическія границы или государственныя образованія. Связь чрезъ родную культуру цементируетъ націю не только въ пространствѣ, но и во времени. Надо не только цѣнить высшія и позднѣйшія культурныя достиженія своего народа, но и понимать, а иногда и прощать его болѣзненные отклоненія, порой грѣхопаденія, и все же любить свою родину, какъ любишь близкаго тебѣ человѣка со всѣми его качествами и недостатками. „И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ.“

Надо, чтобы бодрѣющее настроеніе дня русской культуры, дней, мѣсяцевъ русской культуры поддерживали русскихъ во время ихъ временной оторванности отъ родины. Надо чтобы и впредь въ этотъ день и повседневно на почвѣ русской культуры русскіе люди разныхъ политическихъ толковъ и настроеній переживали единныя чувства и находили общій языкъ.

Каждый русскій бѣженецъ долженъ высоко нести свою голову и сознать себя частицей и носителемъ великой русской культуры.

Вотъ, что писалъ Чаадаеву Пушкинъ, отлично видѣвшій всѣ тѣневныя стороны Россіи и даже съ горяча въ другомъ мѣстѣ высказавшій досаду на свое русское происхожденіе: и „клянусь Вамъ моею честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы ни перемѣнить родину, ни имѣть другой исторіи, кромѣ исторіи нашихъ предковъ, какою намъ ее далъ Богъ!“

Кн. Петръ Долгоруковъ

Прага апрѣль 1926 г.

О РОССИИ

Развѣ можно говорить о ней? Она — какъ живая тайна: ея можно жить, о ней можно вздыхать, ей можно молиться; и, не постигая ея, блюсти ея въ себѣ; и благодарить творца за это счастье; и молчать...

Но о дарахъ ея; о томъ, что она дала намъ, что открыла; о томъ, что дѣлаетъ насъ русскими; о томъ, что есть душа нашей души; о своеобразіи нашего духа и опыта; что смутно чуютъ въ насъ и не осмысливаютъ другіе народы... объ отраженіи въ насъ нашей Родины — да будетъ сказано въ благоговѣніи и тишинѣ.

—
Россія одарила насъ безкрайними просторами, ширью уходящихъ равнинъ, вольно пронизываемыхъ взоромъ да вѣтромъ, зовущихъ въ легкой, далекой путь. И просторы эти раскрыли наши дѣла и дали имъ ширину, вольность и легкость, какихъ нѣтъ у другихъ народовъ. Русскому духу присуща духовная свобода, внутренняя ширь, осязаніе неизвѣданныхъ, небывалыхъ возможностей. Мы родимся въ этой внутренней свободѣ, мы дышемъ ею,

мы отъ природы несемъ ее въ себѣ, — и всѣ ея дары, и всѣ ея опасности: и дары ея — способность изъ глубины творить, всей душой любить и горѣть въ молитвѣ; и опасности ея — тягу къ безвластью, беззаконію, произволу и замѣшательству... Нѣтъ духовности безъ свободы; — и вотъ, пути духа открыты для насъ: и свои самобытные; и чужіе, проложенные другими. Но нѣтъ духовной культуры безъ дисциплины; — и вотъ, дисциплина есть наше призваніе и предназначеніе. Духовная свобода дана намъ отъ природы; духовное оформление задано намъ отъ Бога.

Разливается наша стихія, какъ весенняя полая вода, — ищетъ предѣла внѣ себя, ищетъ себѣ незатопимаго берега. И въ этомъ разливѣ наша душа жаждетъ закона, мѣры и формы; и когда находитъ, то вростаетъ въ эту форму свободно, вливается въ нее цѣликомъ, блаженно вкушаетъ ея силу и являетъ міру невиданную красоту...

Что есть форма? Грань въ пространствѣ; мѣра и ритмъ во времени; воля, законъ и долгъ въ жизни; обрядъ въ религіи. Линіи нашей иконы; завершенныя грани нашихъ храмовъ,

Н. Н. Ге
N. N. Ge

Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ. (Посѣщеніе Пушина)
Pushkin in the village Mihailovsky (a visit of Pustchin)

дворцовъ, усадебъ и избъ; живой неистощимый ритмъ нашего стиха, нашей музыки, нашей свободно творимой пляски — все это явленіе свободы, нашедшей свой законъ, но не умерщвленной и не исчерпанной имъ. Такъ въ старину образъ царя вѣнчалъ собою свободное бѣненіе народной жизни, но не подавлялъ и не умерщвлялъ его; и народъ свободно вѣрилъ ему и любилъ его изъ глубины. Такъ, православный обрядъ нашъ дышетъ успокоеніемъ и свободой въ своей завершенности, цѣльности и гармоничной, мѣрной истовости.

Не разрѣшена еще проблема русскаго характера; ибо досель онъ колеблется между небытіемъ и высшимъ достиженіемъ. Столѣтіями строили его монастырь и армія, государственная служба и семья. И когда удавалось имъ ихъ дѣло, то возникали величавые и красивые образы: русскіе подвижники, русскіе воины, русскіе безсребренники, претворявшіе свой долгъ въ живую преданность, а законъ — въ систему героическихъ поступковъ; и въ нихъ свобода и дисциплина становились живымъ единствомъ. А изъ этого рождалось еще болѣе высокое: священная традиція Россіи — выступать добровольцемъ, отдающимъ и достояніе, и жизнь за дѣло Божіе, всенародное и отечественное... И въ этомъ нынѣ — наша б ѣ л а я и д е я .

Наша родина дала намъ духовную свободу; ею проникнуто все наше лучшее; все драгоценнѣйшее — и православная вѣра, и обращеніе къ царю, и воинская доблесть, и весь нашъ душевный и духовный укладъ. Измѣнить этой свободѣ — значило бы отречься отъ этого дивнаго дара и совершить предательство надъ собою. А о томъ, какъ понести бремя этого дара и отвратить опасности на нашемъ пути — объ этомъ должны быть теперь всѣ наши помыслы, къ этому должны быть направлены всѣ наши усилія.

Россія одарила насъ огромными природными богатствами, и внѣшними, и внутренними; они неисчерпаемы. Правда, они далеко не всегда даны намъ въ готовомъ видѣ: многое таится подъ спудомъ; многое надо добывать изъ подъ этого спуда. Но знаемъ мы всѣ, слишкомъ хорошо знаемъ, что глубины наши обильны и щедры. Мы родимся въ этой увѣренности, мы дышемъ ею, мы такъ и живемъ съ этимъ чувствомъ, что „на всѣхъ хвтитъ, да еще и останется“; и часто не замѣчаемъ ни благостности этого ощущенія, ни сопряженныхъ съ нимъ опасностей...

Отъ этого чувства въ насъ разлита душевная доброта, нѣкое органическое ласковое добродушіе, спокойствіе, открытость души, общительность. Русская душа легка, текуча и пѣвуча, щедра и нищелюбива, — „всѣмъ хватить и еще Господь пошлетъ“... Вотъ онъ — наши монастырскія трапезы, гдѣ каждый приходитъ, пьетъ и ѣстъ, и славить Бога. Вотъ оно наше привѣтливое, широкое гостепрѣимство. Вотъ и

молитва, читаемая при постѣвѣ: „Боже! Устрой, и умножь, и возрасти на всякую долю чело- вѣка голоднаго и сираго, хотящаго, просящаго и произволяющаго, благословляющаго и неблагодарнаго“... И если въ простыхъ сердцахъ такъ обстоитъ, то что же думать о сердцѣ царя, гдѣ „всей Руси было мѣсто“ и гдѣ былъ источникъ любви, справедливости и милости для всѣхъ „сиротъ“ безъ изъятія?..

Легокъ и даровитъ русскій чело- вѣкъ: изъ ничего создать чудесное; грубымъ орудіемъ — тонкій узоръ; изъ одной струны извлечь и грусть, и удалъ. И не онъ сдѣлаетъ; а какъ-то „само выйдеть“, неожиданно и безъ труда; а потомъ бросится и забудется. Не цѣнитъ онъ своего дара; не умѣетъ извлекать его изъ подъ спуда; не понимаетъ, что талантъ безъ труда — соблазнъ и опасность. Проживаетъ свои дары, проматываетъ свое достояніе, пропиваетъ добро. Ищетъ легкости и не любитъ напряженія; развлекется и забудеть; выпашетъ землю и броситъ; чтобы срубить одно дерево, погубить пять. И земля у него „Божья“, и лѣсъ у него „Божій“; и чужое не запретно. Не справляется онъ хозяйственно съ бременемъ природной щедрости; и какъ намъ быть въ будущемъ съ этимъ соблазномъ безхозяйности — объ этомъ должны быть теперь всѣ наши помыслы...

Россія поставила насъ лицомъ къ лицу съ природой, суровой и захватывающей, съ глубокой зимой и раскаленнымъ лѣтомъ, съ безнаденною осенью и бурною, страстно весною. Она погрузила насъ въ эти колебанія, срасторила съ ними, заставила насъ жить ихъ властью и глубиной. Она дала намъ почувствовать разливъ водъ, безудержъ ледоходовъ, бездонность омутовъ, зной засухи, буреломъ вѣтра, хаосъ мятелей и смертныя игры мороза. И души наши стали глубоки и буреломны, разливны и бездонны, знойны и безудержны; и научились идти во всемъ до конца и не бояться смерти.

Намъ сталъ „родимъ древній хаосъ“; и безглагольные рѣчи его естества стали доступны и понятны нашимъ сердцамъ. Намъ открылся весь размахъ страстей и всѣ крайности верха и низа, „самозабвенной мглы“ и „безсмертнаго солнца ума“, сонной вялости и буйной одержимости, безконечной преданности на смерть и неугасимой ненависти на всю жизнь. Мы коснулись, въ лицѣ нашихъ Святыхъ, высшей, ангельской праведности; и сами извѣдали природу послѣднихъ паденій, безумства, злодѣйства и сатанинства. Мы вынесли изъ паденій всю полноту покаянія и всю остроту совѣстныхъ угрызений, сознание своего ничтожества и близость къ смиренію. Но тяжести смиренія мы не вынесли и мѣры его не соблюли: мы пали въ самоуничженіе и уныніе; и рѣшили, что „мы — ничто“. И не справившись съ этимъ бременемъ, вознаградили себя мечтаніемъ о томъ, что „мы — соль вселенной“... Мало того, мы не выдержали соблазновъ этой все-

В. ОРЛОВЪ
V. ORLOFF

„У СТЬНЬ КРЕМЛЯ“
„BY THE WALLS OF KREML“

доступности и этого всепрохождения, и впали въ духовное смѣшеніе: мы потеряли грани божественнаго и небожественнаго, неба и земли, добра и зла; мы пытались обожествить сладострастіе, возвеличить грѣхъ, воспѣть преступленіе, прославить слѣпую одержимость; мы отвернулись отъ стыда, погасили разумъ, разлюбили трезвеніе, потеряли дорогу къ духовной очевидности. Хлыстовское начало захватило наши души: мы создали хлыстовское искусство, хлыстовскую философію, хлыстовскую политику. И вотъ, воцарилась смута и все пошло верхнимъ концомъ внизъ...

Но соблюдаемъ наши дары! Чувство безпредѣльности, живой опытъ ночной стихіи, даръ пророческой одержимости — дала намъ наша родина. Отречься отъ этого дара — значило бы отречься и отъ нея и отъ себя. А о томъ, какъ понести этотъ даръ, не падая и не роняя его — объ этомъ намъ надо болѣть и думать неустанно...

—
Всѣмъ тѣмъ Россія дала намъ религиозно-живую, религиозно-открытую душу. Издревле и изначально русская душа открылась Божественному и восприняла Его лучъ; и сохранила отзывчивость и чуткость ко всему значительному и совершенному на землѣ.

„Нѣтъ на землѣ ничтожнаго мгновенья“; и къ испытанью, къ удостовѣренью этого намъ даны живые пути. За „безмолвными, обстав-

шими насъ, предметами“ намъ дано осязати нѣкое незримое присутствіе и чують вѣянїя „нездѣшняго міра“. И наши поэты, — наши пророки, — удостовѣрили насъ въ томъ, что это такъ: орлимъ зракомъ видѣли они воочию эту „таинственную отчизну“ и свое служеніе осмыслили сами, какъ пророческое.

Что есть жизнь человѣка безъ этой живой глубины, безъ этой „осіянности и согрѣтости“ внутреннимъ свѣтомъ? Это — земное безъ Божественнаго; внѣшнее безъ внутренняго; видимость безъ сущности; оболочка, лишенная главнаго; пустой бытъ, бездыханный трупъ, повапленный гробъ; суета, прахъ, пошлость...

Изъ глубины нашего Православїя родился у насъ этотъ вѣрный опытъ, эта увѣренность, что священное есть главное въ жизни и что безъ священнаго жизнь становится униженіемъ и пошлостью; а Державинъ и Пушкинъ подарили намъ это клеймящее и рѣшающее слово, котораго совсѣмъ лишены другіе языки и народы...

Пусть не удается намъ всегда и безошибочно отличить главное отъ неглавнаго и священное отъ несвященнаго; пусть наши низы блуждаютъ въ предчувствующихъ суевѣрїяхъ, а верхи гоняются сослѣпу за пустыми и злыми химерами. Будущее должно освободить и очистить насъ... Но къ самому естеству нашего народа относится это взысканіе Града, это вѣчное прислушиваніе къ поддоннымъ колоколамъ Китежа, это паломничество къ далекой и

М. В. Нестеровъ
M. V. Nesteroff

Преподобный Сергій благословляетъ Дмитрія Донскаго
St. Sergius blessing the Prince Dmitry Donskoy,

В. М. Васнецовъ
V. M. Vasnetsoff

„Святые земли русской“
„The saints of Russia“

близкой святинѣ, это углубленіе и освященіе быта, это религиозное пріятіе и осмысленіе міра... Православіе научило насъ освящать молитвою каждый мигъ земного труда и страданія: и въ рожденіи, и въ смерти; и въ молении о дождѣ и въ окропленіи плодовъ; и въ освященіи ратнаго знамени, и въ надписи на зданіи университета; и въ коронованіи царя, и въ борьбѣ за единство и свободу отчины. Оно научило насъ быть святою Русью...

И что останется отъ насъ, если мы развѣмъ и утратимъ нашу способность къ религиозной очевидности, нашу волю къ религиоз-

ному міропріятію, наше чувство непрестаннаго предстанія?

Созерцать научила насъ Россія. Въ созерцаніи наша жизнь, наше искусство, наша вѣра...

У зрячаго глаза прикованы къ дали; у слѣпого очи уходятъ вглубь.

О, эти цвѣтущіе луга и безкрайныя степи! О, эти облачныя цѣпи, и гряды, и грозы, и громаы, и сверканія! О, эти теплыя рощи, эти дремучіе боры, эти океаны лѣсовъ! Эти озера,

властныя рѣки и безмолвныя заводи! Эти моря, то солнечныя, то ледяныя! Эти далекія, снѣжныя, царственныя горы! Эти сѣверныя сіянія! Эти осенніе хороводы и побѣги звѣзд!—Отъ вась прозрѣли наши вѣщіе художники... Отъ вась наше видѣніе, наша мечтательность, наша пѣсня, наша лѣнь...

Красота учитъ созерцать и видѣть. И тотъ, кто увидѣлъ красоту, тотъ становится ея плѣнникомъ и ея творцомъ. Онъ мечтаетъ о ней, пока не создастъ ее; а создавъ ее, возвращается къ ней мечтою за вдохновеніемъ. Онъ вноситъ ее во все: и въ молитву, и въ стѣны Кремля, и въ ткань, и въ кружево. Отъ нея души становятся тоньше и нѣжнѣе, глубже и пѣвучѣе; онѣ научаются видѣть себя, свое внутреннее и сокровенное. И страна даетъ міру духовныхъ ясновидцевъ.

Можно ли вѣрить, не видя? Можно ли вѣ-

рить отъ воли и мысли? Можно ли замѣнить въ религіи чувствующее видѣніе — усиліемъ желанія или разсужденіемъ ума? — Если можно, то эта вѣра не наша; это вѣра чужая, западная, мертвая. Православная Россія вѣритъ иначе, глубже, вѣрнѣе. Въ ея вѣрѣ есть мѣсто и воля; но воля не родитъ вѣру, а сама родится отъ вѣры, родится огненная, непреклонная, неистощимая. Есть мѣсто и разуму; но разумъ не родитъ вѣру и не обезсиливаетъ ее, а самъ насыщается ею и мудрѣетъ отъ нея. Вѣра же родится отъ того, что человекъ созерцаетъ Бога любовью... И да хранятъ русскія души эту вѣру и ея источники до конца; да не соблазняются чужими неудачами и блужданіями...

Но вѣдь отъ чрезмѣрной созерцательности души становятся мечтательными, лѣнивыми, безвольными, нетрудолюбивыми... Откроемъ

В. И. Суриковъ
V. I. Surikoff

„Боярыня Морозова“ (Фрагментъ картины)
„Bojarynia Morosova“ (a fragment of a painting)

Кремлевскія укрѣпленія въ XVIII вѣкѣ. Съ картины Фр. Гильфердинга 1787 г.
Fortifications of Kreml in the XVI century. From a painting by Fr. Gilferding in 1787

же себѣ глаза и на эту опасность; и будемъ неустанно ковать силу, вѣрность и цѣльность нашего русскаго характера!

—
Россия дала намъ богатую, тонкую, подвижную и страстную жизнь чувства.

Носясь безъ руля и безъ вѣтриль, наша жизнь принимаетъ обличіе каприза, самодурства, обидчивости, подполья, неуравновѣшенности и ожесточенности. Но сочетаясь съ природною добротою и съ мечтою о безпредѣльности, она даетъ чудные образы добродѣтели, гражданской доблести и героизма.

Вотъ она — удобообразимість русской души: способность умилиться безъ сентиментальности; простить отъ всей души; закончить разбойную жизнь святостью. Вотъ она — русская воля къ совершенству: способность къ монашескому цѣломудрію втайнѣ; поиски отреченія и тишины; простота и естественность въ геройствѣ; вѣрность и стойкость передъ лицомъ мученій и смерти; предсмертная схи́ма русскихъ царей. Вотъ оно — русское мечтаніе о полнотѣ и всецѣлости: это всенародное христосованіе на Пасху; это собраніе всѣхъ людей, всѣхъ сословій и всѣхъ земель русскихъ подъ единую руку; эта каѳоличность вѣры; эти грезы о преждевременномъ и непосильномъ братствѣ всѣхъ народовъ. Вотъ она — эта склонность русскаго народа возвращать тѣ общественныя формы, которыя покоются на братствѣ, или зиждуются жертвою и любовью: приходъ; артель; землячество; монастыри; челоуѣколюбивыя учрежденія, рождающіяся изъ жертвы; монархическій укладъ, невыслыимый безъ любви къ родинѣ и къ царю...

Но въ ряду этихъ нравственныхъ образовъ, можетъ быть, выше всѣхъ стоитъ древнее

русское соединеніе и раздѣленіе церкви и государства. Церковь учитъ, ведетъ, наставляетъ, совѣтуетъ и помогаетъ; укрѣпляетъ, благословляетъ и очищаетъ; — но не посягаетъ, не властвуетъ, не повелѣваетъ и не порабощаетъ; блюдетъ свободу — пасомага и пасущаго; и потому не заискиваетъ, не покоряется, не раболѣпствуетъ и не угодничаетъ; она — власть, но не отъ міра сего; — духовникъ и ангель хранитель. А государство — бережетъ, обороняетъ, покоитъ и предоставляетъ ей все необходимое; провѣряетъ себя, ищетъ свѣта, духовнаго умудренія и чистоты; — но не посягаетъ, не возглавляетъ, не предписываетъ церкви ея духовнаго закона и строя; чтитъ ея свободу, но не возлагаетъ на нее своего бремени, не искушаетъ ея своими дарами и соблазнами, и само творитъ дѣло своей земной власти...

Есть, чему поучиться Западу у русскаго Востока. Есть непреходящая мудрость и доблесть въ нашей исторіи...

—
Но вѣдъ чувствительность и фантазерство въ политикѣ бываютъ беспочвенны, безвольны и гибельны; а нравственный идеализмъ можетъ выродиться въ сентиментальность и моральную заносчивость... Такъ не отречемся же отъ лучшаго и не забудемъ соблазновъ!..

—
И еще одинъ даръ дала намъ наша Россия: это нашъ дивный, нашъ могучій, нашъ поющій языкъ!

Въ немъ вся она, — наша Россия. Въ немъ всѣ дары ея: и ширь неограниченныхъ возможностей; и богатство звуковъ, и словъ, и формъ; и стихійность, и нѣжность, и возвышенность, и размахъ; и мечтательность, и сила; и ясность, и красота. Все доступно нашему языку. Онъ всему покоренъ и потому надо всѣмъ властенъ...

И. И. ШИШКИНЪ
I. I. SHISHKIN

„РОЖЬ“
„THE BARLEY“

Въ немъ гудѣніе далекихъ колоколовъ и серебро ближнихъ колокольчиковъ. Въ немъ лѣсные шорохи и хрусты. Въ немъ травяные шелесты и вздохи. Въ немъ клекоть, и грай, и свистъ, и щебетъ птичій. Въ немъ громы небесные и рыки звѣриные. Въ немъ — вся, поющая, русская душа. . .

Пока звучитъ онъ, въ своей неопикуемой музыкальности, въ своей открытой простотѣ, въ своемъ цѣломудріи и въ своей кованости, — звучатъ сами именуемые предметы, знаменуя о самихъ себѣ и о томъ болѣшемъ, что скрыто за ними. А когда смолкаютъ его звуки, столь властные и столь нѣжные, — то водворяется молчаніе, насыщенное высказанными несказанностями.

Языкъ острый, рѣжущей мысли. Языкъ трепетнаго, рождающаго предчувствія. Языкъ волевыхъ рѣшеній и свершеній. Языкъ паренія и пророчествъ. Языкъ неуловимыхъ прозрѣностей и вѣчныхъ глаголовъ.

Горе намъ, что не умѣли мы беречь его и бережно растить его, — въ его звучаніи, въ его законмѣрной свободѣ, въ его сокровенномъ ритмѣ, въ ризахъ его правописанія! Не любить его, не блюсти его — значитъ не любить и не блюсти нашу Родину.

А что есть человекъ безъ Родины?

Чѣмъ были бы мы, если бы кому-нибудь удалось оторвать насъ отъ нашей Россіи?

Пусть же міръ познаетъ нашъ языкъ и черезъ него впервые коснется нашей Родины. Ибо тогда, и только тогда онъ услышитъ не о Ней, а Ее.

А о Ней — говорить нельзя. Она какъ живая тайна: Ею можно жить, о Ней можно вздыхать, Ей можно молиться; и, не постигая Ея, блюсти Ее въ себѣ; и благодарить Творца за это счастье; и молчать.

Проф. И. А. Ильинъ

К. ПРИТИССКІЙ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА, КАКЪ „НАКАЗЪ“ РУССКАГО НАРОДА

I

Въ конечномъ международномъ спорѣ на- жденно высказываются въ литературу извѣстнаго народа, обнимающей и народное творчество, и первоначальную письменность, и творенія первоклассныхъ поэтовъ. Признаемъ только, что эта литература не ограничивается однимъ лишь отраженіемъ жизни. Великій смыслъ ея и назначеніе не отражать жизнь, а указывать пути къ достойному человекѣ прохожденію этой жизни. Великій писатель, а тѣмъ болѣе гениальный, хочетъ не хотеть, но ставить предъ собой такую цѣль. Въдъ онъ представляетъ, какъ бы экстрактъ души своего народа, часто вѣками собирающаго силы, чтобы выбросить на поверхность жизни гения. Для чего? Для того, чтобы въ трудную минуту своей жизни, заблуд-

жденно высказываются въ литературу извѣстнаго народа, обнимающей и народное творчество, и первоначальную письменность, и творенія первоклассныхъ поэтовъ. Признаемъ только, что эта литература не ограничивается однимъ лишь отраженіемъ жизни. Великій смыслъ ея и назначеніе не отражать жизнь, а указывать пути къ достойному человекѣ прохожденію этой жизни. Великій писатель, а тѣмъ болѣе гениальный, хочетъ не хотеть, но ставить предъ собой такую цѣль. Въдъ онъ представляетъ, какъ бы экстрактъ души своего народа, часто вѣками собирающаго силы, чтобы выбросить на поверхность жизни гения. Для чего? Для того, чтобы въ трудную минуту своей жизни, заблуд-

И. А. Крыловъ, А. С. Пушкинъ, В. А. Жуковский, П. П. Гнѣдичъ
I. A. Kryloff, A. S. Pushkin, V. A. Jukovsky, P. P. Gneditch

Безъ сомнѣнія, что цѣнности такого свойства наиболѣе убѣ-

чтобы въ трудную минуту своей жизни, заблуд-

дившись „въ тѣни и сѣни смертнѣй“, сдѣлавшись предметомъ укора и насмѣшекъ „сосѣдей“, сказать: „на самомъ дѣлѣ я не такой, какимъ кажусь въ вашихъ глазахъ... Я сейчасъ соблазнился и упалъ, но я знаю, что встану и выйду изъ трясины... Дайте только время дорогу вспомнить... Она у меня записана... Созданные мною поэты записали ее подъ мою же „диктовку“. Всѣмъ „міромъ“, какъ „наказъ“, диктовали мы ее...“

Литература, по своему существу, и есть такой „наказъ“, содержащій „глаголы и правды чистыя ученье“.

Настало теперь время русскому народу опереться на свой „наказъ“. Пришла „трудная минута“. Кругомъ смѣются, пальцами показываютъ, „главами покиваютъ“.

„Я совсѣмъ не такой! — слышится больной крикъ. — „Если не вѣрите, то, хоть мелькомъ, мимоходомъ взгляните на мой „наказъ“!.. Всѣ подъ Богомъ ходимъ... Можете и вы споткнуться“...

Послѣднее слово всегда дается „обвиняемому“. Послушаемъ его.

II

— „Еще въ тѣ времена, когда не было у насъ ни городовъ, ни царей, ни законовъ, ни судей, мы собрались и порѣшили, что лучше жить правдой, чѣмъ кривдой. Притчу сочинили на такой случай. Назвали вы ее сказкой. Записана она теперь учеными людьми, какъ и многія другія наши притчи, гдѣ всегда зло наказывается, бѣдные и убогіе награждаются, а злые богачи „терпятъ досаду“... Съ городами и селами появились богатыри у насъ, и среди нихъ самый славный Илья Муромецъ. Снарядили мы его на дѣло ратное, на защиту земли русской и дали въ дорогу „благословенье на добрыя дѣла“, приказавъ „не помыслить зломъ на татарина, не убить въ чистомъ полѣ крестьянина“, думать „о вдовахъ и малыхъ дѣтушкахъ“. И объ этомъ записано теперь. Былиною у васъ прозывается“...

„Вѣру Христа мы приняли и науку съ нею. Умнаго князя Владимира Мономаха на свѣтъ Божій выпустили и чрезъ „поученье“ его наказали: „убогихъ, сиротъ не забывайте... Женъ своихъ любите... Помните, что и слуга чловѣкъ, а потому не изнуряйте духъ ихъ и тѣло работой. Не позволяйте сильному погубить слабого. Судь уважайте и никого не предавайте смертной казни!..“

„Съ гордостью заявляемъ, что въ тѣ времена на Западѣ не было такого наказа „о праведномъ житіи“.

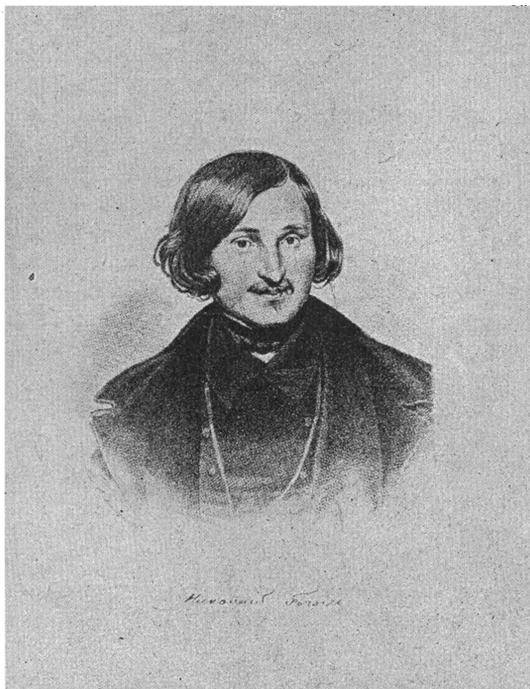
Въ года злой татарщины, когда, по „слову“ Серапіона Владимирскаго, „церкви Божіи были разрушены, святыни пограны, святители сдѣла-

лись снѣдой меча, сила князей исчезла, и кровь, какъ вода, напояла землю“, у тѣшли мы чрезъ безымянныхъ писцовъ и сказателей, — грядущей побѣдой, умилляли души надеждой, призвали къ терпѣнію и покаянію. Въ житіяхъ нашихъ святыхъ, легендахъ и апокрифахъ все это обрѣтается. Освободившись, отъ татаръ, какъ а за ли въ суровомъ „Домостроѣ“, какъ „домъ — семью свою добрѣ строить“, а у Нила Сорскаго ука за ли путь „внутренняго души устроенія“...

„Съ Петромъ Великимъ попросили Кантемира высмѣять все глупое, что отъ стараго осталось, и что новая мода принесла, дабы тѣмъ самымъ привлечь всѣхъ на „стезю добродѣтели“. Отъ Фонъ-Визина потребовали, чтобы онъ въ театрѣ во всеуслышаніе сказалъ: „Имѣй сердце, имѣй душу

и будешь чловѣкъ во всякое время! Безъ души просвѣщеннѣйшая умница — жалкая тварь“!.. Карамзину подказали, что главное „быть чловѣкомъ, воспитанномъ въ сердцѣ своемъ, рожденномъ къ общежитію, дружбѣ, готового всѣхъ любить съ искренностью“. Жуковскій, прислушавшись къ нашей тоскѣ по чловѣку, пропѣлъ, что „никогда не нужно забывать святѣйшаго изъ званій — чловѣкъ“. Это, вѣдь, мы утвердили Жуковскаго и на мысли, что „поэзія есть небесной религіи сестра земная“, что поему „она должна быть наставницею людей, согрѣвая ихъ сердце любовью“, а самъ поэтъ долженъ всегда „питать въ себѣ святое, никакими сферами неограниченное желаніе общаго блага“.

„Взявъ силушку тѣла Ильи Муромца и съ помощью Божьей да матери-земли претворивъ силушку эту въ духъ, „изготовили“ мы господина Пушкина, Александра Сергѣевича. Хотѣлось по настоящему отвѣтить Его Величеству Петру Первому... Большой „наказъ“ дали мы своему „богатырю“, отправляя его въ путь-дороженьку на весь теперь міръ. Все выполнилъ нашъ свѣтъ — Александръ Сергѣевичъ. Оглянувшись назадъ, увидѣлъ онъ, какъ думали мы съ старо-давнихъ временъ „о праведномъ житіи“. Подвелъ всему итоги. Посмотрѣвъ впередъ, дорогу начерталъ, по какой идти, чтобы на старомъ-крѣпкомъ и хорошемъ новомъ выстроить. Остеръ былъ на ухо Александръ Сергѣевичъ. Все услыхалъ, что ему думушка народная „на-

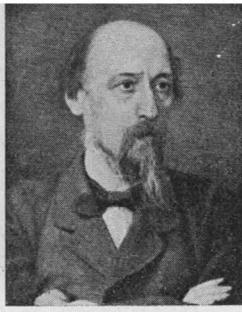
Н. В. Гоголь
N. V. Gogol

Гр. А. К. Толстой
The count A. K. Tolstoy

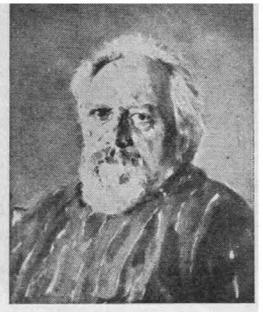
И. А. Гончаровъ
I. A. Gontcharoff

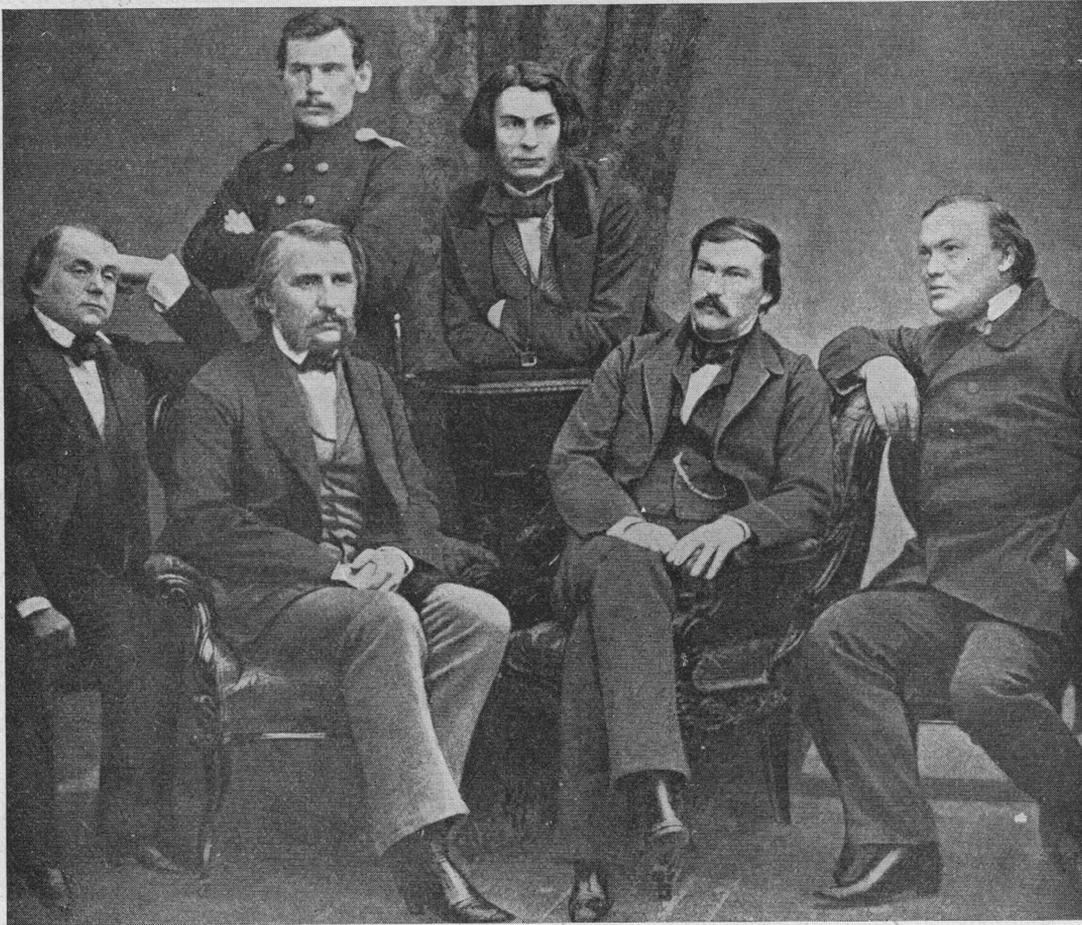
Н. А. Некрасовъ
N. A. Nekrassoff

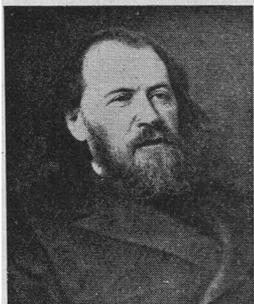
А. Н. Островскій
A. N. Ostrovsky

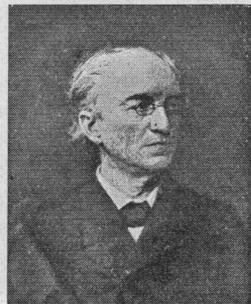
Н. С. Лсковъ
N. S. Leskoff

Гр. Л. Н. Толстой Д. В. Григоровичъ И. А. Гончаровъ И. С. Тургеневъ А. В. Дружининъ
А. Н. Островскій. Въ мартъ 1856 г. въ С.-Петербургъ
The count L. N. Tolstoy D. V. Grigorovitch I. A. Gontcharoff I. S. Turgeneff A. V. Drujinin
A. N. Ostrovsky. In March 1856, at St. Petersburg

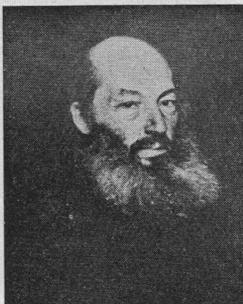
Я. П. Полонскій
J. P. Polonsky

Ө. И. Тютчевъ
Th. I. Tutcheff

М. Ю. Лермонтовъ
M. I. Lermontoff

А. А. Феть
A. A. Fet

А. Н. Майковъ
A. N. Maykoff

казывала". Радые мы были и устами „младшихъ богатырей“, которыхъ одного за другимъ выпускали на „дѣло духовное“, по вѣдали нашу радость о главномъ „атаманѣ“ ихъ. Вотъ что сказали о Пушкинѣ Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій, товарищи работы его великой.

„Пушкинъ — это русскій челоѣкъ въ его развитіи, въ какомъ онъ, можетъ быть явится чрезъ двѣсти лѣтъ. Въ немъ русская природа, русская душа, русскій языкъ отразились въ той же чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптического стекла.“ (Гоголь).

„Самая сущность, всѣ свойства поэзій Пушкина совпадаютъ со свойствами, сущностью нашего народа. Не говоря уже о мужественной прелести, силѣ и ясности его языка, эта прямодушная правда, отсутствіе лжи и фразы, эта простота и откровенность и честность ощущеній, — всѣ эти хорошія черты хорошихъ русскихъ людей поражаютъ въ твореніяхъ Пушкина не однихъ насъ, его соотечественниковъ, но и тѣхъ иностранцевъ, которымъ они стали доступны.“ (Тургеневъ).

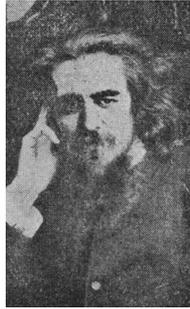
„Пушкинъ, какъ величайшій художникъ, есть совершеннѣйшій выразитель русскаго народнаго духа — именно способности его къ всемірной отзывчивости и примиренію, способности вмѣстить въ себя идею всечеловѣческаго единенія, братской любви, трезваго взгляда, прощающаго враждебное, снимающаго противорѣчія“... (Достоевскій).

„Правильно, правильно! . . . Всю свою жизнь горѣли этимъ... Жаромъ и пламенемъ такого горѣнія надѣляли души и сердца предстателей нашихъ. По нимъ просимъ судить о насъ, а не брать только насъ самихъ, у которыхъ

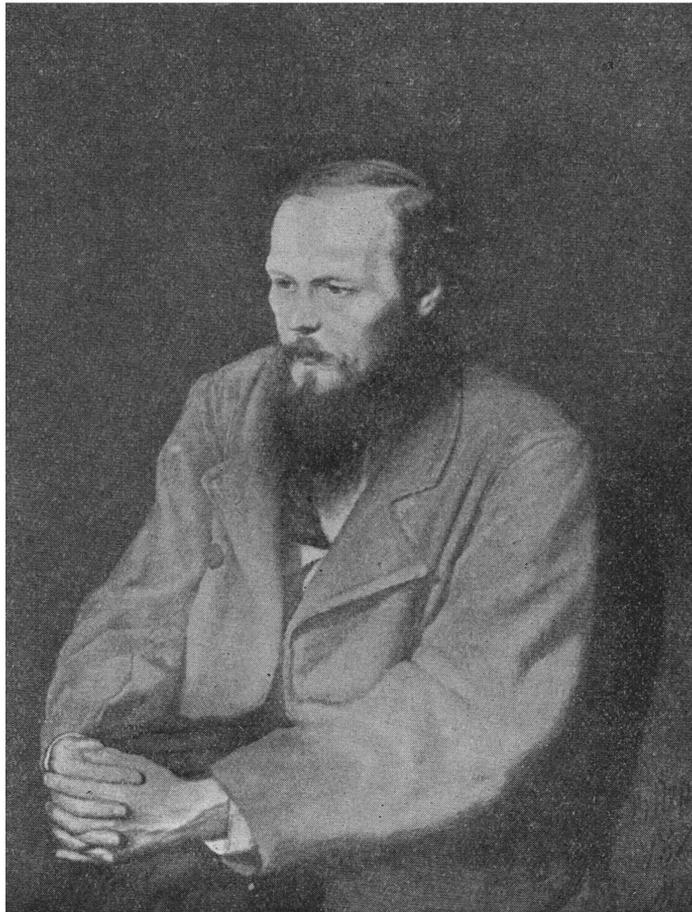

В. Г. Бѣлинскій
V. G. Belinsky

А. С. Хомяковъ
A. S. Homiakoff

Вл. С. Соловьевъ
Vl. S. Solovjeff

Ф. М. Достоевскій. Съ карт. В. Г. Перова
Th. M. Dostojevsky (from a painting by V. G. Peroff)

чуть-ли не каждый день, съ утра и до ночи, уходилъ на борьбу съ разнаго сорта „звѣрьемъ“, видимымъ и невидимымъ - дьявольскимъ. Легко вамъ съ нимъ бороться на Западѣ, гдѣ и повернуться негдѣ, гдѣ все, какъ на ладони. А у насъ вотъ одна Архангельская губернія больше вашей Германіи въ нѣскольکو разъ. Есть, значитъ, гдѣ „звѣрю“ разгуляться . . .

„Спасибо Александру Сергѣичу! Все онъ сказалъ, что „міромъ“ наказывали мы ему. Дали мы ему талантъ не для удовольствія, а для того, чтобы „жечь сердца людей“, „добрыя чувства пробуждать“, „призывать милость къ падшимъ“. На весь міръ разсказалъ онъ о нашей такой „думѣ“ . . .

„Долгій разговоръ мы имѣли съ насмѣшникомъ Гоголемъ, прежде чѣмъ отправить его „ходокомъ“. Росписку далъ, что все заказанное сдѣлаетъ. Вотъ она: „я писатель, а долгъ писателя — не одно доставленіе пріятнаго занятія уму и вкусу; строго взыщется съ него, если

отъ сочиненія его не распространится какая-нибудь польза душѣ и не останется отъ него ничего въ поученіе людямъ . . . Я не знаю подвига выше, какъ подать руку изнемогшему духомъ . . . Я вижу въ этомъ трудъ важный, благородный, на пользу отечества, для счастья гражданъ, для блага себѣ подобныхъ . . . Не пустой я скоморохъ, созданный для потѣхи пустыхъ людей! . . . Я возбудилъ смѣхъ не тотъ безнужный, которымъ пересмѣиваетъ въ свѣтѣ челоѣкъ челоѣка, который рождается отъ бездѣльной пустоты празднаго времени, но смѣхъ, родившейся отъ любви къ челоѣку . . . Поэтому, „не возмутимъ духомъ“, если бы даже самъ нечистый духъ шепнулъ: „— что смѣтеться? Надъ со-

бой смѣтается! — Гордо скажемъ ему: „да, надъ собой смѣемся, потому что слышимъ приказанье Высшее быть лучшими“ . . .

„И Тургеневъ, и Гончаровъ, и Островскій, и Левъ Толстой съ Достоевскимъ и вся „ратъ честная“, которой мы окружили этихъ „водители“, отправляя ихъ на „дѣло трудное“: насъ разъяснить, міру духъ нашъ обнаружить, мечты наши повѣдать, о тоскѣ рассказать нашей по землѣ такой, „гдѣ всякъ человѣкъ въ довольствѣ и справедливости могъ жить“ —, всѣ они, каждый на свои ладъ, исполняли свое великое дѣло, „наказъ“ нашъ въ жизнь проводили, не молчали, много, много страдали за рвеніе свое, за усердіе вѣрой и правдой послужить тому, кто послалъ ихъ, своему народу.

„Отсюда и крѣпкій-крѣпкій завѣтъ нашъ, чрезъ Шедрина — Салтыкова сказанный: „П а ч е всего люби родную литературу“! . . . Въ дни тревогъ, сомнѣній, отчаянія и слезъ погружайся въ эту литературу! Она возродитъ пошатнувшуюся вѣру въ силы народа, вызоветъ надежды, заставитъ работать и трудиться не только для самого себя, но и для будущихъ поколѣній. Она убѣдитъ тебя въ челоѣчности твоего народа, несмотря на видимую его безчелоѣчность, расскажетъ, какъ онъ на зарѣ своей жизни уже боролся съ кривдой во имя правды,

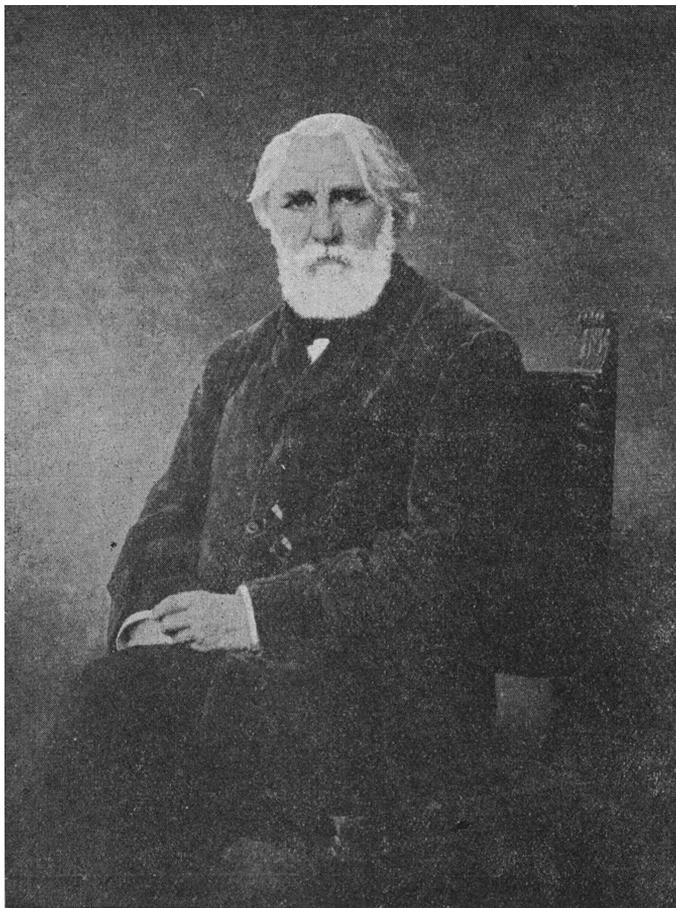
какъ борьбу эту онъ пронесъ въ теченіи всей своей исторіи, переживая въ ней моменты без-

конечнаго трагизма... Ты увидишь въ этой литературѣ всю его борьбу съ „звѣремъ“, поймешь, почему онъ самъ становится звѣремъ и простишь ему его темные дни, простишь, хотя бы потому, что глубина духа его, выявленная имъ въ своемъ творчествѣ, начиная съ тысячелѣтней сказки и кончая Пушкинымъ „со товарищи“, освѣщается тѣмъ началомъ жизни, имя которому добро не только для себя, но и для всѣхъ окружающихъ, для всего челоѣчества. „Всякъ челоѣкъ должень жить въ довольствѣ и справедливости“, — убѣжденно говоритъ тургеневскій Касьянъ. Безъ этого не можетъ быть „праведнаго житія“. „Не въ отшельничествѣ, монашествѣ, постѣ смыслъ жизни, не ими приходитъ милость Божія, а вся-

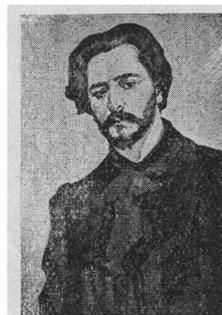
кимъ малымъ дѣломъ“ (Владимиръ Мономахъ) на скорѣйшее утверженіе справедливости, мира и счастья для всѣхъ . . .

„Паче же всего люби родную литературу! . . . Тамъ мой „наказъ“ тебѣ, посланный съ безграничныхъ степей, дремучихъ лѣсовъ, широкихъ приподнятыхъ рѣкъ, высокихъ горъ, теплыхъ и холодныхъ морей, посланный чрезъ лучшихъ моихъ людей“ . . .

К. Притисскій

И. С. Тургеневъ. Съ карт. А. Харламова
I. S. Turgeneff (from a painting by A. Harlamoff)

Л. Н. Андреевъ
L. N. Andreeff

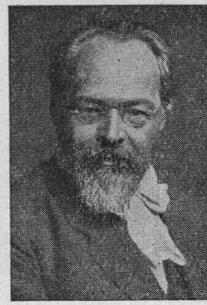
Вл. Г. Короленко
Vl. G. Korolenko

А. П. Чеховъ
A. P. Tchehoff

М. Горькій
M. Gorky

Е. Н. Чириковъ
E. N. Tchirikoff

А. ФЕДОРОВЪ

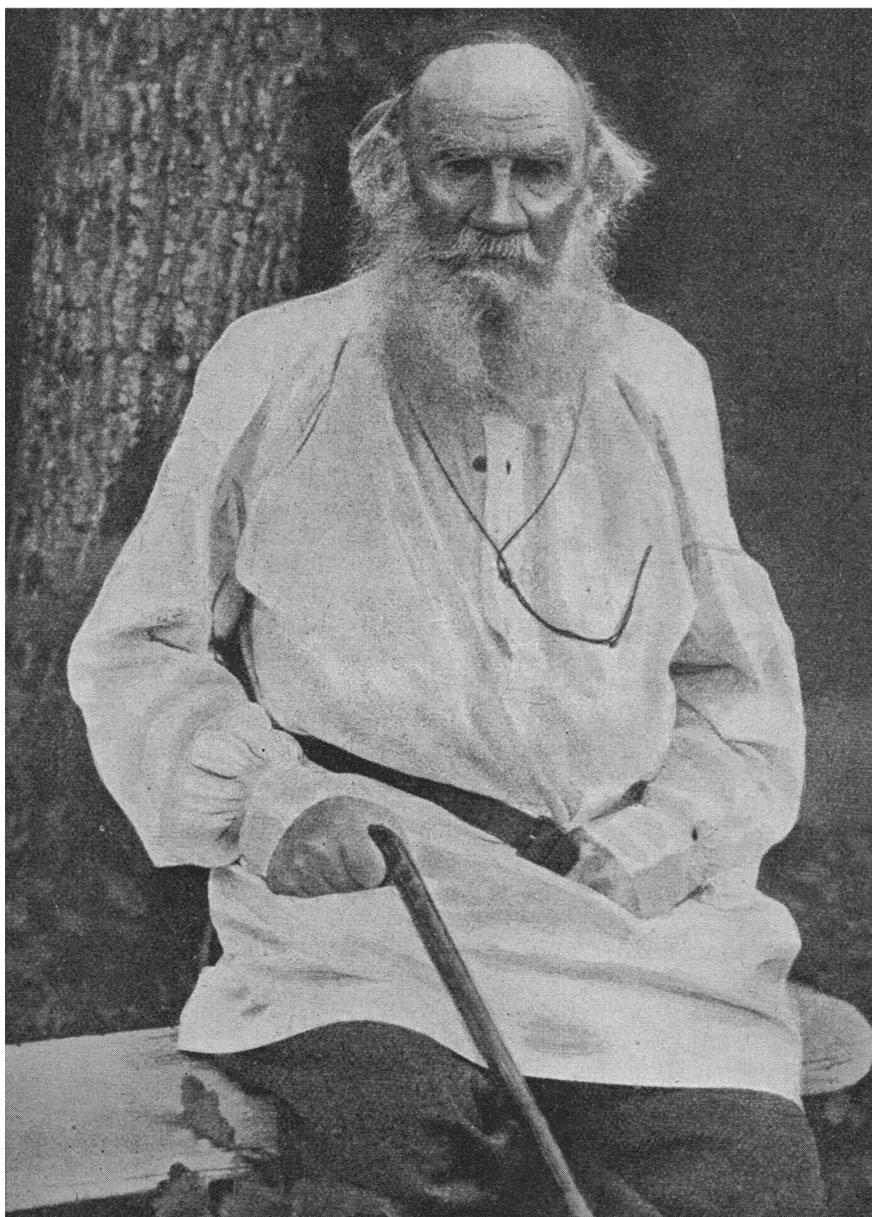
МЪДНЫЙ ВСАДНИКЪ

Тамъ, гдѣ могучій Всадникъ Мѣдный,
О вѣковой гранитъ звеня,
Сдавиль главу змѣи зловредной
Копытомъ гордаго коня, —
Изъ подъ гранита пьедестала
Пробился новый злобный гадъ,
Его раздвоенныя жала
Коня и всадника язвятъ.
Но хоть и вздыбленъ конь, а все же

Софія 1924 г.

Не опрокинуть сѣдока,
И вдохновеннѣе и строже
Простерта властная рука,
И не смертеленъ ядъ разящій,
И не грозенъ змѣиный шипъ,
Доколь духъ животворящій,
Явленный бронзой сей звенящей,
Въ крови російской не погибъ.

А. Федоровъ

Левъ Николаевичъ Толстой

Lev Nikolajevitsh Tolstoy

А. И. Купринъ
A. I. Kuprin

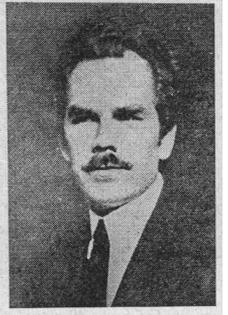
К. Д. Бальмонтъ
K. D. Balmont

И. А. Бунинъ
I. A. Bunin

И. С. Шмелевъ
I. S. Shmeleff

Г. Д. Гребенщиковъ
G. D. Grebenstchikoff

ЛЮБОВЬ СТОЛИЦА

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ

Юнышъ Боговъ — не родителейъ —
Онъ родной покинулъ Радонежь, —
Вышелъ въ путь, что былъ предгаданъ ужъ,
Въ боръ пришелъ гдѣ быть обители...
И заглясь въ бору цвѣты
Словно по-саду.
Зачалися въ немъ труды
Въ славу Господа.

Въ ряскѣ сѣрой и затасканной,
Тонокъ, прямъ, какъ вербы прутики,
Златокудрый, ровно лютики,
Солнцемъ, звѣздой ли облаканный, —
Ель рубилъ онъ, насаждалъ
Лукъ съ капустою
И молился — пѣлъ, читалъ —
Въ милой пустынѣ

Полнь небесной небывалости,
Слухъ зарѣялъ о подвижникѣ.
Поплелися люди къ хижинкѣ, —
Утѣшались, оставались...

Въ чашѣ ставили свои
Бѣлы келліи,
И черникою скуфьи
Зачернѣли въ ней...

Онъ же въ ряскѣ той же, латанной,
Какъ и всѣ, пекъ хлѣбы, плотничалъ,
Бдилъ же больше всѣхъ и постничалъ —
Всѣмъ свѣтильникъ неприпрятанный!
Съ ангеломъ у алтара
Онъ бесѣдовалъ
И съ медвѣдемъ, хлѣбъ дая,
Онъ обѣдывалъ...

Старецъ, витязь Богородицынъ,
Крина ставъ бѣлой кудрявѣ,
Путь провелъ онъ православія
И почилъ въ бору у Троицы,
Пять вѣковъ хранилъ, какъ щитъ,
Русь родимую...
Какъ-то Богъ... А онъ простить
Непростимую!

Любовь Столица

ИВАНЪ ЛУКАШЪ

ДУРНОЙ АРАПЧЕНОКЪ

„Пушкинъ родился 26 мая
1799 года въ Москвѣ“

Туча стояла надъ Москвой.
Точно бы всѣми четырьмя лапами раски-
нулась по небу шкура громад-
наго медвѣдя надъ самымъ Кре-
млемъ.

Съ вечера яблони побило
крупнымъ, рѣдкимъ дождемъ.
Къ ночи дождь перешелъ. Москва
темная, пустынная, спящая, свин-
цово поблескивая шарами купо-
ловъ, дышала влажной свѣ-
жестью, чистотой дождя, сы-
рымъ березнякомъ...

Спала Москва, когда, без-
шумно проблставъ зеленымъ заре-
вомъ въ стеклахъ, пронеслась

молнія, озаривъ пустоту улицъ, тѣни чугунныхъ
фонарей, заборы, колоннады, и рѣзкой пальбой
раскатился звонкій громъ.

Будошникъ, запахнувъ полы
овчиннаго тулупа, залѣзъ въ буд-
ку свою и когда снова мгно-
венно блеснуло и зеленоватымъ
зіяніемъ облило стекла, только
аллебарда его, сверкая, торчала
изъ будки...

Молніи вырывались изъ тьмы
клубками ярыхъ змѣй, разили,
четко выхватывали тѣни трубъ,
сквозные пролеты колоколенъ.
По заставамъ, у Камеръ-Коллеж-
скаго вала, кругомъ Москвы,

Д. С. Мережковскій
D. S. Meregekovsky

толкались, разбѣгались чугунными кеглями громовые откаты.

Гремѣла, сверкала весенняя гроза безъ дождя. Отъ безшумныхъ молній высохъ воздухъ и стала ночь душной и черной.

Москва, громада спруженныхъ куполовъ, чудовищныя тѣни дворцовъ и строеній, словно вымерла, опустѣла навѣки. Пустой и темной лежала Москва, будто отданная на потоки молній, на бѣгъ сухого грохота. . .

Въ приходѣ Богоявленія, въ приземистомъ домѣ о шести колоннахъ, что на Нѣмецкой улицѣ у Покровки, противу самага Нѣмецкаго рынка, въ темныхъ окнахъ пробѣгаетъ огонь свѣчи.

Въ домѣ о шести колоннахъ, въ чуланѣ прихожей, въ зальцѣ, гдѣ шарахаются отблески молній въ круглое зеркало, въ сѣнцахъ, на скрипучихъ лѣсенкахъ въ антресоли, — стонетъ прищемленный визгъ. . .

Босая, простоволосая дѣвка, съ ошалѣлыми глазами, коса закорюкой, въ холщевой исподницѣ, мягко топоча, пробѣгаетъ навѣрхъ съ тазомъ и полотенцами. У иконницы, въ столовой залѣ, сухонькая старушка, стоя на креслахъ, теплитъ у темнаго Спаса тонкую витую свѣчу. . .

Тугой вопль срывается съ антресолей. Старушка сѣменить маленькой тѣнью вдоль оконъ то голубыхъ отъ молній, то гаснущихъ въ громѣ.

— Гаша, Гаша. . .

Простоволосая дѣвка даже присѣла:

— Чего тебѣ, нянюшка?

— Святые образа выставила?

— Въ спальню баринѣ понесла, да дохтуръ не приказал. . . Тамо, нянюшка, въ уголку на припечкѣ, рядкомъ ихъ устала.

— Комоды мнѣ помоги отпирать и чтобы всѣ двери были отворены.

— Да отворены всѣ. . .

Ударилъ внезапный близкій громъ, тѣчно въ

Н. М. Карамзинъ
N. M. Karamzin

С. М. Соловьевъ
S. M. Solovjeff

В. О. Ключевскій
V. O. Kliutchevsky

саду лопнули пушечныя ядра, дрогнули, затряслись стекла, на люстрѣ пронзительно зазвенѣли хрусталики.

Гаша съ нянюшкой пали на корточки у комода. Обѣ скоро шептали, скоро крестились. Пригала у Гаши жидкая косица, мышинный хвостикъ.

— Никола Чудотворецъ, Спасы угодники, спаси и помилуй — шепчетъ няня, сама трясущейся рукой тянетъ неподатливый ящикъ.

Ящики скрипятъ. Обдаетъ домашнимъ духомъ пересыпанныхъ мѣховъ, скатанныхъ скатертей, мятными приправами, настоями, вишневыми, сушеными о запрошлый годъ яблоками. . .

— Никакъ сверху кличуть — вспрынула Гаша — Барыня воеетъ. . .

Стрѣлой метнулась дѣвка на антресоли. А нянюшка все шепчетъ, все крестится, кряхтя надъ тяжелыми комодами. —

— А куда баринѣ сокрылся? Туточки въ креслахъ сидѣла, а и нѣтъ. Куды побѣгъ. . . Серженька. . . Батюшка Сергій Львовичъ.

По чуланцамъ, переходамъ шныряетъ старушка, ищетъ барина Сергія Львовича.

Въ круглой зальцѣ, у самага зеркала выхватила ее изъ тѣмы молнія. Морщинистая, блѣдная, въ бѣлой пелеринкѣ, круглые глаза безъ рѣсницъ, какъ у птицы, а сухонькіе пальцы согнуты на груди для креста. . .

Гаша стремглавъ пронеслась мимо.

— Нянюшка, уже, уже. . . Дохтуръ младенчика вынесъ, живого.

И не то Гаша смѣется, не то въ стекла дождь плещетъ.

— Слава Те, Господи. А баринѣ нашъ гдѣ, батюшка Сергій Львовичъ.

А баринѣ Сергій Львовичъ стоитъ на дворѣ, на ступенькахъ, безъ шляпы. Стучитъ по периламъ крупный дождь.

За полночь прошумѣлъ внезапный вѣтеръ въ сиреняхъ, закачало тѣни деревъ на бульварахъ и рѣдкія капли застучали по заборамъ, по

А. Ф. Марксъ
A. F. Marks

И. Д. Сытинъ
J. D. Sytin

А. С. Суворинъ
A. S. Suvorin

С. А. ВИНОГРАДОВЪ
S. A. WINOGRADOFF

„УСАДЬБА“.
„THE COUNTRY HOUSE“.

крышамъ, все шумнѣй, все шумнѣй. Точно отсырѣвъ мигала молнія и приглохъ, откатился громъ, жидко дребезжа гдѣ-то далече въ дружномъ шумѣ свѣжаго ливня.

За темнымъ садомъ пробѣгаютъ еще голу-быя зарева и тогда страшно свѣтится лицо Сергія Львовича и зыбится его тѣнь на стекляннхъ дверяхъ. Помято, сбито кружевное жабо, разстегнуть сѣрый фракъ. По лысому лбу постукиваютъ холодныя капли. Онъ не понимая, слизываетъ ихъ съ губъ.

— Батюшка — баринъ, да куда вы убѣгли, ножки промочите, чай, дождь полетѣлъ...

— Няня, ты — озирается баринъ — А Надежда Осиповна, Надя какъ... Она кричитъ?

— А и нѣтъ, вотъ и не столички. Вовсе оправилась... Родила.

— Родила — не думая слизнуть каплю съ носа, ступилъ къ дверямъ и вдругъ, закрывъ руками лицо, зарыдалъ, всхлипывая шумно, по дѣтски.

И, точно ребенка, легонько подталкивая въ спину, уводила его въ комнаты няня.

— Ишь, безъ шапки убѣгъ... Почивать ступай, не безпокой ты себя.

Зазвенѣла стеклянная дверь. Дождь смутнымъ шумомъ ворвался въ сѣнцы, брызнулъ прохладой...

Будошникъ, тотъ самый, что спрятался отъ грозы, сдвинувъ на затылокъ треуголку, высунилъ голову, подставивъ водѣ и вѣтру морщинистое лицо.

Ночь пошрѣла, стала водянистой, мутной. Кругомъ шепталось, шумѣло. Капли шлепали о мостовую, какъ легкіе, мокрые шажки безчисленныхъ прохожихъ...

А на утро умытая Москва играла, горѣла на солнцѣ, въ туманѣ теплыхъ росъ, громадной горкой влажныхъ самоцвѣтовъ, вспыхивая рубинами, изумрудами...

Золотыми, полыми шарами плавалъ звонъ къ ранней. Надъ самымъ Кремлемъ, въ нѣжномъ, чуть зеленеватомъ небѣ, надъ блистающими куполами, кудрявыми бѣлыми птахами стоятъ крошечныя утреннія облака...

У гауптвахты, мимо полосатыхъ столбовъ, гремя барабанами, прошагали солдаты. Всѣ высоко поднимаютъ ногу, какъ цапли, у всѣхъ гамаша до колѣнъ. Сіяютъ бѣлые ремни на синихъ кафтанахъ, лица красныя, какъ изъ бани, букли бѣлыя, мѣдныя каски широко плещутъ солнцемъ. Пронесли мѣдный блескъ, барабанный гулъ...

Чиркая мокрыми колесами, кренясь въ грязи, проплыла у Иверской карета. Гайдукъ верхомъ на пристяжной, треуголка поперекъ лба, размахиваетъ бичемъ, а долгія ноги, какъ жерди, волочатся съ коня и жижей, лепехами, обрызганы чулки...

Въ зеркальныхъ стеклахъ кареты дрожь солнца, отраженіе лужъ, вывѣсокъ, бородатыхъ мужиковъ, картузовъ, красныхъ платковъ, гречевиковъ.

Надъ сіяющими лужами дымитъ розоватыми столбами паръ.

Отъ Иверской карета доплыла на Нѣмецкую улицу. Баринъ въ коричневомъ фракѣ, полный и круглый, проворно выпрыгнулъ на мокрые мостки.

Зальца залита солнцемъ. Дрожить свѣтъ на золотыхъ рамахъ, косыми дорогами сѣчетъ воздухъ, горитъ на красныхъ спинкахъ дивановъ.

Дѣвка Гаша визгнула, всплеснула руками дико шарахнулась отъ круглаго барина:

— Василий Львовичъ пріѣхали!

Тотъ махнулъ на нее треуголкой.

— Шш — шш... Что съ дѣвкой стало?

А ему кланяется няня въ бѣлой пелеринкѣ, свѣтлая, чинная.

— Радость у насъ: Богъ мальчика принесъ.

— Вотъ такой махонькій младенчикъ — визжитъ Гаша, попрыгиваетъ, косица трясется, показываетъ на пальцахъ младенца не больше вершка.

Вышелъ въ зало Сергій Львовичъ, блѣдный, лицо помятое, свѣтлый кокъ на лбу спутанъ —

— Здравствуй, Василий.

— Ну поздравляю, братъ... Сказывалъ тебѣ, все будетъ благополучно.

— Ахъ, я намучился. Ночь безъ сна.

— И я не спалъ. Сочинялъ, братъ... Къ Надѣ дозволено?

— Прошу.

Братъ идетъ мимо оконъ, подъ руку.

— Славный день, веселый день — говоритъ коричневый баринъ. У него подмигиваютъ чуть выпуклые глаза. — По ночи сочинялъ, а утромъ вѣдомости пришли... Старикъ то нашъ, Суворовъ... Италію освободилъ отъ мерзостнаго якубицкаго колпака... Смотри, милый другъ, вчерашнія вѣдомости пишутъ: російскими войсками Миланъ взять... Да гдѣ они у меня?..

Порылся въ заднемъ карманѣ, коричневый фракъ наморщился на спинѣ:

— Фельдмаршалъ самъ пишетъ въ реляціи своей: при вступленіи моемъ въ столицу Пьемонта я съ радостью увидѣлъ общій восторгъ жителей, освободившихся отъ бремени притѣсненія. Нынѣ спокойствіе, согласіе и порядокъ въ цѣломъ Пьемонтѣ...

— Да, да, слава Богу — улыбнулся Сергій Львовичъ — А какое имя мальчишкѣ моему дать?

— Я про Италію, ты про святцы. Назови его Александромъ во славу побѣдъ Россійскихъ...

Въ спальнѣ, въ полусвѣтѣ опущенныхъ шторъ, сквозитъ солнце и зеленый туманъ березъ. Въ шелковомъ бѣломъ чепцѣ лежитъ на высокихъ перинахъ барыня Надежда Осиповна. Чуть залегли щеки, горятъ румянцемъ. Безъ силъ пали по одѣялу желтоватыя руки.

— Устала, мой ангель?.. Братъ поздравить пришелъ.

Надежда Осиповна повела бровью, пожевала горячими губами:

— Благодарю... Мнѣ бы его посмотрѣть, мальчика... Мальчика принесите.

На желтой подушкѣ, въ кружевахъ, несла его въ барскую спальню нянюшка, а за нянюшкой шла Гаша, Дарья, кучеръ Антропъ въ плисовомъ камзолѣ, дворецкій Киръ, старецъ

Императоръ Петръ I
The Emperor Peter I

Императрица Екатерина II
The Empress Catharine II

бѣлоголовый, ветхій и строгій, въ гродетуровомъ кафтанѣ стариннаго покроя, казачекъ Петька, поваръ Андронъ, тучный и всегда грустный, да еще дѣвка Фенька, кволая Нюша, да еще старушки, Богъ вѣсть ихъ имена, что съ позадворя, — весь домъ. . .

Шли они по залу, по самой солнечной дорожкѣ, чинные и суровые, и всѣ жмурились отъ солнца. Петька подсмаргиваль носомъ, покуда Киръ не даль ему щелчка. Петька отъ

внезапности открылъ ротъ, да такъ съ открытымъ ртомъ и остался. . .

Нянюшка вошла въ спальню, а всѣ другіе, точно ихъ качнуло волной, кинули руки до полу въ низкомъ поклонѣ и загудѣли недружно:

— Здравствуйте матушка — барыня. . .

— Подите, подите — едва помахала на нихъ рукой Надежда Осиповна — Мальчикъ гдѣ?

Нянюшка, поджавъ запалыя губы, поднесла къ постели желтую подушку. Тамъ шевелилось

Императоръ Александръ I
The Emperor Alexander I

Императоръ Александръ II
The Emperor Alexander II

выказывало ручки и ножки что-то темное, сморщенное.

Надежду Осиповну подъ локотки приподняли съ перинъ и увидала она на желтомъ шелкѣ маленькое темное тѣльце, темную крошечную головку со старческой гримаской, — носъ приплюснутъ, волосъ курчавый и тусклый, съ рыжиной, какъ войлокъ.

— Боже мой, арапченокъ! — вскрикнула Надежда Осиповна — Унесите его, фу, какой дурной арапченокъ.

И отвернулась къ стѣнѣ, закусила было губу, но заплакала обиженно.

— Арапченка родила — на всю Москву стыдъ . . . Арапченокъ . . .

Сергѣй Львовичъ смѣялся, Василій Львовичъ утѣшалъ.

— Хотя-бы и арапченокъ. Въ дѣда пошелъ, въ Аннибала.

А въ дѣтскомъ покоѣ, гдѣ тѣснится у оконъ нѣжная зелень березъ, за тафтянымъ пологомъ, сквозящимъ солнцемъ, что-то поскрипываетъ, шевелится. И нянюшка ворчитъ.

— Арапченокъ . . . Кровинку свою такимъ словомъ обозвать . . . Не арапченокъ онъ, а дворянскій сынъ Пушкинъ.

И чуть скрипнетъ, чуть пошевелится за пологомъ, толкнетъ нянюшка зыбку тощей рукой и уже поетъ тоненько и привычно, какъ будто пѣла „дворянскому сыну Пушкину“ всегда: —

— Жиль-быль котъ-воркотунъ.

— Жиль безъ лиха котокъ . . .

Иванъ Лукашъ

Москва. Спасская башня — со стороны Красной Площади
Moscow. Spassky tower — from the side of the Red Place

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ВЪ ГОРНОЙ ДОЛИНѢ

ИЗЪ КНИГИ „ВЪ РАЗДВИНУТОЙ ДАЛИ“

Тихое озеро въ горной долинь,
Въ горной долинь пасутся стада.
Воздухъ высокій надъ пропастью — синій,
Тянется сердце — къ высотамъ — туда.

Ключь, проскользнувъ по гранитнымъ громадамъ,
Сонное озеро выбралъ какъ цѣль.
Блѣдный на камнѣ пастухъ передъ стадомъ,
Тонкая томно играетъ свирѣль.

Тянутся узкія, тонкія сосны,
Темныя сосны по горной стѣнѣ,
Быстро проходятъ короткія весны,
Медлитъ зима въ снѣговой вышинѣ.

Тянутся стебли бѣлющихъ лилій,
Облики лилій — въ водѣ озерной.
Выше — орлы сѣрокрылые свили
Дикія гнѣзда въ скалѣ вырѣзной.

Въ часъ какъ къ ночлегу скликаются птицы,
Сильныя птицы, чей путь — вышина,
Звоны плывутъ отъ церковной звонницы,
Людымъ и птицамъ — спокойствіе сна.

Только въ высотахъ альпійскія зори
Алымъ горѣніемъ молятся вслухъ.
Только не молкнетъ во взлетахъ и въ спорѣ
Узкой долиной томящейся духъ.

КОЛОДЕЦЪ

Опустила я руку въ колодець лѣсной
И къ водѣ наклонила лицо.
Я не знаю, какъ это случилось со мной,
Но съ руки соскользнуло кольцо.
Подняла отъ колодца лицо я свое,
Посмотрѣла на ближній откосъ,
И душа задрожала и вѣтеръ ее
За высокую тучу унесъ.
Я не знаю, въ себя или въ небо смотрю,
Наяву чарованія сна.
Небосинь изливаетъ мнѣ въ сердце зарю,
Черезъ сердце проходитъ весна.
Отошла я къ опушкѣ отъ влаги лѣсной,
Но изъ лѣса уйти не могу.

Гдѣ ни стану, зеленый потокъ предо мной,
Я стою на его берегу.
Я вернулась къ колодцу. Хрустальная глубь.
Тамъ на днѣ золотой ободокъ.
Я не знаю, не волка - ли слышится ступь,
Я не знаю, не бѣлки - ли скокъ.
Я не знаю, не птица - ли плещетъ въ груди,
Не идетъ - ли единственный онъ.
Но въ вершинахъ лѣсныхъ, впереди, позади,
Колокольный качается звонъ.
И небесный огонь мнѣ сжигаетъ лицо,
Излучилась къ землѣ вышина.
И въ колодцѣ на днѣ, гдѣ горѣло кольцо,
Золотая мнѣ рыбка видна.

К. Бальмонтъ

ИВ. БУНИНЪ

ПОРУГАНЫЙ СПАСЬ

— Нѣтъ, господинъ, не всякъ Бога славить,
а Богъ себя явить. А когда и за что — одному Ему извѣстно. Сколько именитыхъ иконъ и соборовъ, сколько мощей хотъ, скажемъ, въ нашей мѣстности! А вотъ было - же такъ: заболѣла смертной болѣзью дочка одного нашего купца, дѣвочка, и, Господи, Царица Небесная, чего только этотъ купецъ для своего чада не дѣлалъ! И докторовъ - то изъ Москвы выписывалъ, и молебны самыя дорогіе служилъ, и къ мощамъ, ко всѣмъ чудотворнымъ иконамъ въ Москву и къ Троицѣ возилъ, и всѣ наши мѣстныя святости подымалъ, — ничего не помогаетъ! А дѣвочка все свое твердитъ: буду здоровая непремѣнно, исцѣлюсь, молю, обязательно, только не отъ этого ото всего, а отъ Поруганого Спаса. — Ну, прекрасно, говорятъ ей отецъ - мать, вѣримъ и надѣмся, толь-

ко что это за Поруганый Спасъ и гдѣ Онъ находится? — А это, говоритъ, я во снѣ видѣла, Богъ мнѣ такое видѣніе далъ. — И того лучше, отвѣчаютъ ей, но какой-же Онъ и гдѣ? — А вы, говоритъ, ищите, вездѣ ходите и ищите. Я и сама не знаю, гдѣ Онъ. Знаю только, что поруганый и въ большой хулѣ и бѣдности, брошенъ куда - то какъ попало и ужъ давнымъ давно, еще при царицѣ Василисѣ. — При какой такой царицѣ Василисѣ? Такой, молю и царицы никогда не было. — Ну ужъ этого я ничего не знаю, говоритъ. Знаю только, что Онъ совсѣмъ маленькій, въ одну пядь и вродѣ простой дощечки черной, съ богохульной надписью, — только и всего. Главное то, что надо черезъ всякую силу искать и обязательно найтти... И что - жъ вы думаете, господинъ? Вѣдь нашли и вѣдь исцѣлилась! Всѣ

Рядъ башенъ въ южной стѣнѣ Кремля, начиная съ Безымянной
A row of towers in the Southern wall of the Kreml, beginning from the Bezymiannaja

чердаки по всѣмъ домамъ и по всѣмъ церк-
вамъ облазили, подъ всѣми крышами коло-
кольными ходили, всѣ мусоры голубиные раз-
рыли, а нашли - же наконецъ того. И нашли-
то гдѣ? Видѣли часовенку пониже базара?
Лѣтъ тысячу, небось, стоитъ, гнѣтъ и всякое
непотребство въ ней безсовѣстнымъ народомъ
дѣлается, а въ ней въ мусорѣ, и нашли. И
какъ только маленько, значить, обчистили, про-
мыли, протерли и принесли въ этотъ несчаст-
ный домъ, дали дѣвочкѣ помолиться хорошень-
ко на нее, приложиться къ ней и на грудь къ
себѣ взять, сразу - же дѣвочка заплакала, за-
рыдала, затряслась отъ великой радости — и
на ноги поднялась. Вскочила, бросилась къ
отцу - матери и кричить не своимъ голосомъ:
„Милые мои родители, я теперь совсѣмъ здо-
ровая! Зовите священниковъ, давайте молебенъ
служить! Это Онъ самый и есть, — Спасъ По-

руганый. Гляньте, что на Немъ написано!“
— И что - жъ вы думаете? Вѣдь и это прав-
да оказалось. Обернули и прочли: „Не годит-
ся на Него молиться, годится горшки накры-
вать...“

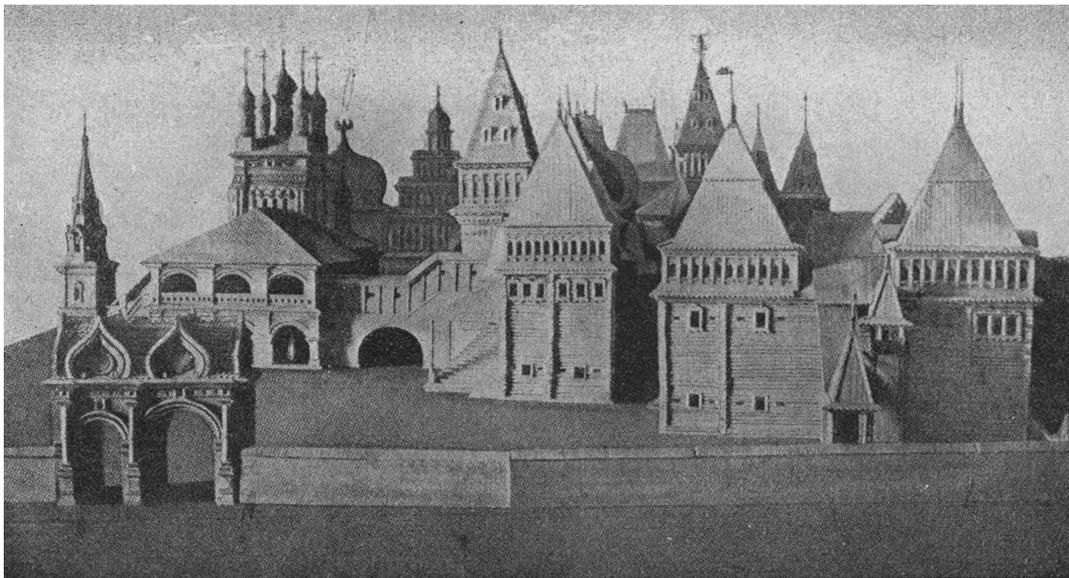
—

Бдемъ шагомъ, извозчикъ, рассказывая, си-
дитъ бокомъ и вертитъ цыгарку, глядя въ раз-
вернутый кисетъ. Кончивъ рассказъ, онъ бор-
мочетъ: „Прости, Господи, мое согрѣшеніе!“—
и, закуривъ, смотритъ въ даль. Лѣтніе долги
сумерки, Ростовъ Великій давно спитъ. Вдали
все еще брезжитъ свѣтъ зари, но городъ дав-
но пустъ, безлюденъ, — одинъ караульщикъ съ
колотушкой въ рукѣ медленно бредетъ по
длинной пыльной улицѣ. Тепло, тихо, грустно.

И несказанно прекрасны очертанія церквей
надъ сумракомъ земли, на чуть зеленоватомъ
и далеко въ закатномъ небѣ.

Парижъ, апрѣль 1926 г.

Ив. Бунинъ

Коломенскій дворець. (Модель XVII в. въ Оружейной Палатѣ)
Kolomensky Palace. (Model of the XVII century in the Oružeinaja Palata)

КН. Ф. КАСАТКИНЬ-РОСТОВСКІЙ

„СЪРЯ ПТИЦЫ“

Мы сѣрья птицы... мы птицы печали,
Мы пѣсни страданья однѣ можемъ пѣть,
Мы здѣсь на чужбинѣ... Съ гнѣзда насъ согнали
Намъ некуда дальше летѣть...

*

За нами осталось безбрежное море,
За нимъ — наша милая сердцу страна,
Тамъ муки и слезы, и голодь и горе,
Тамъ близкихъ могилъ тишина.

*

За то, что мы грудью своей охранили
Завѣты отцовъ и родной старины,
Насъ коршуновъ стаи терзали и били
Безумною злобой полны...

*

И мы разлетѣлись, отъ зноя пожаровъ,
Отъ крови и мукъ безъ конца,
Отъ вѣчной погони, и вѣчныхъ кошмаровъ
Усталые пряча сердца...

*

Грозой, другъ отъ друга, развѣяна стая, —
Мы мчимся, въ мерцаніи дальнихъ зарницъ,
Къ покою, усталый полетъ направляя,
Съ напѣвомъ измученныхъ птицъ...

* * *

Мы сѣрья птицы... Мы птицы печали,
Но сильными — будемъ душой до конца!
Къ родной сторонѣ, изъ ненужной намъ дали
Стремятся всѣ наши сердца!

*

И вѣримъ мы.. Вѣримъ, томясь одиноко,
Что, силъ не имѣя страдать,
Промолвить намъ Родина — Мать — издалека:
„Родные! — вернитесь опять,

*

„— Мнѣ коршуны злобные, грудь разрывая,
„Томятъ меня цѣпью оковъ...
„Вернитесь родные!“ — И вновь наша стая
Слетится изъ дали на зовь...

*

Мы ждемъ тотъ призывъ!..—Но безмолвныя дали
Несутъ, лишь туманъ намъ сырой...

—

Мы сѣрья птицы... Мы птицы печали,
Съ усталою, русской душой!..

Кн. Ф. Касаткинъ-Ростовскій

Д. МЕРЕЖКОВСКІЙ

ПЛАВАЕТЪ ЛЕБЕДЬ...

Плаваецъ лебедь въ водѣ замерзающей,
Но уже съ трудомъ;
Скоро сожметъ его ледъ мерцающій
Мертвымъ кольцомъ.

Выйдетъ на ледъ птица бѣлая,
Будетъ скользить.
Глупая, бѣдная,
Не умѣетъ ходить.

А звѣздная тайна полночная,
Какъ улыбка моя.
И падаетъ лебедь безпомощно,
Какъ я, какъ я!

Д. Мережковскій

И В. ШМЕЛЕВЪ

БЛАЖЕННЫЕ

(Изъ „Встрѣчь“)

Я прощался съ Россіей, съ прежней. Много въ ней потоптали и разметали, но прежняго еще оставалось — въ Россіи деревенской.

Уже за станціей — и недалеко отъ Москвы — я увидалъ мужиковъ и бабъ, совсѣмъ прежнихъ, и тѣхъ же лошадокъ — карликовъ, въ телѣжкахъ и кузовкахъ, и тѣ же деревушки съ рѣдкими пятнами новыхъ срубовъ, и укатанныя вертлявыя дороги въ снятыхъ уже хлѣбахъ, и возки съ сѣномъ, и телятъ, и горшки, и рухлядь извѣчную на базарѣ уѣзднаго городишки. Даже „милицейскій“ съ замотанными ногами многимъ напоминалъ былого уѣзднаго бутюшника, — оборвался да развинтился, только. А когда на проселкѣ попался мнѣ торговаго вида человѣкъ, лѣтъ сорока пяти, въ кленчатомъ картузѣ и мучнистаго вида пиджакѣ, крѣпкой посадкой похожій на овсяной куль, довольный и краснорожій, пощипывавшій сытно на здорово раскормленнаго вороного, я поразился, — до чего же похоже на прежнее!

— Да это... Обстарковъ, лавочникъ? — спросилъ я везшаго меня мужика.

— Самой онъ, Василій Алексѣевичъ Обстарковъ! — удивленно - радостно сообщилъ мужикъ, оглядываясь любовно. — Ото всего избѣгъ, не сгорѣлъ. Какъ ужъ окоротили, а онъ — на — вонъ! До времени хоронился, а теперь четырехъ опять лошадей держитъ, съ тѣми водится. Очень всѣ уважаютъ.

— За что же уважаютъ?

— А... духу даетъ. Какъ разрѣшили опять торговать, сразу и выбѣгъ. „Теперь, говоритъ, я ихъ замотаю!“ Прямо, веселѣй глядѣтъ ста-

ло. Значитъ, опять возможность. Ну, и сами другъ къ дружкѣ потѣснѣй стали, а онъ вродѣ какъ верховодъ. Сына по партіи пустилъ въ Москву, — съ левольверомъ ходить, а онъ черезъ его товары у нихъ забираетъ, кирпичный заводъ зарендоваль, коцанернаго общества. Чуть рабочіе зашумятъ, онъ кричитъ „я самъ теперь камунистъ, сейчасъ прикрою!“ И молчатъ. Одна только перетряска вышла. Смирному человѣку плохо, а кто позубастѣй — отгрызаются.

— Значитъ, хорошаго не вышло?

— Кто чего ищетъ! Можетъ, чего и увидите, хорошаго. Да вотъ... — улыбнулся онъ и помоталъ головой, — куда ѣдете - то... пророкъ тамъ завелся! Самый пророкъ. Слесаря Колючаго помните, въ имѣнны за водокачкой смотрѣлъ? Превращеніе съ нимъ вышло. Самый тотъ, пьяница. Зимой босикомъ сталъ ходить и слова произносить. Какой раньше демократъ былъ, а теперь къ нему народъ ходитъ, — много утѣшаетъ. Страшные слова знаетъ, очень содѣйствуетъ. Четыре мѣсяца въ ихней чекѣ сидѣлъ, убить стращали, а не прекратился. Бабы къ нему посѣщаютъ, чудесовъ требуютъ! А то еще есть, совсѣмъ святой, Миша Блаженный, генеральскій сынъ! Этого не могутъ теперь трогать, съ мандатомъ ходить, очень себя доказываетъ... Съ этимъ вышло чудо...

Къ намъ на тарантасъ вскочилъ какой - то въ формѣ, съ портфелемъ, — назвалъ его мужикъ — „товарищъ - штрахагенъ“, и разговоръ прекратился.

Въ знакомомъ имѣннѣ я нашель большія перемѣны. Стариковъ — хозяевъ выселили во флигелекъ, и они какъ - то ухитрились существовать. Старый педагогъ и земскій дѣятель сталъ шить сапоги на мужиковъ, а барыня, бывшая социаль-демократка, занялась юбками и рубахами. Хозяйство падало, но присланные на кормленіе въ совхозъ пока блаженствовали, продавая остатки.

Я пріѣхаль съ пріятной вѣстью — сказать старикамъ, что ихъ племянникъ, котораго они считали давно погибшимъ, находится въ безопасности, и что я скоро его увижу за границей. Старики заплакали тихими, радостными слезами. И я тутъ же понялъ, какая произошла съ ними перемѣна.

— Слава Богу! — благоговѣнно сказалъ педагогъ и перекрестился. — А это... — махнулъ онъ за окошко, на имѣнье, — теперь, послѣ всего, — тлѣнь! Да, тлѣнь.

Раньше я никогда не видалъ, чтобы педагогъ крестился. Онъ слылъ за „анархиста - индивидуалиста,“ переписывался съ Кропоткинскимъ и славился яростною борьбой съ церковными школами, называя ихъ „мракобѣсіемъ“ и „сугубоквасною чущью.“ Надъ его койкой висѣла теперь старая икона, въ вѣнчикѣ изъ незабудокъ, и горѣла лампадка.

Старушка, когда-то стриженная, когда - то ярая социалистка и невѣрка, стала благообразнѣй, подъ чернымъ платочкомъ, заколотымъ по бабьи. Слушая мое сообщеніе, она мелко крестилась и перебирала губами.

— Боже, сколько пережито и понято! — сказала она кротко. — Ну, да... мы опростились. Сколько было суеты, гордыни. Мы выросли духовно, и намъ открылось съ Сергѣемъ Степанычемъ столько глубокаго, столько дѣйствительно цѣннаго, абсолютнаго...

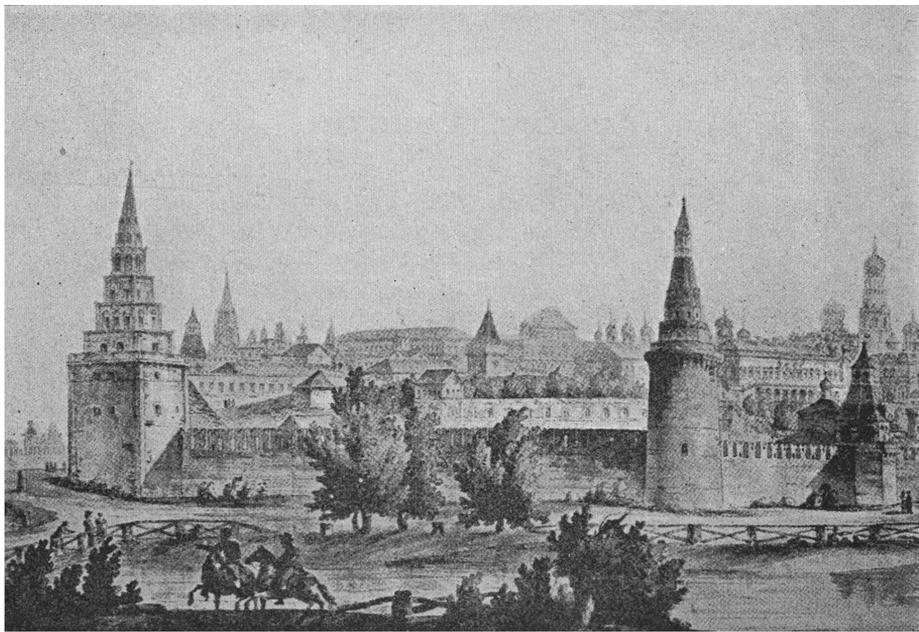
— Богъ открылся?

— Да, Богъ. Все сгораетъ, а Онъ — родился. Для насъ, по крайней мѣрѣ.

Я не сталъ спрашивать. Но и въ этомъ новомъ я улавливалъ все то же неистовое и безотчетное, что когда-то кричало въ рѣчахъ старушки, когда она проводила меня „къ Марксу“. На долго ли?

— Перемѣны во всемъ... — говорилъ педагогъ, — но ихъ надо видѣть духовнымъ окомъ! Одни оподлились, зато другіе показываютъ удивительную красоту душевную. Та „правда“ въ народѣ, которую мы искали и которой поклонялись вслѣпую, открылась намъ новой и получила для насъ уже иной смыслъ: не „правды равенства въ матеріальномъ, какъ предпосылки будущаго духовнаго роста и обновленія жизни,“ а Правды, какъ субстанціи Божества...

Я ловилъ знакомыя интонаціи „діалектика“, но перерожденія, глубины, — не слышалъ:

Съ акварели Кваренги 1786 г. На знамени (на рисунокѣ — справа) надпись „A vue on the Kreml with some ancient buildings and t l

старыя дрожжи слышались. И страннымъ казалось мнѣ сочетаніе — темнаго образа, лампадки и... ровно текучихъ словъ. Вспомнился Степанъ Трофимовичъ Верховенскій у мужиковъ, — изъ „Бѣсовъ.“

— Исканія этой новой Правды усилились! Нашъ „социаль-демократъ“, котораго мы же съ женой и создали, — помните, Семень Колючій? — изъ бунтаря превратился въ... пророка! Много, конечно, смѣшного и дикаго, но вы увидите сами, что въ немъ образовался нѣкій... духовный стержень! Наши „просвѣтительныя книжки“ онъ сжегъ и теперь самъ „стоитъ на камнѣ!“

— А Миша-Блаженный! — воскликнула старушка. — Это же прямое „оказательство!“

— Да... но этотъ мнѣ не совсѣмъ понятенъ. Съ нимъ произошло потрясеніе на физиологической почвѣ... и этотъ случай надо разсматривать не исключительно съ духовной стороны... хотя очень показательно это проявленіе юродства. Но Колючій... это типичный случай перерожденія, увидите!

И я увидѣлъ.

Водокачка, когда-то подававшая изъ прудовъ воду на всѣ службы, бездѣйствовала: плотину прорвало, пруды ушли, и только въ самомъ нижнемъ, забитомъ корягами, еще держалась вода и даже водились караси. Семень Колючій, ярый политикъ и бунтарь, первый поднявшійся въ революцію противъ просвѣтившихъ его господъ и потребовавшій изгнанія ихъ во флигель, все еще проживалъ въ водокачкѣ-башнѣ. Я его встрѣтилъ на берегу нижняго прудика, за карасиной ловлей. Онъ, какъ обычно, строго-глубокомысленно сидѣлъ надъ поплавками. Высокій, жилистый, въ вѣнцѣ съдыхъ кудрей надъ крутымъ и очень выпуклымъ лбомъ, онъ производилъ впечатлѣніе мыслителя, и только закопченныя руки въ ссадинахъ и за-

„Видъ на Кремль съ нѣкоторыми древними строеніями и висячими садами“
 the hanging gardens“. From watercolours by Quarenghi 1786

мазанная блуза кочегара говорили о его положеніи въ жизни. Бывало, мы о многомъ бесѣдовали съ нимъ, — онъ былъ довольно начитанъ и отъ природы уменъ, — и добрыя отношенія наши сохранились. Мнѣ онъ обрадовался:

— Господи — Вседержитель! — воскликнулъ онъ, всплескивая руками, словно благословляя, и восклицаніе это удивило меня чрезвычайно. — Живы! Ну вотъ... вотъ вамъ и удочка, отдыхайте. Много воды утекло... и пруды наши утекли, и водокачка самоликвидировалась... а крови пролито еще больше. Прости, Господи! — сказалъ онъ съ чувствомъ и перекрестился. — Итоги примѣненія теоріи скудоумныхъ щенковъ! Отрекся... — просто и искренно сказалъ онъ, грустно улыбаясь. — Проклялъ скудость гордыни ума и молю Создателя дать мнѣ силу просвѣщать дикое племя и искать Его. Пролитая кровь и на мнѣ горитъ, и на

всемъ просвѣщеніи. Идите и проповѣдуйте Евангеліе Правды. Не убій, не укради, не лги, люби ближняго твоего! Не признаешь сего — все безсильно, все суета. Господь окрылилъ меня. Отъ гнѣва Его камо убѣгу? Въ смутѣ политической гнусь наверху, какъ пѣна, а праведники побиваются. Я три мѣсяца за Правду страдалъ у нихъ, всего узналъ. И крѣпокъ пребываю. „На камени семь созижду!“ И я сталъ на камень.

— Прозрѣлъ и восклицаю: „Господь мой и Богъ мой!“ Про нашу Россію въ Евангеліе писать надо и читать въ церкви. Получили крещеніе огнемъ и должны взять посохъ и проповѣдати всему міру! Азъ есмь Лоза истины! Готовлюсь. Пишу посланіе ко всемъ народамъ!

Я посмотрѣлъ на него.

— Не гордыня это, — сказалъ онъ, понявъ мой взглядъ, — и не отъ потемнѣнія ума. Сказалъ Господь: „шедше, научити вси языки!“ Умеръ тлѣнъ — ожилъ духъ. Боролся за прибавочную цѣнность, отказался отъ всѣхъ тлѣнныхъ цѣнностей, ибо позналъ!

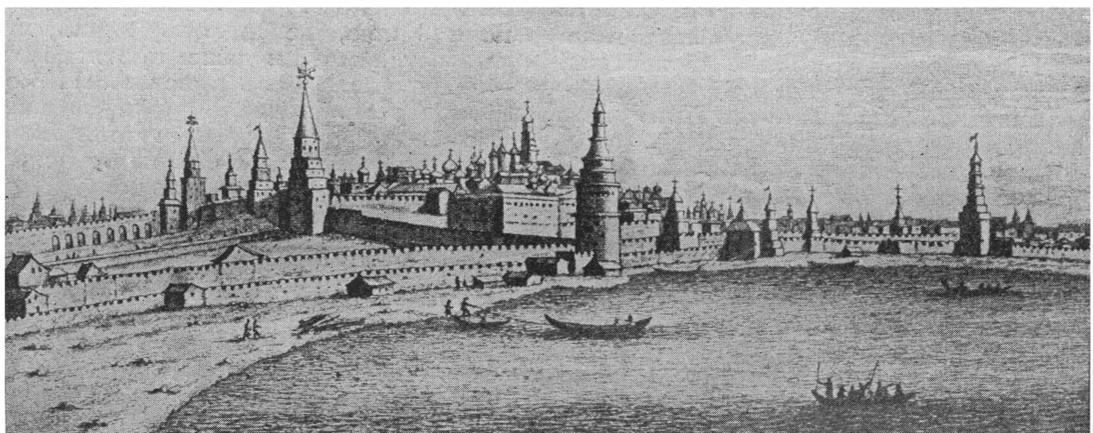
— Что вы узнали, Семень?

— Океанъ горя, слезъ и крови! Хлѣба жива жаждалъ, а дали камень. Отравили источники. Не можетъ человѣкъ ветхій установить Правду! Не оживетъ, еще не умретъ. Умеръ — и воскресъ, и Правда грядетъ со мною!..

Онъ страстно училъ меня, путая и сплетая слова Писанія, и я одно чувствовалъ, что онъ горячо ищетъ, что онъ весь — новый.

— Вы, я слышалъ, зимой босикомъ ходили? Зачѣмъ это?

— Больше вѣры ученію моему, во имя Христово. Практической путь на проповѣдь: разуйся и шествуй! Душа горитъ и горѣніемъ согрѣваетъ. И стали внимать и содрогаться. Готовлюсь. Пройду по Россіи отъ Востока до

Кремлевскія укрѣпленія XVIII в. (изъ кн. Корн. де Бруинса 1714 г.)
 Fortifications of Kreml in the XVIII century (from a book of Cornelius de Bruins 1714)

В. Д. Полѣновъ — Московскій дворикъ
V. D. Polenoff — A small court-yard in Moscow

Запада, пройду въ Европу. Тамъ — геенна. И пойдутъ послѣдователи, и низвергнемъ кумировъ. И явятся чудеса. И уже есть.

— Есть? — воскликнулъ я.—Черезъ васъ?

— Господня воля. Пожегъ книжки тлѣна и проповѣдывалъ учителямъ моимъ, бывшимъ господамъ Сухомоловымъ, ихъ же изгнахъ изъ тлѣна! И прониклись. И пожгли книги и брошюры ученія тлѣннаго, ими же и меня развратили! И плакали всѣ трое на пепелищѣ гнойномъ, какъ Ювъ. Да возьмутъ крестъ свой и по мнѣ грядутъ! Ибо пришелъ часъ, въ онъ же вси сущіе во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія! Услышали. Любовь и нестяжаніе. Симъ побѣдишь!

Онъ наслаждался новыми словами, какъ сладкой пѣсней.

— Открылось невидимо и прикровенно. Два года я горѣлъ злобой бѣсовской и выгналъ изъ хоромъ ихъ своихъ наставниковъ и просвѣтителей, ибо увидѣлъ, что вопреки ученію своему держатся за мнѣніе и дрожатъ. Унижу и обращу во прахъ! И согналъ, ставъ во главѣ комитета бѣдноты. И кругомъ гналъ и выжигалъ плѣсень, какъ Савль. И вотъ—„Савль, по что гониши Меня?“ И вотъ, послѣ моей окаянной рѣчи въ Лупковѣ, гдѣ имѣніе Пусторослева, стараго генерала, толпа, мною населектризованная, — и не толпа, а пятеро послѣднихъ воровъ и негодяевъ въ ту же ночь убили старика — генерала и ограбили послѣднее. Вы-

волокли на снѣгъ изъ кухонки, гдѣ онъ проживалъ, и повели босого въ одной рубашечкѣ на прудъ. И утопили въ пролуби. И его внука, параличнаго, четыре года лежавшаго безъ движенія, тоже утопили... И донесли мнѣ. И въ ту же ночь я напился крѣпкой наливкой, которую принесли мнѣ воры, — и что случилось? Не помню, какъ я на зарѣ оказался въ „Пусторослевѣ“, у пруда. И видѣлъ, какъ кучеръ и поваръ генеральскій вынимали синяго генерала изъ-подо льда. Я ушелъ и сѣлъ въ кухнѣ. И вотъ — сидитъ у горячей печи Миша, генераловъ внукъ, въ тулупѣ, и улыбается мнѣ, и даже протягиваетъ руку! И тогда я упалъ безъ чувствъ. И когда кучеръ съ поваромъ привелъ меня къ жизни, я спросилъ — что случилось? И они сказали: чудо! Утопили генерала и Мишу разслабленнаго, а Миша выплылъ изъ пролуби и пришелъ въ кухню, исцѣлившись! И сказали мнѣ: „на тебѣ кровь грѣха, будь ты проклятъ и уходи отъ насъ!“ И я ушелъ въ смятеньи. А черезъ три дня пришелъ ко мнѣ на водокачку Миша и принесъ святое Евангеліе и сталъ читать про чудо въ купели Силоамской. И прочитавъ, сказалъ: „отпускаются тебѣ грѣхи твои!“ Съ того часу мы съ нимъ неразлучны и проповѣдуемъ. И сколь же мнѣ это сладко!

Я слушалъ восторженную и пѣвучую рѣчь Семена, и благостное лилось въ душу. Блескомъ дрожало въ его глазахъ, подъ сумрач-

ными бровями. И блескомъ, голубымъ и золотымъ блескомъ первыхъ осеннихъ дней дрожало и на землѣ, и на небѣ. Березовая роща за нами золотилась, за ней, въ бѣлыхъ стволахъ синѣлось-голубѣло. Липы и клены за прудами горѣли золотомъ, и густымъ, и жидкимъ, и бѣлые голуби, еще уцѣлѣвшіе отъ ружья, вспархивали платочками надъ крышей. Такъ стало благостно на душѣ, что я сказалъ:

— Если бы всѣ, всѣ такъ чувствовали... какая бы жизнь была!

— Родной! — закричалъ старикъ, охватывая меня за плечи, — къ этому-то и надо двигаться! Шедше проповѣдите языкамъ! Готовлюсь! Будетъ! Открылось!.. Не устами, а дѣлами! А вонъ и Миша, Господь посылаетъ во свидѣтельство!...

Между березками, у пруда, показался тонкій, высокій юноша, весь въ бѣломъ. Онъ шель, сложивши на груди руки, и смотря въ небо. Когда приблизился, я поразился, дочего прозрачно и свѣтло худое лицо его, совсѣмъ сквозное, будто съ картины Нестерова, дочего далеко отъ земли его устремленный въ пространство взглядъ. Свѣтлые волосы — блѣдный лень — вились по его щекамъ, и былъ онъ похожъ на ангела, что пишется на иконахъ „Благовѣщенія.“ Былъ онъ босой, въ парусиновыхъ брюкахъ и въ бѣлой холстинной рубахѣ, безъ пояса.

— Миша — голубокъ, иди-ка къ намъ! — нѣжно позвалъ Семень.

Миша приблизился, поклонился застѣнчиво и сѣлъ, вытянувъ ноги. Тонкія они были, какъ палочки, и мокрыя отъ росы.

— Тоже много страданія принялъ! — восторженно говорилъ Семень, любовно оглядывая Мишу. — Держали въ узахъ и хотѣли убить, но онъ и палачей тронулъ, отвѣчалъ изъ Евангелія. Все Евангеліе наизусть знаетъ!

— Я всѣ четыре года, когда лежалъ въ параличѣ, читалъ Евангеліе...—застѣнчиво улыбаясь, сказалъ Миша тоненькимъ голоскомъ.— Я упалъ на охотѣ съ лошади, когда оканчивалъ кадетскій корпусъ... Господь привелъ меня въ Силоамскую Купель... — продолжалъ онъ удивительно просто, по-дѣтски всматриваясь въ меня и довѣряясь. — Въ ту ночь, когда пришли убивать насъ съ дѣдушкой, до ихъ прихода, я увидѣлъ Христа, и Христосъ сказалъ: „пойди въ Силоамскую Купель — и исцѣлишься!“ И я исцѣлѣлъ. Вотъ, смотрите...

Онъ вскочилъ радостно и быстро прошель по берегу.

— Онъ подвигъ принялъ! — крикнулъ Семень. — Скажи, Миша, про подвигъ.

Миша сѣлъ и посмотрѣлъ на меня дѣтскими, ясными глазами.

— Я хожу и ничего не имѣю. У насъ все взяли. Когда я исцѣлѣлъ, я понялъ, что это нужно, чтобы у меня ничего не было. Хожу и читаю Евангеліе. У меня даже и Евангелія нѣтъ, я наизусть. Приду и стою. Меня зовутъ: иди почитай. Я читаю, и мнѣ даютъ хлѣбца.

— Бла-женный! — восхищенно крикнулъ

Семень. — Воистину, блаженный! Блажени короткіе сердцемъ... блажени, егда поносятъ васъ! А что, поносятъ тебя Миша?

— Нѣтъ,—сказалъ Миша грустно.—Только всего одинъ разъ было, въ Королѣвѣ, когда я пришелъ на свадьбу. У предсѣдателя волостного исполкома сынъ женился, коммунистъ. Было въ январѣ, очень морозъ. Я шель по деревнѣ...

— Босой!—закричалъ восторженно Семень, нѣжно поглаживая босыя ноги Миши. — А 22 градуса мороза было!

— И мнѣ стало больно пальцы. Бабы звали въ избу и давали валенки, но я не могъ...

— Обѣтъ даденъ!—Строго сказалъ Семень. — Пока не расточатся врази Его!..

— Да. Когда Россія станетъ опять святой и чистой. И вотъ, мнѣ захотѣлось войти на свадьбу...

— Былъ голосъ ему! „Войди въ Содомъ, гдѣ собрались всѣ нечестивые и гады!“

— Да, будто голосъ: „иди и скажи Святое Слово!“ И я вошелъ. Всѣ были нетрезвые и закричали: „Дуракъ пришелъ!“ И стали смѣяться.

— Надъ блаженнымъ-то! — съ укоризной сказалъ Семень, глядя Мишу по головѣ и любуясь.

— И вылили мнѣ на голову миску лапши... но не очень горячей!

— А онъ!.. — закричалъ Семень, вскакивая, — что же онъ сдѣлалъ! Миша, скажи, что ты сдѣлалъ?!

— Я сталъ читать имъ: „Отче, отпусти имъ, не вѣдаютъ бо что творять...“

— И потомъ онъ заплакалъ! — съ рыданьемъ въ голосъ воскликнулъ Семень, трясая отъ волненія головой.

— Да, я заплакалъ... отъ жалости къ ихъ темнотѣ...

— И тогда... Что тогда?!

— Тогда они затихли. И вотъ...

— Чудо! сейчасъ будетъ чудо!.. Ну, Миша, ну?...

— И тутъ, одинъ изъ города, матросъ Забыкинъ...

— Звѣрь! Убивалъ какъ въ воду плевалъ!..

— Да, онъ меня тогда, въ тюрьмѣ, хотѣлъ застрѣлить, что я былъ кадетомъ...

— Вы слушайте... ну, ну?..

— Онъ былъ пьяный. Онъ всталъ и... вытеръ мнѣ лицо и голову, отъ лапши, чистымъ полотенцемъ. И сказалъ: „это такъ, мы выпимши...“

— И еще сказалъ!.. Это важно!..

— И еще прибавилъ, тихо: „молись за оканнхъ, если Бога знаешь, а мы забыли!“

— Мы забыли!! А Миша что сказалъ?!.. Что ты ему сказалъ..?

— Я сказалъ: „Онъ уже съ вами, здѣсь... и Онъ даже во Адъ сходилъ!“

— Мудрецъ блаженный! Ну, и что тутъ вышло?..

— И всѣ затихли. И стали меня поить чаемъ.

А. Н. Воронихинъ — Казанскій соборъ
A. N. Voronihin — Kazansky temple

— Но онъ не пилъ!
— Я не принимаю чая. Я попросилъ кипяточку, съ солью, — сказала улыбаясь, Миша. — И я...

— ... пошелъ отъ нихъ на морозъ, славя Бога!

— И радостно было мнѣ видѣть ихъ лица добрыя...

— Ахъ, блаженный! И теперь никто пальцемъ не смѣетъ тронуть. Ибо дана ему отъ Забыкина бумага! Покажь бумагу...

Миша досталъ пакетикъ изъ синей сахарной бумаги и показалъ листокъ съ заголовкомъ страшнаго мѣста и печатью. Стояло тамъ:

„Дано сие удостоверение безопасной личности проходящего странника и блаженного человека Миши без фамилия и звания, что имеетъ полное право неприкосновенной личности и проход по всему месту и читать правильныя слова учения своего Христа после экспертизы его в здравом уме и легкой памяти.“
Подпись — тов. Забыкинъ.

— Хожу и проповѣдую, — сказалъ Миша.

— Ходить и проповѣдуетъ! — повторилъ Семень. — Скоро тронемся по губернии. Со всюду насъ приглашаютъ. А будутъ посланы муки гонения, принимаемъ!

— Принимаемъ съ радостью, — сказала Миша и поднялся. — Въ Чайниково пойду. Бочаровъ — плотникъ помираетъ, звали...

— Иди, голубокъ. Знаю его, много навре-

дилъ. А вотъ — къ раздѣлкѣ. Утѣшь, утѣшь. Миша простился вѣжливо, взявъ по привычкѣ къ вису, и пошелъ.

— Смотрите! — сказала Семень, развѣ не на вѣрную дорогу вышелъ? И всѣ любятъ. И все отдаетъ, что дадутъ. Господи, научи мя слѣдовать путямъ Твоимъ!

Когда я уѣзжалъ изъ имѣнья, былъ удивительно лучезарный день, блескъ осенней. И въ душѣ у меня былъ блескъ. Провожали старенькіе преобразившіеся интеллигенты, крестили на дорогу, и это было пріятно, ласкало душу. Но не они трогали меня. Лаской прощанья свѣтило русское солнце, и — не прошло. И золотившіеся поля ласково говорили — до свиданья. И мягкимъ духомъ тянуло отъ золотистыхъ скирдъ. И провожавшій меня до крестьянской межи Семень ласково—братски говорилъ:

— Снѣжку дождемся... а тамъ, по снѣжку, и въ путь, на проповѣдь. Господи, благодать какая! Святыя поля... И будемъ ходить по нимъ...

Я шелъ пѣшкомъ, прямокомъ, полями, по широко размахнувшемуся взгорью. По его золотому краю, на высотѣ, на голубинаго цвѣта небѣ бѣлѣли челоѣческія фигуры, свѣтились блескомъ. Баба ли шла тамъ, мужикъ ли копалъ картошку, — но въ каждомъ бѣлесомъ пятнышкѣ на поляхъ видѣлся мнѣ движущійся куда-то тонкій и свѣтлый Миша.

Апрѣль 1926 г. Ланды

И. в. Шмелевъ

Г. ГРЕБЕНЩИКОВЪ

ПОСЛАНІЕ ИЗЪ АМЕРИКИ

(Изъ книги „Алтай — Жемчужина Сибири“)

Мои мысли объ Алтай складываются, какъ псаломъ...

Когда сквозь узкій и высокій промежутокъ среди башенъ города Нью - Йорка виденъ высокій столбъ чистаго западнаго небосклона, я ищу на немъ облаковъ, похожихъ на горы.

Тамъ догораетъ закатъ и облака тонкими спутавшимися прядями ловятъ свѣтъ солнца — каждое сколько можетъ, каждое сколько успѣетъ.

Вершина изъ эмалеовой синьки и чуть повита бѣлой тонкой кисеею. Немножко ниже про-

плаваетъ кусокъ снѣга, какъ прозрачный чутъ — чутъ розовѣющій топазъ.

Еще ниже снѣгъ этотъ горитъ желтымъ пламенемъ, затѣмъ розовымъ, краснымъ, пока переходитъ въ багрово - лиловую раскаленную массу и, наконецъ, на самомъ низу весь столбъ утверждается густымъ плавомъ горячей земли. Скоро начинаетъ пылать и плавиться весь столбъ, перевитый пурпуромъ и радугой. Но вотъ одинъ перистый лучъ отъ закатившагося солнца, какъ ослѣпительное бѣлое копье, наискось пронзаетъ всѣ эти цвѣта и краски. И весь небесный столбъ претворяется въ копье изъ радужнаго сплава неба, солнца и земли?

И какъ будто Кто-то въ синей безднѣ держитъ этотъ жезлъ повседневныхъ прикасаній къ землѣ на закатѣ. Кто Онъ, покрывающій звѣздно — голубой завѣсой возлюбленный ликъ земли?

Кто убираетъ этотъ жезлъ, какъ ключъ, которыми замыкается день, чтобы въ тишинѣ ночи окропить землю вселенскимъ звѣзднымъ дождемъ?

Кто на мѣстѣ этого жезла водружаетъ исполнкою синюю свѣчу?

Вотъ Онъ затеплилъ ее, увѣнчавъ вечернею звѣздой и душа моя наполнилась священнымъ трепетомъ передъ неизреченнымъ торжествомъ этой Мистеріи.

Все ярче разгорается звѣзда, самая большая, самая первая. Скоро она вызоветъ изъ

глубины небесъ всѣ звѣзды и поведетъ ихъ за собой въ далекій Млечный путь...

И вдругъ, какъ молнія — улыбчивая мысль:

Далекая* — далекая звѣзда эта мнѣ такъ близка, потому что на нее въ эту минуту взираетъ кто - то близкій мнѣ съ высотъ далекихъ и родимыхъ горь... Благословенная мысль! Какъ побѣждаешь ты пространство!

Звѣзда вечерняя! Ты — утренняя тамъ на родинѣ моей, ибо, закатываясь здѣсь за западный предѣлъ земли, ты тамъ уже встаешь съ восточныхъ горъ. И путникъ и родимый мнѣ пастухъ Алтая встрѣчаютъ тебя утренней молитвою.

Звѣзда прекрасная! Если ты вечерняя и утренняя въ одинъ мигъ для противоположенныхъ полушарій земли, то не мгновение ли соединяетъ насъ со всѣми путниками на всѣхъ путяхъ земли?

... Такъ иногда свершается вечерняя литургія моихъ мечтаній о далекихъ и священныхъ горахъ Алтая.

Дождусь ли радостнаго утра, чтобы воспѣть созиданіе на позолоченныхъ восходомъ солнца серебряныхъ горахъ?..

О, Алтай, Алтай! Жемчужина нить моихъ мечтаній о чудесномъ будущемъ!

Найду ли я достойныя слова, чтобы воспѣть величіе и красоту Твою?..

Георгій Гребенщиковъ

Нью-Йоркъ 1926 г.

Гр. В. В. Растрелли — Соборъ Смольнаго монастыря (1748 — 1755)
Rastrelli — jun. The temple of the Smolny Monastery (1748 — 1755)

Б. К. Зайцевъ
B. Zaitseff

ОБИТЕЛЬ

Придите ко Мнѣ вси труждающіеся
и обремененніи, и Азъ упокою вы...
Матѣ., XI, 28

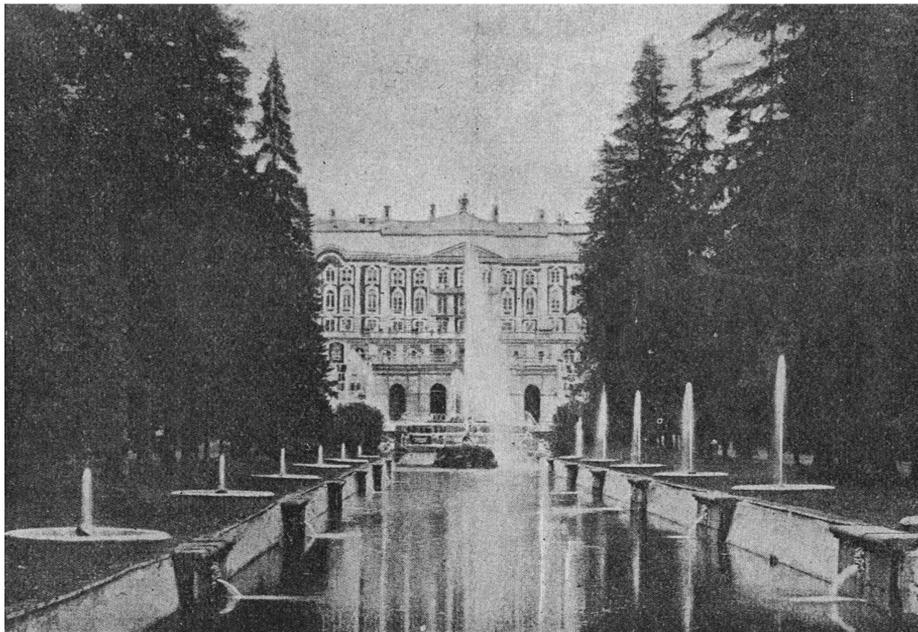
не идуť къ сосѣдству. Бютть значитъ холмъ. Паркъ на холмѣ, а изъ бесѣдки открытъ видъ на весь Парижъ, въ сизомъ туманѣ внизу разстилающійся. На полусклонѣ холма, по рю Кримэ, есть, однако-же, нѣчто еще удивительнѣйшее, чѣмъ самый паркъ.

Уже изъ воротъ въ глубинѣ вы видите на небольшомъ домикѣ огромный образъ — Преподобный Сергій смотритъ на входящаго. А потомъ дорожка ведетъ вверхъ, дѣлаетъ загибъ, и вы на площадкѣ передъ церковью, въ самомъ сердцѣ Сергіева Подворья.

Замѣчательна его исторія.

Въ сѣверо-восточномъ углу Парижа, въ самомъ бѣдномъ и дымномъ его кварталѣ, съ мелкою жизнью людей маленькихъ, есть странный паркъ Бюттъ Шомонъ. Страненъ онъ въ этихъ краяхъ своими скалами и озеромъ, огромною бесѣдкой „Миловидою“, тѣмъ романтизмомъ и той прихотливостью, что будто вовсе

Семьдесятъ лѣтъ назадъ скромный пасторъ основалъ здѣсь церковь, и школу для нѣмецкихъ тружениковъ, рабочихъ, своимъ потомъ орошавшихъ новыя строенья — дома, улицы — чужбины. На гроши нищихъ купилъ владѣніе, съ садомъ, и завелъ тихое, доброе дѣло. Оно прожило болѣе полувѣка. Его смела война. Нѣсколько лѣтъ было тутъ все въ забросѣ, но явились русскіе въ Парижѣ, и митрополитъ Евлогій, врядъ-ли чѣмъ богаче того пастора — рѣшилъ приобрести владѣніе. И вотъ тронулась вся странническая, зарубежная Россія. Богатые горстями, бѣдные крупинками, всѣ русскіе пожертвовали на созданье новой церкви, имени св. Сергія, и Академіи при ней, для подготовки новыхъ тружениковъ, а то и подвиж-

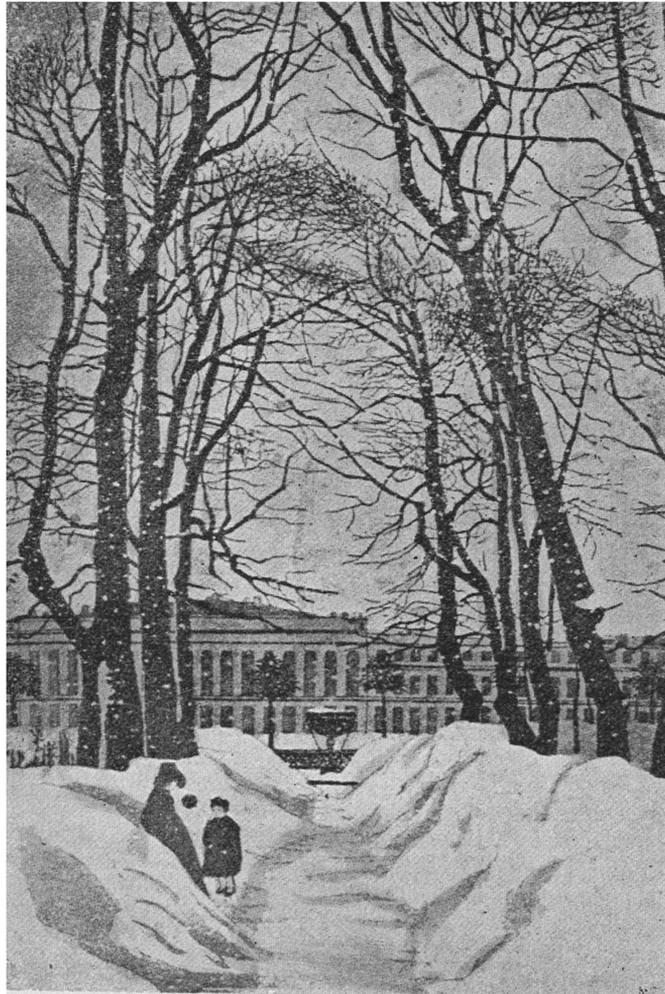
Большой Петергофскій дворецъ со стороны канала
The Great Petergoffsky Palace, seen from the channel

никовъ. Изъ Сербіи и Сириі, Шанхая и Марокко приходили „лепты“. Любовью, единеніемъ и свѣтомъ создали отверженные и безправные свой холмъ, обитель Матери-Руси. Холмъ невеликъ и скромнень. Со всѣхъ сторонъ сжатъ онъ стѣнами, тамъ дома парижскіе, но на немъ зелень, тишина, птицы чирикаютъ, и его сердце — храмъ.

Храмъ Сергіева Подворья растетъ на глазахъ. Годъ назадъ, тоже весной, присутствовали мы на литургіи освященія его. Пренная протестантская кирка была бѣла, пуста, гулкою пустою, свойственной нежилому. И какъ наполнилось теперь и наполняется — теплотою и свѣтлымъ русскимъ медомъ — это прежде суховатое строеніе. Внутри его расписываетъ Стеллецкій. Уже почти готовъ иконостасъ — въ старинномъ, благородномъ стилѣ древней иконописи. Расписанъ потолокъ, алтарь, и боковыя стѣны. Царскія врата (и врата влѣво) — древнія, подлинныя (кажется, 15-го и 16-го вѣковъ). И появились русскія иконы, темнолицыя святыни въ золотѣ, лампадки, свѣчи, и все ближе, какъ-то сладостнѣй, стройнѣй идетъ служеніе, и кругловатый, такой русскій, тоже медоносный, голосъ Владыки Веніамина такъ пѣвуче, вдохновенно и благожелательно даетъ отзывъ изъ алтаря. Вообще замѣчательнъ духовный воздухъ храма. Говорятъ, храмъ на Дарю болѣе обмѣленъ, болѣе уже какъ бы проникнуть горнимъ, я не знаю, можетъ быть и да, но Сергіево Подворье трогательнѣе. Пусть оно еще „становящееся“, но въ немъ какая-то иная нота, можетъ быть, еще скромнѣе, выше и свѣтлѣй, возводящая къ первохристианству. Въ церкви Дарю отголосокъ пышности Имперіи, церковь св. Сергія есть церковь нищенства, изгнанія и мученичества, воистину „живая“ церковь, и ея дѣйствія на душу велико. Ея свѣтъ нѣсколько разрѣженнѣй, легко-туманнѣй, все служеніе въ Сергіевомъ Подворьѣ не высоко-отлито, не столь закончено, какъ на Дарю, но, повторяю, еще трогательнѣй. И все м о л о ж е здѣсь. Тутъ ощущаешь смѣну, чув-

ствуешь, отсюда выйдутъ (и уже выходятъ), новые священники, быть можетъ, новые монахи и епископы, это новый, тихій и уединенный путь Церкви.

Подъ стать всему и молящіеся. Здѣсь ужъ совсѣмъ рѣдкость — хорошо одѣтые. Въ подавляющемъ большинствѣ это та бѣдность, одинъ видъ которой молчаливо укоряетъ всякое богатство, тѣ поношенныя пальтеца, замученныя шляпки, стоптанныя кабуки, что есть — святая бѣдность, съ нашей русской точки „не порокъ“, а въ сущности, быть можетъ, истинный знакъ „Почетнаго Легіона“. Этотъ Легіонъ преданъ своей церкви, своей Матери. Она даетъ ему то высокое разрѣшеніе, то просвѣтленіе, котораго нѣтъ внѣ религіи Любви, святой христіанской вѣры. Ибо она, лишь она отстраняетъ отъ зависти, злобы (хотя бы и временно), лишь она, говорящая о великомъ ничтожествѣ власти и силы, и славы, предъ лицомъ кротости и любви. Оттого такъ легко дышать въ бѣломъ свѣтѣ Сергіева Подворья.

А. Остроумова — Лѣтній садъ
A. Ostroumoff — The Summer garden

Въ его воздухѣ нѣтъ злобы. Всѣ бѣды, ужасы, всѣ раны, что приносятъ приходящіе, преодолеваются, зараживаются любовью. Великій нашъ Святитель, на шестомъ вѣкѣ послѣ смерти, какъ-бы вновь взявъ въ руки посохъ, которымъ мѣрилъ нѣкогда дебри Радонежа, и неторопливой, старческой походкой взошелъ на парижскій холмъ, какъ на свою Маковицу, и среди дебрей „Новаго Вавилона“ основалъ новый свой скитъ, чтобы по новому, но вѣчно, продолжать древнее свое дѣло: просвѣтленія и укрѣпленія Руси.

* * *

Да, образъ Сергія, и образъ Матери-Россіи... Послѣдній разъ, на литургіи, я встрѣтилъ ее, Мать и Русь, я думаю, это навѣрно такъ. Она явилась въ обликѣ старушки. Уже не разъ, здѣсь на чужбинѣ, и въ Германіи, Италіи, Парижѣ, мерещилось что-то мучительно-родное въ нѣкоторыхъ старушечьихъ глазахъ, и лицахъ. То-же было и теперь, только сильнѣй. Она

стояла впереди меня, маленькая, въ теплой кацавейкѣ, съдѣнная, съ простымъ и незамѣтнымъ лицомъ русскимъ, сѣрыми глазами, аккуратно прической, съ тѣмъ пронзительно-невыразимымъ отпечаткомъ и страданія, но и порядка, и покорности въ самомъ страданіи — что есть плодъ выдержки и силы. Стояла

больше на колѣняхъ. Иногда истово крестилась, земно кланялась, но безъ надрыва. И спокойно, тѣсно, тоже аккуратно были у нея прижаты одна къ другой подошвы — старенькія, выхоженныя, въ тѣхъ дырахъ бѣдности, на какія равнодушно взглянуть трудно.

Да, Русь. Да, Мать.

Бор. Зайцевъ

ВАЛЕНТИНЪ ГОРЯНСКІЙ

КРЕСТНЫЙ ХОДЪ

(изъ цикла „Хозяинъ“)

Бѣлая церковь на базарѣ,
Хлѣбное изобиліе...
Выносили радостные образа,
Колокола въ перезвонѣ били...

Идутъ крестнымъ ходомъ
Промежду возами гружеными,
Заключая годъ
Торгомъ и богомольемъ дружнымъ.

Богородичное престолье,
Душевная утѣха сладкая
Молитвенный устой
Осеннихъ дѣлъ распорядка...

Толпа колышется многоцвѣтная,
Пѣшіе съ конными.
Ровно играетъ солнечный свѣтъ
На вѣсахъ, и на окладѣ иконномъ.

Правая рука — знаменье крестное,
Лѣвая — совкомъ въ ларь съ крупами.
Вьются голуби въ синевѣ небесной,
Дымъ клубится изъ кирпичныхъ трубъ...

Валентинъ Горянскій

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

НЕУГАСИМЫЕ ОГНИ

ИЗЪ КНИГИ „ВЗВИХРѢННАЯ РУСЬ“

А. М. Ремизовъ
A. Remizoff

Живо встаетъ старая память — ночные успенскіе крестные хода.

Ночь — долгая служба въ Успенскомъ: темучая темь и изъ тьмы костеръ — тоненькія свѣчи передъ образомъ Владимирской Божьей Матери, да въ темныхъ углахъ у мощей — у Юны митрополита („пальцемъ погрозилъ на французовъ“, такъ и лежитъ — палецъ согнутый!) и у Филиппа митрополита (котораго задумилъ Малюта Скуратовъ!),

темныя вереницы черезъ соборъ къ мощамъ, старинный „столповой“ распѣвъ — въ унисонъ режутъ басы да звенящій перекликъ коноарховъ, а подъ конецъ густой кадильный дымъ къ голубѣющимъ утреннимъ сводамъ — тропарь Преображенью —

Такъ при царѣ Иванѣ, такъ при Годуновѣ, такъ при Алексѣѣ Михайловичѣ: столповой распѣвъ — костеръ изъ тьмы — голубѣющій разсвѣтъ — тропарь Преображенью —

За Москва-рѣкой заря — по зарѣ, разгораясь, звонъ изъ-подъ Симонова. Бѣлая - берѣстина — заалѣла соборная церковь Благовѣщенія.

Вѣки у меня тяжелыя — вся вторая недѣля Господинокъ крестный ходъ, ночь не спишь; глаза вспугнуты — августовскій утренникъ, колотить дрожь; трепетно смотрю, какъ въ первый разъ: закричитъ серебряный ясакъ отъ Успенскаго, мохнатая черныя лапы ухватятся за колоколь — лапищей на доску плюхъ — — и живой стѣной подъ перезвонъ поплывутъ хоругви — тускло золото, сыро серебро, мутень жемчугъ —

„Апостолы идутъ навѣщать Богородицу“ — За Москва-рѣку — за Симоновъ — за Воробьевы горы лучевой надземницей красный звонъ летить.

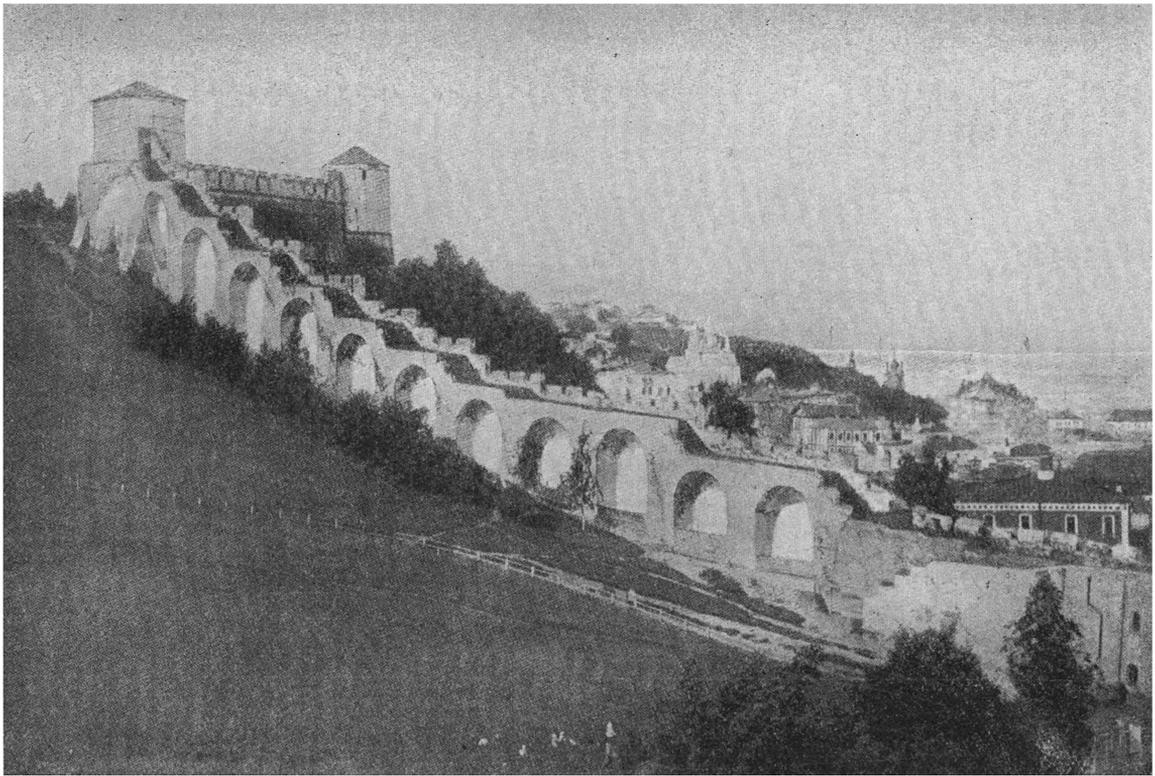
*

А бывало, когда силъ ужъ нѣтъ выстоять до конца службу или просто не хочется, станешь въ вереницу, обойдешь мощи, приложишься къ Влахернской „теплой ручкѣ“ (а и вправду, теплая, какъ живая!) выйдешь на соборную площадь — предутреннія сѣрыя сумерки, одна изъ тумана глядитъ зеленая башня! — и пойдешь по соборамъ.

К. А. САВИЦКІЙ.
K. SAVITSKY.

„ВСТРЪЧА ИКОНЫ“.
„THE MEETING OF THE HOLY IMAGE“.

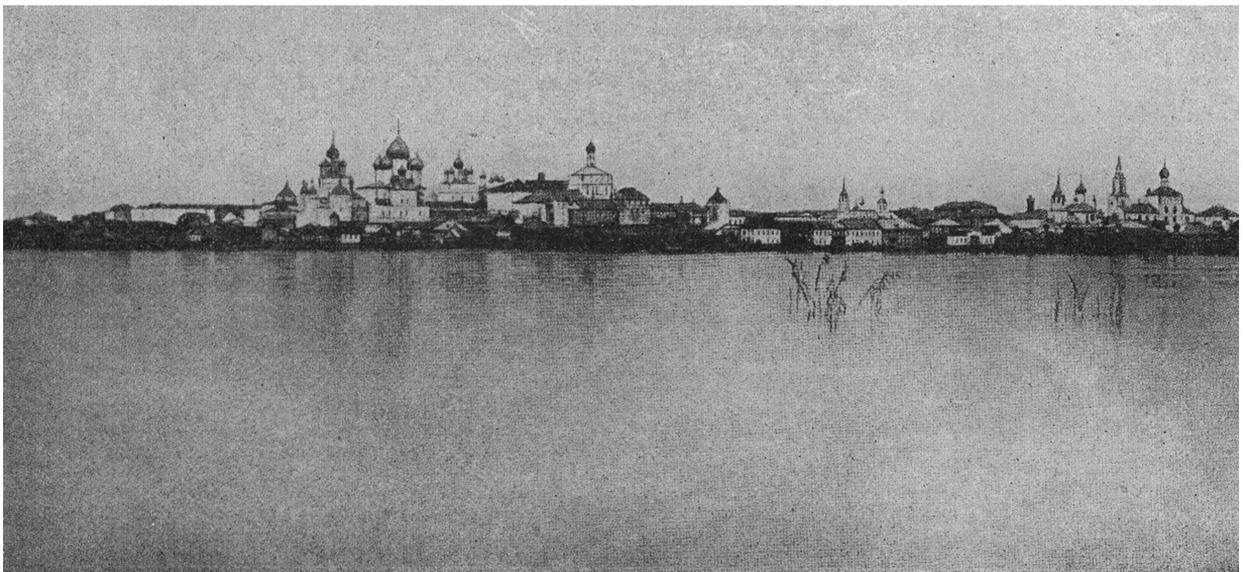
Нижній-Новгородъ. Видъ на Кремль
Nijny Novgorod — Kreml

Благовѣщенскій любимый (псковскіе мастера строили): заглянешь на кита, какъ проглатываетъ китъ Іону, все нарисовано, передѣлуешь всѣ частицы-косточки (безъ передышки, на перегонку) поскользишь по камушкамъ — такой полъ изъ краснаго камня, скользѣе льда, — и въ Архангельскій.

Въ Архангельскомъ — къ Дмитрію-царевичу, походишь около тѣсныхъ высокихъ гробницъ — отъ Калиты до Ѳедора Ивановича — рядами

лежать московскіе „великіе государи цари и великіе князья всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы“, просунешься въ алтарный придѣлъ къ Ивану Грозному (какой-то духъ и жутко!), постоишь у золотыхъ хоругвей: самыя онѣ тутъ золотыя, самыя тяжелыя! — и въ Чудовъ.

А въ Чудовъ — Алексѣй митрополитъ лежитъ, и тутъ же знамена — отъ французовъ 12-го года, всегда поглазѣешь. Въ Вознесен-

Ростовъ-Великій (Яросл. губ.) Борисоглѣбскій Монастырь
Rostov-the-Great (Jarosl. Dept.) Borissoglebsky Monastery

В. П. Верещагинъ — Осада Троице-Сергіевой Лавры
V. Verestchagin — The siege of the Troitsko-Sergievi Monastery

скій еще рано: еще горячія просвиры не по-
спѣли, потомъ, послѣ крестнаго хода будутъ.
И пойдешь подъ Ивановскую колокольню.

Подъ колокольней потолкаешься у Ивана
Лѣствичника, а отъ Лѣствичника къ Николѣ
Гостунскому: Никола тамъ, какъ живой, на-

М. Песковъ — Возваніе къ Новгородцамъ
M. Peskov — An appeal to the people of Novgorod

хмурился, а свѣчей костеръ, какъ передъ Владимирской. Приложишься къ Николѣ и айда, на колокольню!

— — —

За Москва-рѣкой заря разгорается. Звенить серебряный ясакъ: пора звонить.

И вдругъ со звономъ какъ ударить лучъ и золотымъ крыломъ надъ Благовѣщенскимъ —

„Апостолы пошли навѣщать Богородицу!“

За Москва-рѣку — за Симоновъ — за Воробьевы горы лучевой надземницей красный звонъ летить.

*

Но еще чудеснѣй — незабываемо — крестный ходъ въ субботу послѣ всенощной.

Осенняя ночь разсыплется звѣздами надъ Кремлемъ. И, какъ звѣзды, загорятся хоругви. А на звѣздныхъ крестахъ осенніе послѣдніе цвѣты. И живыя поплывутъ, звеня, надъ головами:

„Въ послѣдній разъ апостолы идутъ навѣщать Богородицу!“

Надъ Москва-рѣкой, надъ Кремлемъ, выше Ивана-великаго къ звѣздамъ, какъ звѣздный звонъ, красный звонъ летить.

*

И дождешься Успеньева дня —

Ударятъ на Иванъ-великомъ въ реутъ-колоколь ко всенощной — ручьями побѣгутъ ревучіе звоны надъ Москвой, надъ седьмимоліемъ, по Кремлю, по Китаю, по Бѣлому, по Земляному за ворота и заставы. На соборной площади колокольный шумъ — ничего не слышно.

По зеленой травѣ проберусь впередъ къ рѣзному Мономахову трону, стану у амвона передъ Благовѣщеніемъ — отъ царскихъ вратъ три иконы: Спасъ-золотая-ряса, цареградская, съ десницей указующей, Успеніе - Петръ - митрополитъ - писалъ, и Благовѣщеніе (передъ нимъ устюжскій юродивый молился, Прокопій - праведный, каменную тучу отвелъ отъ города) — жемчужная пелена подъ лампадами тепло поблескиваетъ.

И до полночи, какъ станешь, такъ и стоишь въ живой стѣнѣ: не двинуться, не выйти.

И когда послѣ „великаго славословія“, послѣ ектеньи, запоютъ послѣднее, вмѣсто „Взбранной воеводе“, кондакъ Успенію, одного хочется: дожидаться бѣ, когда и на будущій годъ за всенощной запоютъ Успенію —

Въ молитвахъ неусыпающую
Богородицу...

*

Какое это счастье унести въ жизнь сіяющія воспоминанія изъ дѣтства: событіе неповторяемое, но живое, живѣе, чѣмъ было въ жизни, потому что, какъ воспоминаніе, продуманно и выражено, и еще потому, что въ глубинѣ его горитъ напоенное свѣтомъ чувство. Такое воспоминаніе сохранилъ я о Страстной недѣлѣ.

Помню годы съ Великаго понедѣльника, когда въ Кремль въ Мррваренной палатѣ у

Двѣнадцати апостоловъ мѣро варятъ и іеродьяконы подъ Евангеліе мѣшаютъ серебряными лопатками серебряный чанъ съ варомъ изъ душистыхъ травъ и ароматныхъ маслъ Аравіи, Персіи и Китая. Первые солнечные дни — весна — (а что про дождикъ, про холодъ — все позабылъ!) — весенній воздухъ и ватка, которой обтирали лопатку или край чана.

Незабываемъ въ Великую среду (послѣ исповѣди) „Чертогъ Твой“; въ Великій четвергъ „Благоразумный разбойникъ“; въ Великую пятницу „Благообразный Іосифъ“ — —

Сокровененъ на стихирахъ знаменный догматикъ — пѣснь Богородицъ, кровной стариной вѣетъ литійный стихъ „Подобаше“ — выйдутъ на литіи соборяне къ облачальному амвону, да въ голосъ: „Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй — —“

А когда за архіерейской обѣдней мальчишки альтами затянутъ „Святой Боже“, и вправду не знаешь:

ли на землѣ ты, ли на небѣ!

* * *

Все остановилось. Не звонитъ колоколь. Не сторожитъ лампада. Пуста соборная площадь. Пустынно и тишина.

(Какъ-то осенью послѣ всенощной я помню такой пустынный часъ).

„Какая сила опустошила тебя, русское сердце?“

— — —

И вотъ — вижу — надъ южными дверями отъ Богородицы блеснули глаза, архангелы метнулись: и все застало тонкимъ дымомъ. Съ тихимъ стукомъ кадилъ, съ ослопными свѣчами шли соборяне — большой фонарь и два хрустальныхъ корсунскихъ креста — архіереи, митрополиты, патріархи длинной пестрой волной въ поблекшихъ мантияхъ, въ бѣлыхъ клобукахъ и митрахъ. И я увидѣлъ знакомые лики святителей, чтимыхъ русской землей: въ великой простотѣ шли они, одинъ посохъ въ рукахъ. Вѣнчанныя шапки, золотыя бармы „великихъ государей царей и великихъ князей всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ“ — чернымъ покрытый одиноко шель властитель „всея Русіи“, въ крѣпко сжатой рукѣ прыгаль костяной его посохъ. Въ мѣдныхъ каскахъ, закованные въ сѣрую сталь, проходили ливонцы, обagrившіе кровью москворѣцкій берегъ, а слѣдомъ пестро и ярко царевичи: грузинскіе, касимовскіе и сибирскіе. Шишаки лисовчиковъ и русскихъ „воровъ“, а подъ ними шаршавыя головы юродивыхъ — не брякали изжелья вериги, висѣло желѣзо, какъ тѣнь, на измученномъ тѣлѣ. И въ бѣлыхъ оленьихъ кухлянкахъ скользили лапаринойды, шептались — шептали — и отъ ихъ шопота сгущался туманъ, и сквозь туманъ: ослѣпленные зотчѣ и строители, касаясь руками стѣнъ — —

Неугасимые огни горятъ надъ Россіей!

Алексѣй Ремизовъ

НЕПРОЩЕНОЕ ДЕРЕВО

Н. А. Тэффи
N. Teffi

Поднялся на зарѣ вечерней Варахиль-Архангель, вертоградъ райскій и сталъ съять звѣзды.

Зачерпнулъ изъ кошелки зеренъ звѣздныхъ цѣлую горсть и бросилъ ихъ на синюю райскую ниву. Но одно зерно скользнуло съ архангеловой ладони и упало на землю.

Разсердился Варахиль на непокорное зерно и не простилъ его и взошло оно на землѣ на знойной степи при пыльной дорогѣ непрощенымъ деревомъ, стояло сухое и черное, листья на немъ не росли, цвѣты не цвѣли и откуда бы ни свѣтило солнце — тѣни непрощеное дерево не бросало.

Вотъ какъ-то заклубилась пыль на дорогѣ, загрохотали громы, зазвенѣли звоны — ѣдетъ самъ царь Соломонъ во всей славѣ своей на серебряной колесницѣ, на золотомъ ходу, на алмазной оси, позументовыми вожжами править, яхонтовымъ кнутомъ коней стегаетъ и съ нимъ четырнадцать женъ.

Подѣхалъ Соломонъ къ непрощенному дереву и говоритъ:

— Дерево-дерево! Брось на меня тѣнь! Усталъ я во всей славѣ моей отъ зноя и пыли и царицы мои истомились. Отдохнемъ и поѣдемъ дальше. Брось тѣнь!

Но не бросило тѣни непрощеное дерево. Стояло сухое и черное и поѣхалъ царь Соломонъ дальше.

И снова заклубилась пыль на дорогѣ, затоптали копыты — бѣжить спотыкается стадо овецъ.

И говорятъ овцы:

Дерево-дерево, брось на насъ тѣнь, потому что преслѣдуетъ насъ лютый звѣрь и если не отдохнемъ нагонитъ онъ насъ и растерзаетъ. Брось тѣнь!

Но осталось дерево сухое и черное и побѣжали овцы дальше.

И снова заклубилась пыль на дорогѣ. Дышетъ, жаромъ пышетъ, храпитъ, бѣжитъ лютый звѣрь.

— Дерево-дерево! Брось на меня тѣнь. Не дашь отдохнуть — не догнать мнѣ овецъ во вѣки.

Молить звѣрь. А шерсть на немъ взбита, глаза мутные и изъ пасти пѣна бьетъ.

И вдругъ дрогнуло непрощеное дерево. Задрожало съ верхушки по стволу до корня. Все. И сомкнуло вѣтви и нагнуло и укрыло лютаго звѣря.

И брызнули вѣтви зелеными листьями и зацвѣли звѣздными цвѣтами.

Простилъ дерево Варахиль Архангель.

Удивились люди на всю жизнь.

— Какъ такъ? Не послужило дерево мудрому царю Соломону во всей славѣ его?

— Какъ такъ? Не укрыло овецъ терзаемыхъ?

— Какъ такъ? Пожалѣло звѣря лютаго и простилось ему?

Удивлялись потому что не знали, что:

Разумное нужно землѣ, а небу только — Добро.

Тэффи

СЕРГѢЙ ЗАВАДСКІЙ

ПАМЯТИ РУССКАГО СУДА

Русскій судъ часто называли новымъ; а теперъ, когда большевики съ нимъ покончили, нерѣдко называютъ его старымъ. Оба прилагательныя излишни: судъ въ Россіи былъ только одинъ, — тотъ, который дѣйствовалъ по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 года. Раньше, въ первое тысячелѣтіе существованія русскаго государства, довольствовались по добіемъ суда, а послѣ, подъ большевицкимъ игомъ, допущена пародія на судъ.

Всего 60 лѣтъ назадъ, съ утра 17 мая 1866 года, открылъ свои двери, началъ жить и работать русскій судъ одновременно въ Петербургѣ и Москвѣ. А въ ноябрѣ 1917 года онъ

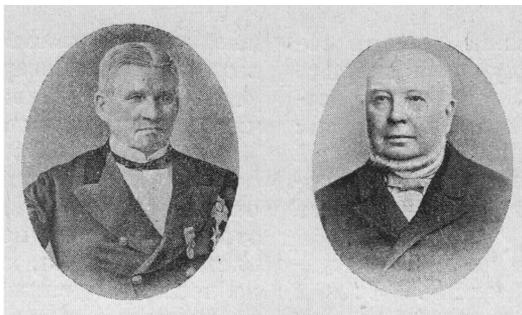
упалъ, споткнувшись о совѣтскій порогъ; нѣсколько разъ онъ пытался встать тамъ, откуда уходили большевики, но безуспѣшно: они завладѣли всей территоріей, оставшейся за Россією, и судъ умеръ. Въ настоящее время живутъ лишь дѣти русскаго суда: суды латышскій, литовскій, эстонскій. Русскій судъ прожилъ только 50 лѣтъ съ небольшимъ, — вѣкъ, недолгій даже для человѣческой жизни: Гладстонъ, напр., жилъ почти вдвое дольше.

Не жизнь была у русскаго суда, а житіе. Правительственные круги обвиняли его въ лѣвизнѣ и крамолѣ, общественныя — въ правизнѣ и угодничествѣ власти. Обвиненія эти, по-

скольку не были просто измышлены, покоились на смѣломъ обобщеніи разрозненныхъ фактовъ, но послужили сперва тому, что новые законы подрѣзали судебнымъ уставамъ крылья, а затѣмъ и тому, что судьи все меньше и меньше встречали поддержку въ общественномъ мнѣніи.

„На самомъ солнцѣ пятна есть“. — Недостатковъ русскаго суда и русскихъ судей, какъ и недостатковъ всего человѣческаго и всѣхъ людей, отрицать нельзя и незачѣмъ. Но на дняхъ извѣстный русскій адвокатъ, за годы изгнаничества успѣвшій дѣятельно соприкоснуться съ судами въ Западной Европѣ и сѣверной Америкѣ, печатно помянулъ русскій судъ съ печалью и съ гордостью.

Было, чѣмъ гордиться. Есть, о чемъ печалиться. Русскій судъ вышелъ, какъ Афина Паллада изъ головы Зевса, взрослымъ, въ основныхъ своихъ очертаніяхъ завершеннымъ. Такимъ чудомъ Россія обязана, во-первыхъ, составителямъ судебныхъ уставовъ, умѣвшимъ использовать западно-европейскій опытъ не рабскимъ подражаніемъ, а творческимъ воссозданіемъ, и, во-вторыхъ, стоявшимъ тогда во главѣ министерства юстиціи Д. Н. Замятнину и Н. И. Стояновскому, которымъ удалось заполнить ряды судей перваго призыва людьми большихъ дарованій и исключительнаго нравственнаго горѣнія. Это нравственное горѣніе, этотъ безкорыстный порывъ служить одному правосудію,

Д. Н. Замятнинъ
D. N. Zamiatnin

Н. И. Стояновскій
N. I. Stojanovsky

то-есть закону и правдѣ, такъ ярко выразившіеся въ дѣятельности перевозванныхъ русскихъ судей, легли отсвѣтомъ на всю послѣдующую работу суда, дали тонъ русской юстиціи. Шли годы, начальный порывъ естественно стихалъ, праздникъ начала смѣнился буднями продолженія и повседневности, вспышки огня становились рѣже, но огонь служенія такъ и не погасъ въ русскомъ судѣ, такъ и не уступилъ мѣста сумеркамъ простой службы, простой служебной повинности: и новые люди, входя въ судебные ряды по какимъ бы то ни было побужденіямъ, невольно равнялись по старшимъ своимъ сослуживцамъ, продолжали установившуюся уже традицію. Это и не удивительно; споръ о томъ, люди-ли дѣлаютъ учрежденія, или же учрежденія дѣлаютъ людей, рѣшается въ пользу обоихъ предположеній: большіе люди дѣлаютъ учрежденія, люди искренняго порыва создаютъ учрежденія традицію, а тамъ уже учрежденія силою традиціи перемалываютъ на свою стать входящихъ потомъ въ нихъ лицъ, даже если эти лица попадаютъ туда болѣе или менѣе случайно. Среди шума и грохота, съ которыми отправляли свое кривосудіе „птенцы гнѣзда щегловитовскаго“, только нѣкоторые и только по нѣкоторымъ дѣламъ, только по уголовнымъ, и еще уже — политическимъ, даже далеко не по всѣмъ политическимъ, одни лишь слѣпцы (все равно, по природѣ или по пред-

то-есть закону и правдѣ, такъ ярко выразившіеся въ дѣятельности перевозванныхъ русскихъ судей, легли отсвѣтомъ на всю послѣдующую работу суда, дали тонъ русской юстиціи. Шли годы, начальный порывъ естественно стихалъ, праздникъ начала смѣнился буднями продолженія и повседневности, вспышки огня становились рѣже, но огонь служенія такъ и не погасъ въ русскомъ судѣ, такъ и не уступилъ мѣста сумеркамъ простой службы, простой служебной повинности: и новые люди, входя въ судебные ряды по какимъ бы то ни было побужденіямъ, невольно равнялись по старшимъ своимъ сослуживцамъ, продолжали установившуюся уже традицію. Это и не удивительно; споръ о томъ, люди-ли дѣлаютъ учрежденія, или же учрежденія дѣлаютъ людей, рѣшается въ пользу обоихъ предположеній: большіе люди дѣлаютъ учрежденія, люди искренняго порыва создаютъ учрежденія традицію, а тамъ уже учрежденія силою традиціи перемалываютъ на свою стать входящихъ потомъ въ нихъ лицъ, даже если эти лица попадаютъ туда болѣе или менѣе случайно. Среди шума и грохота, съ которыми отправляли свое кривосудіе „птенцы гнѣзда щегловитовскаго“, только нѣкоторые и только по нѣкоторымъ дѣламъ, только по уголовнымъ, и еще уже — политическимъ, даже далеко не по всѣмъ политическимъ, одни лишь слѣпцы (все равно, по природѣ или по пред-

В. И. Суриковъ
V. J. Surikoff

Утро стрѣлцкой казни
The morn of the Streletsky execution

взятости) не видѣли, какъ русскій судъ въ общемъ и цѣломъ достойно и вдумчиво творилъ правосудіе, честно и неустанно работая до самаго своего конца. Такъ ужъ всегда бываетъ: зло шумнѣе, добро тише, а потому и малый шумъ чувствительнѣе большою тишины, особенно для тѣхъ, кто не можетъ или не хочетъ оцѣнивать безпристрастно.

Говорятъ, что русскій судъ не явилъ выдающейся силы юридической мысли. Это и правда и неправда. Правда, — потому что русскіе судьи, когда въ рѣшеніи или приговорѣ не могли сочетать справедливость съ юридическою безукоризненностью, предпочитали написать жизненное рѣшеніе, человѣчный приговоръ съ безупречными на оцѣнку строгаго юриста мотивами, лишь бы не переѣхать колесницею правосудія на отличныхъ мотивахъ черезъ живыхъ людей. Неправда, — потому что усилія русскаго суда превратили „разсыпанную хранину“ русскихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ въ обитаемый домъ, въ иныхъ комнатахъ котораго жить было — по меньшей мѣрѣ — сносно, а въ иныхъ и совсѣмъ удобно. И пусть списокъ большихъ русскихъ юристовъ невеликъ, но они были, эти большіе юристы, а часть ихъ живетъ еще и теперь, въ зарубежномъ разсѣяніи и даже въ совѣтской Россіи. Правда, въ списокѣ этомъ видное мѣсто занимаютъ и профессоры и адвокаты, но и русская наука права очулась отъ своей дремоты подъ вліяніемъ

именно дѣятельности суда, и адвокаты могли выростать въ незаурядныхъ юристовъ лишь въ условіяхъ правильной судейской работы, въ чистомъ судебномъ воздухѣ.

Главными достоинствами русскаго суда были отсутствіе сословныхъ предубѣжденій и равное отношеніе ко всѣмъ національностямъ. Объ этомъ нельзя не вспомнить съ радостною удовлетворенностью, когда оглядываешься назадъ, на весь пройденный русскимъ судомъ нелегкій полувѣковой путь. Ни одинъ уравновѣшенный человекъ не позволитъ себѣ утверждать, что русскій судъ держалъ руку помѣщиковъ противъ крестьянъ, заводчиковъ противъ рабочихъ, хозяевъ противъ слугъ, богатыхъ противъ бѣдныхъ. Конечно, слабый не былъ въ глазахъ русскаго суда правымъ только потому, что слабъ, но никому слабость не мѣшала и сила не помогала доказать свою правоту. Если и можно было въ чемъ-либо упрекнуть не отдельныхъ судей, а русское судейство вообще, то какъ разъ въ противоположномъ; напр., въ чрезмѣрномъ порою состраданіи къ потерпѣвшимъ увѣчье: установленная вина самого пострадавшаго обычно была признаваема не исключаяющею возможной вины желѣзной дороги или ея агентовъ, хотя бы онъ или спрыгнулъ съ поѣзда на всемъ ходу или легъ пьяный ночью на рельсы, а неосторожность рабочаго при работѣ, какъ правило, никогда не почиталась за грубую, которая бы обуславливала от-

Мозаичная картина М. В. Ломоносова — Полтавская баталія
The battle of Poltava. From a wall-painting by N. V. Lomonosoff

казъ въ искѣ. Русскіе судьи точно бывали въ этомъ виноваты, но *quis vestrum sine peccato est, primus in illos lapidem mittat*. Во всякомъ случаѣ, это не грѣхъ классоваго пристрастія. Не было у русскаго суда и пристрастія къ своимъ, русскимъ. Еще недавно французскій прокуроръ оправдывался въ засѣданіи передъ судьями, что онъ даетъ заключеніе въ пользу иностранца противъ французскаго акціонернаго товарищества, а судъ въ Нью-Йоркѣ промедлилъ съ вынесеніемъ рѣшеній по искамъ русскихъ держателей полисовъ къ американскимъ страховымъ обществамъ до самаго послѣдняго времени, когда уже грозитъ пройти законъ о воспрещеніи такихъ исковъ. Вотъ чего не зналъ русскій судъ: никто въ Россіи не думалъ извиняться, что онъ признаетъ правымъ иноплеменика, никто не останавливался передъ рѣшеніемъ дѣла въ пользу чужеземца. Здѣсь, въ Прибалтикѣ многіе должны помнить старыя нѣмецкія суды, безспорно стоявшія на высотѣ юридическихъ познаній; но лишь русскій судъ впервые разъяснилъ, напр., что землевладѣльцы, искусственно поддерживающіе въ своихъ лѣсахъ дикихъ звѣрей для охоты, отвѣчаютъ за убытки,

причиненные этими звѣрями окрестнымъ крестьянамъ — латышамъ, или что далеко небезусловную силу имѣетъ оговорка въ купеческомъ актѣ о воспрещеніи покупателю — крестьянину строить мельницу на рѣкѣ въ предѣлахъ купленнаго имъ земельного участка.

Русскій судъ уже весь въ прошломъ: книга русскаго суда, захопнутая большевиками такъ рѣшительно, лежитъ гдѣ-то на полу, подъ столомъ. Кто ее подниметъ въ Россіи, на какой страницѣ раскроетъ, мы не знаемъ. Трудно ожидать чуда вторично. Откуда почерпнетъ будущая Россія кадры новыхъ судей, какъ воскреснуть старыя традиции русскаго суда, и достанетъ ли на это новаго самоотверженнаго порыва у лучшихъ изъ тѣхъ судей, что будутъ призваны, — Богъ вѣсть. Хочется, разумѣется, вѣрить и надѣяться. Но покойный русскій судъ заслуживаетъ, чтобы его, хоть по смерти, помянули добрымъ словомъ, признательною памятью русскіе люди всѣхъ толковъ, заслуживаетъ болѣе пышнаго вѣнка, чѣмъ тотъ, какой на его могилу приносятъ эти краткія и скромныя строки...

Сергій Завадскій

М. НОВИКОВЪ

„ПЕРВЫЙ РУССКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ“

М. В. Ломоносовъ
M. V. Lomonosoff

И. И. Мечниковъ
I. I. Metchnikoff

Д. И. Мендѣлѣевъ
D. I. Mendeleeff

Не мало блестящихъ именъ записано въ исторіи русской научной мысли. Но особенно почетное мѣсто въ этой исторіи принадлежитъ тому, кого Пушкинъ назвалъ «первымъ русскимъ университетомъ». «Соединяя», писалъ нашъ великій поэтъ: «необыкновенную силу воли съ необыкновенною силою понятія, Ломоносовъ обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія. Жажда науки была сильнѣйшею страстію сей души, исполненной страстей. Историкъ, риторъ, механикъ, химикъ, минералогъ, художникъ и стихотворецъ: онъ все испыталъ и все постигъ».

Мощность и исключительная многосторонность талантовъ М. В. Ломоносова позволяютъ сопоставить его съ такими гениями, какъ Леонардо да Винчи и Гете. Богатство же завѣщаннаго имъ научнаго наслѣдства столь велико, что только нашему

поколѣнію удалось установить его значеніе и цѣнность.

Невозможно, конечно, небольшой замѣткой охарактеризовать даже только ту часть дѣятельности Ломоносова, которая была развита имъ на поприщѣ точныхъ наукъ. Но нѣсколькихъ штриховъ достаточно, чтобы показать ея необычайный размахъ.

Въ эпоху, когда въ естествознаніи еще живы были схоластическія традиции, Ломоносовъ смѣло и безоглядно становится въ ряды передовыхъ европейскихъ ученыхъ. Успѣхи физики онъ опредѣленно связываетъ съ новымъ, опытнымъ направлениемъ этой науки. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу въ своемъ предисловіи къ переводу Вольфганговской экспериментальной физики. «Въ новѣйшія времена науки столько возросли, что не токмо за тысячу, но и за сто лѣтъ жившіе едва могли того надѣяться. Сіе больше отъ

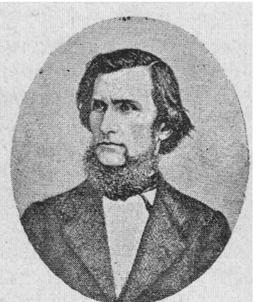
словіи къ переводу Вольфганговской экспериментальной физики. «Въ новѣйшія времена науки столько возросли, что не токмо за тысячу, но и за сто лѣтъ жившіе едва могли того надѣяться. Сіе больше отъ

Н. И. Пироговъ
N. I. Pirogoff

Баронъ Н. А. Корфъ
Baron N. A. Korff

К. Д. Ушинскій
K. D. Ushinsky

того происходить. Что иныя ученые люди, а особливо испытатели натуральных вещей, мало взирають на родившіяся въ одной головѣ вымыслы и пустыя рѣчи, но больше утверждаются на достовѣрномъ искусствѣ. Главнѣйшая часть натуральной науки физики нынѣ уже только на одномъ ономъ свое основаніе имѣеть. Мысленныя разсужденія произведены бывають изъ надежныхъ и много разъ повторенныхъ опытовъ».

Но если въ основахъ физики Ломоносовъ сталъ въ уровень съ современными ему научными достижениями, то въ области химіи онъ далеко перешагнулъ за предѣлы такихъ достижений. Въ то время, когда на эту науку смотрѣли какъ на ремесло по отысканію новыхъ веществъ, Ломоносовъ подводилъ подъ нее основанія, на которыхъ она развивается и донинѣ. Въ своихъ «Элементахъ математической химіи» онъ пишетъ: «Многіе отрицають возможность положить въ основаніе химіи механическія начала и сдѣлать ее точной наукой; теоретики, лишеныя всякой подготовки, прельщенные потемками открытыхъ свойствъ, никогда не примѣняютъ механическихъ законовъ къ измѣненіямъ составныхъ тѣлъ, употребляютъ свой досугъ на измышленіе пустыхъ и ложныхъ теорій и загромождаютъ ими литературу. Если-бы тѣ, которые всѣ свои дни затемняютъ дымомъ и сажей, въ мозгѣ которыхъ царствуетъ хаосъ отъ массы непродуманныхъ опытовъ, не гнушались поучиться священнымъ законамъ геометровъ, нѣкогда строго соблюдавшихся Эвклидомъ, ...то несомнѣнно могли-бы глубже проникнуть въ тайники природы».

Эта комбинація тщательной и многократной проверки фактическихъ данныхъ съ глубокой продуманностью ихъ и дала нашему гениальному ученому возможность сдѣлать длинный рядъ такихъ открытій, значеніе которыхъ было недоступно его современникамъ и которыя были оцѣнены лишь въ недавнее время при изученіи твореній Ломоносова.

Такъ, одной изъ важнѣйшихъ заслугъ французскаго химика Лавуазье считается обыкновенно введеніе вѣсовъ въ химію. Оказывается, однако, что Ломоносовъ ввелъ ихъ на 20 лѣтъ раньше.

Приписываемый Лавуазье и Р. Майеру законъ сохранения вещества и энергіи — это главнѣйшее основаніе современнаго естествознанія — былъ формулированъ Ломоносовымъ на 17 лѣтъ раньше названныхъ авторовъ.

Механическая теорія тепла, приписывающая это явленіе болѣе энергичному движенію частицъ матерій, была признана ученымъ міромъ спустя приблизительно 100 лѣтъ послѣ соответствующихъ работъ Ломоносова.

Значеніе свѣта, какъ колебательнаго движенія частицъ эфира, которое Ломоносовъ выставилъ противъ господствовавшей въ его время теоріи истеченія матеріальныхъ частицъ, причемъ онъ вступилъ въ полемику съ такими авторитетами, какъ Гассенди и Ньютонъ, стало общепринятымъ въ наукѣ около 60 лѣтъ послѣ провозглашенія его нашимъ ученымъ.

Наименованіе науки, которая получила свое развитіе лишь въ самое послѣднее время, а именно физической химіи, уже встрѣчается въ трудахъ Ломоносова.

Не менѣе важны его работы въ научно-прикладныхъ областяхъ. Онъ первый указалъ на возможность использования сѣвернаго морскаго пути, который фактически былъ открытъ черезъ 108 лѣтъ германской экспедиціей Пайера, и которому предстоитъ сыграть очень большую роль въ экономической жизни Россіи.

Весьма существенны труды Ломоносова по окрашиванью стекла и изготовленію мозаикъ, по вопросамъ метеорологіи и т. д. и т. д.

Если мы при этомъ вспомнимъ широту его научно-организаторскаго таланта — вѣдь его энергіи обязана Россійская Академія Наукъ тѣмъ, что она изъ первоначально нѣмецкаго учрежденія превратилась въ русское, и по его инициативѣ возникъ Московскій Университетъ, — то даже независимо отъ его достижений, какъ реформатора родного языка, какъ поэта и художника, передъ нами предстанетъ гигантскій образъ человѣка, который гениальнымъ умомъ на десятки лѣтъ опередилъ свою эпоху, а желѣзной волей своей положилъ твердый фундаментъ для дальнѣйшаго развитія русской культуры.

М. Новиковъ

Н. И. МИШЕЕВЪ

СЕЛО ПАЛЪХЪ И МАСТЕРЪ ГОЛИКОВЪ

I

Велики и избыточны творческія силы русскаго народа. Съ давнихъ поръ любилъ онъ освѣщать искусствомъ окружающую его обстановку. Объ этомъ говорятъ и открытыя въ кіевскихъ раскопкахъ остатки древнихъ мастерскихъ: камнетесныхъ, гончарныхъ, ювелирныхъ, рѣзба изъ кости и рога, и свидѣтельства лѣтописей, былинъ, а также иностранныхъ путешественниковъ. Характеръ всего этого искусства былъ исключительно декоративный, а существеннымъ свойствомъ его надо признать орнаментъ, въ которомъ, въ свою очередь, можно отмѣтить вліянія Персіи, Индіи, Византіи, а также финновъ и скандинавовъ. Разбираясь въ самомъ орнаментѣ, мы отмѣчаемъ въ немъ или «звѣриный стиль», гдѣ птицы, звѣри, чудовища и люди слетались другъ съ другомъ съ помощью «ремешковъ», или «стиль растительный», замысловатый по своей стилизаціи различныхъ формъ царства растительнаго.

Декоративнымъ искусствомъ, собственно говоря, и жила языческая Русь. Съ принятіемъ христіанства оно не умерло, но продолжало развиваться, централи-

зуясь, главнымъ образомъ, въ мѣстахъ Московской Руси и близкихъ ей предѣловъ. Телько теперь живописный гений русскаго народа нашель себѣ и другую область примѣненія, кромѣ названной, именно — область иконнаго творчества. Всмотриваясь въ нее, мы становимся лицомъ къ лицу съ замѣчательнымъ явленіемъ, громко заявившимъ о себѣ уже въ періодъ до-московскій, въ эпоху же Москвы достигшемъ своего наибольшаго развитія. Такъ, въ XV-мъ столѣтіи процвѣтаетъ «новгородское письмо», въ живописи котораго традиціи византизма непостижимымъ образомъ соединяется съ классическимъ ритмомъ, античной чистотой, съ симметрией и знаніемъ композиціи. Наравнѣ съ такой привнесенной со внѣ техникой, проявляетъ въ «письмѣ» и мѣсто свое, сообщающее иконѣ большую плоскостность, силуэтность очертаній, что дѣлаетъ образы иконы непохожими на предметы матеріальнаго міра, они получаютъ теперь какую-то б е з т ѣ л е с н о с т ь , столь отвѣчающую заданіямъ иконы. Въ этомъ же вѣкѣ достигаетъ своихъ вершинъ «московское письмо»

ЛАКОВЫЯ ШКАТУЛКИ РАБОТЫ ПАЛЬХСКАГО КУСТАРЯ И. ГОЛИКОВА.
BOXES WRAUGHT BY I. GOLKOFF A PAINTER FROM 'VILLAGE PALEN.

во главѣ съ величайшимъ русскимъ живописцемъ Рублевымъ, который внесъ въ иконный стиль и д е - а л и з м ѣ формы и необыкновенную жизненность воплощенія, проникнутую чудесной одухотворенностью, гдѣ великая тишина, покорность и т е - п л о т а сплетаются въ одинъ ползвучный аккордъ, нашедшій себѣ соответствующее выраженіе въ мерцающихъ тонахъ колорита спѣлой ржи. Такова, на- примѣръ, рублевская «Троица». XVI-ый вѣкъ далъ «строгоновское письмо». Оно чуждается глубины московскаго — и настроенія повгородскаго, тяготеетъ къ миниатюрѣ и на первый планъ выдвигаетъ совершенство техники, гдѣ чисто - восточная тонкость «письма» соединяется съ большой красочностью, цвѣтностью, гдѣ вообще все «письмо» производитъ впечатлѣніе о р п а м е н т а л ь н а г о р и с у н к а , удивляющаго насъ своимъ мастерствомъ. Это «письмо» приводитъ, въ концѣ концовъ, къ созданію въ XVII ст. московской школы «нарекихъ иконописцевъ», иконы которыхъ кажутся п р и х о т л и в ы м ѣ у з о р о м ѣ замысловатымъ, но радующимъ насъ.

II

Въ исторіи нашего родного искусства большую роль сыграло село Палѣхъ и его мастера. Оно находится въ тридцати верстахъ отъ станціи Шуя, раскинувшись среди живописной холмистой мѣстности, хлѣбныхъ полей, луговъ и черняющихъ лѣсовъ. Здѣсь еще крѣпокъ крестьянскій бытъ и, главнымъ образомъ, потому, что населеніе Палѣха съ давнихъ поръ занималось иконописью. Въ немъ до самаго послѣдняго времени свято хранились традиціи икононаго мастерства, передаваясь отъ отца къ сыну. Въ срединѣ XIX столѣтія мастерство это вылилось въ своеобразныя формы, на которыя наложили свою печать и «московско-строгоновское письмо» XVII-го столѣтія, и лубочное народное искусство. Наше искусство XVIII-го и первой половины XIX-го вѣка, находившееся подъ сильнымъ вліяніемъ Запада, также оставило свои слѣды въ селѣ Палѣхъ. Въ результатѣ

создалось въ этомъ знаменитомъ селѣ искусство, мастера котораго явили себя виртуозами въ орнаментальномъ рисункѣ, проникнутомъ необычайнымъ изяществомъ выполненія, яркостью и гармоничностью красокъ, оригинальностью замысла сюжета.

Вторая половина прошлаго столѣтія принесла упадокъ палѣховскаго искусства, а революція совершенно уничтожила его иконопись. Можно было думать, что все же его древнія традиціи, столь цѣнныя въ техническомъ отношеніи, обречены на гибель.

Къ счастью, московскій кустарный музей рѣшилъ обратить вниманіе на мастеровъ Палѣха. Имъ заказали работы по дереву и на «папье-маше». Выдѣлились произведенія И. Голикова. Всероссийская Художественная Промышленная выставка 1923 г., Художественно-Кустарная — 1924 г., Парижская — 1925 г. отмѣтили работы Голикова первой преміей.

Мы помѣщаемъ репродукціи именно съ этихъ премированныхъ вещей — лаковыхъ шкатулокъ.

Разсматривая ихъ, понимаемъ восторгъ художественнаго жюри на Парижской Всемирной Выставкѣ, когда ихъ глазамъ и сужденію предстали работы русскаго крестьянина. Право, не знаешь, чему удивляться, глядя на нихъ! Прежде всего основной стиль сохраняетъ здѣсь полную связь съ традиционнымъ «письмомъ», какъ оно проявилось въ трехъ древнихъ русскихъ иконописныхъ канонахъ и больше всего въ «московско-строгоновскомъ». Это — громкая, насыщенная виртуозностью, «орнаментальная пѣсня», поражающая и цѣлымъ и деталями, не уступающими лучшимъ японскимъ и персидскимъ образцамъ. Возьмите луцу и посмотрите въ одну изъ голиковскихъ миниатюръ, гдѣ «орнаментальная пѣсня» создала монументальную вещь, типа фрески, умѣстивъ ее на пѣкельныхъ квадратныхъ сантиметрахъ и обнаруживъ при этомъ, исключительную по силѣ напряженности мастерства, нашедшую выраженіе себѣ въ динамичной разработкѣ сюжета, гдѣ такъ ясно представлена т е к у ч е с т ь времени и событій. Удивителенъ на этой миниатюрѣ такой размахъ творче-

И. Е. Рѣпинъ
I. E. Repin

„Запорожцы“
„Zaporogtsy“

ства. «Музыканты» восхищаются насъ своей «изысканностью», вызывающей память о такихъ мастерахъ итальянскаго Quadrocento, какъ Беноччо Гоццолли съ его наивнымъ великолѣпиемъ на флорентійскихъ фрескахъ во дворцѣ Риккарди. Совершенная техника «Музыкантовъ» соединяется съ замѣчательной красочностью ихъ, что мы видимъ также и въ «Пахарѣ», оригинальный примитивизмъ котораго, какъ и «Музыкантовъ», раскрываетъ полную свѣжихъ непочатыхъ творческихъ силъ душу творца ихъ.

Попстинѣ таинственно глубока душа русскаго народа, время отъ времени выпускающаго изъ нѣдръ своихъ такихъ мастеровъ, какъ Голиковъ. Естественно, поэтому, и устремленіе нашего искусства къ истокамъ этой души, страстное желаніе принасть къ «живой водѣ» ихъ и тѣмъ самымъ выравнять линію истинно-національнаго творчества въ различныхъ областяхъ русскаго искусства.

Н. И. Мишеевъ

РУССКОЕ ИСКУССТВО

I.

Художественный инстинктъ русскаго народа обнаружился очень рано. Направился онъ, главнымъ образомъ, къ раздѣчванію и украшенію окружающей жизни, которую русскій человѣкъ хотѣлъ сдѣлать, даже въ самыхъ обычныхъ ея явленіяхъ, возможно наряднѣе, красочнѣе. Отсюда декоративность есть отличительная черта этого художественнаго инстинкта, есть нѣчто по существу специфически русское, доминирующее въ народномъ искусствѣ и оказывающее большое вліяніе на судьбы этого искусства вообще. Экспонаты московскихъ музеевъ Историческаго, Жукина, Строгановскаго училища, Кустарнаго, а также кн. Тенишевой въ Смоленскѣ, затѣмъ музеевъ Казанскаго, Екатеринославскаго, Нижегородскаго и др. опредѣленно говорятъ о такомъ основномъ вкусѣ русскаго народа. Если потомъ искусство нашихъ интеллигентныхъ классовъ, въ силу цѣлага ряда обстоятельствъ, разрывая связь свою съ названной тенденціей въ художественномъ воспріятіи міра, то мы можемъ назвать также цѣлый рядъ художниковъ, которые стремились и стремятся подчинить всю свою живопись принципамъ декоративности, гдѣ своеобразный красочный аккордъ играетъ главную роль. Безусловно, въ этомъ подчиненіи декоративности есть многое, сближающее насъ съ Востокомъ. Но, вѣдь, съ спокойнѣмъ вѣкомъ мы смотримъ однимъ глазомъ на Востокъ. Съ другой стороны, кто знаетъ, не внесетъ-ли подобное своеобразие русскаго искусства новой и свѣжей струи на Западъ?... Однимъ словомъ, за принципомъ декоративности, понимаемой въ самомъ широкомъ толкованіи и примѣненіи ея, мы должны признать одну изъ типичнѣйшихъ чертъ русскаго художественнаго вкуса, а, слѣдовательно, и національнаго искусства. Въ этомъ — его историческій смыслъ и въ развитіи, утвержденіи этого именно элемента — его значеніе для будущаго. Народное искусство, даже въ томъ, что уцѣлѣло до нашихъ дней, лучшее утвержденіе всему сказанному. Деревянная рѣзба, вышивки, набойки и т. п. развертываютъ предъ нами картину жизни, которая полна большой красочности. До революціи на Волгѣ можно было еще видѣть во многихъ мѣстахъ разноцвѣтные суда, борты которыхъ были украшены замѣчательною рѣзбою. Мачты на нихъ увѣнчивались хитро вышленными колесиками, звѣздами, яркими флажками. Вспоминались, глядя на нихъ, корабли новгородскихъ служилыхъ людей... А сколько находилось въ деревняхъ избъ съ рѣзными наличниками оконъ и такими же полотнами на фронтонахъ крышъ! Малороссія до послѣдняго времени давала массу всякихъ вышивокъ и причудливыми узорами разрисовывала «писанки» (пасхальныя яйца). Въ глубинахъ Россіи кустари готовили мебель съ узорами, гончарныя росписныя издѣлія, вышивки изъ сафьяна, металлическія украшенія. Мы знаемъ, какой успѣхъ заграничній имѣли выставки русскихъ кустарей, какъ восхищались ими иностранцы.

Обращаясь теперь къ судьбамъ русскаго искусства въ его исторіи, въ частности, къ характеристикѣ архитектуры, живописи

и скульптуры, какъ видовъ его, представителями которыхъ былъ и народъ, и отдѣльныя личности, мы должны отмѣтить, что, несмотря на рядъ чужеземныхъ явленій, русскій духъ, въ большей или меньшей степени, всегда заявлялъ о себѣ во вѣсхъ этихъ «видахъ».

Мы почти не имѣемъ прямыхъ, непосредственныхъ намятниковъ чисто-русскаго древняго зодчества, но это не мѣшаетъ намъ представить ясную его картину. Модель и рисунки Коломенскаго дворца Алексѣя Михайловича, деревянныя церкви, сохранившіяся отъ XVII-го столѣтія (см. № 5 «Перезвонъ»), говорятъ, во-первыхъ, что традиціонный вкусъ русскаго народа дошелъ до этого вѣка неизмѣннымъ въ своемъ существѣ, и во-вторыхъ, что византизмъ, пришедшій въ Россію съ христіанствомъ, скорѣе развился въ ея духовной атмосферѣ, чѣмъ поглотилъ послѣднюю, а, слѣдовательно, сталъ на службу ея художественному началу, вмѣсто руководства имъ. Если одно подтверждается постройкой вышней крестьянской избы, комбинаціемъ которой объясняется Коломенскій дворецъ и деревянныя церкви Сѣвера, то другое находитъ себѣ объясненіе въ каменныхъ храмахъ Новгородской, Псковской, Владимірской и Московскои Руси, гдѣ такъ очевидно византизмъ и послѣдующія за нимъ вліянія со стороны сочетаются и даже поглощаются національнымъ духомъ. Св. Софія въ Новгородѣ, Соборъ Мирожскаго монастыря въ Псковѣ, Церковь Покрова Богородицы въ Нерли, Влад. губ., церкви въ с. Коломенскомъ, Дьяковская церковь вблизи этого села, Василій Блаженный въ Москвѣ и мн. другіе храмы служатъ тому прекраснымъ доказательствомъ.

То же самое мы можемъ сказать и о русской живописи до Петра. Ограничившись въ это время исключительнымъ служеніемъ только церкви, отождествленная съ иконописью, она, если и начала свое бытіе подъ «византійскимъ крыломъ», то со временемъ освободилась почти отъ него, внеся со стороны содержания, въ лики святыхъ умиленіе и нѣжность, вмѣсто суровой важности, а въ отношеніи техники — больше живописи съ преобладаніемъ теплыхъ желтыхъ тоновъ. Достаточно вспомнить здѣсь одного Андрея Рублева и его знаменитую «Троицу», чтобы увидѣть, какъ побѣдоносно осененъ русскимъ началомъ византизмъ.

Итакъ, подведя итоги до-петровскому времени, мы можемъ сказать, что русское искусство, не считаясь съ цѣлымъ рядомъ идущихъ со вѣмъ вліяній, не только сохранило свое лицо, но и рѣзче выявило его основныя, характерныя черты.

II.

Эпоха Петра Великаго и его первыхъ наслѣдниковъ была временемъ увлеченія западными образцами. Въ архитектурѣ у насъ появилась стиль барокко, однако и на немъ отразилось «русское отношеніе» къ постройкѣ. Изумительный храмъ Покрова въ Фляхъ есть памятникъ такого русифицированнаго барокко. Его кружевные пояса есть дань декоративному русскому вкусу. Та-

Д. Г. Левицкий
D. G. Levitsky

П. А. Федотовъ
P. A. Fedotoff

К. Брюлловъ
K. Brulloff

А. А. Ивановъ
A. A. Ivanoff

А. К. Айвазовский
A. K. Aivasovsky

лаптливые зодчіе Растрелли (сынъ), Зарудный, Баженовъ были представители такого барокко. Стиль античный въ постройкахъ Александровскаго времени смѣнилъ собой барокко, создавъ такъ называемый „русскій ампиръ“, гдѣ деревянная архитектура подражала каменной, детали стила имперіи украшали архитектурныя формы барокко и наоборотъ, гдѣ само смѣненіе формъ ихъ искаженіе приводило къ совершенно новымъ, неожиданнымъ красотамъ. Казаковъ въ Румянцевскомъ музеѣ, Старовъ въ Таврическомъ дворцѣ, Кваренги въ Александровскомъ дворцѣ Царскаго села, Воронихинъ въ Казанскомъ соборѣ и др. насаждали „русскій ампиръ“ въ нашемъ зодчествѣ. Съ середины прошлаго столѣтія и до конца его русская архитектура не создала ничего примѣчательнаго и во многомъ даже обезличила себя по сравненіи съ прошлымъ. 20-е столѣтіе принесло возрожденіе ея въ планѣ синтеза допетровскаго и кореннаго русскаго зодчества, что мы и видимъ у Шехтеля (Ярославскій вокзалъ въ Москвѣ), Щусева (Марфо-Мариинская обитель въ Москвѣ). (См. № 1 „Перезоны“ — картину акад. С. А. Виноградова.). Война и революція приостановили рядъ интересныхъ работъ въ этомъ направленіи.

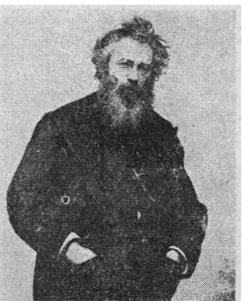
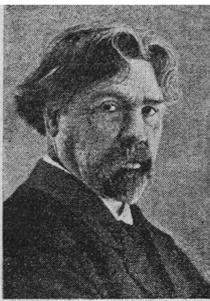
Такимъ образомъ, русская архитектура, изживъ за послѣднія двѣсти лѣтъ могущественные по своему вліянію стили, обратилась въ концѣ концовъ къ народному духу, какъ источнику подлинно-національнаго стила, въ области котораго только и можетъ развиваться художественный геній народа.

Живопись, какъ писаніе картинъ, портретовъ, появилась въ Россіи также при Петрѣ Великомъ. Въ царствованіе Елизаветы Петровны учреждается Академія Художествъ (1737). Время Екатерины дало уже такихъ замѣчательныхъ портретистовъ какъ Левицкий и Боровиковскій, мастерство которыхъ стоитъ на одномъ уровнѣ съ западно-европейскимъ и, притомъ, въ лучшихъ образцахъ послѣднихъ. Время Александра I-го присоединило къ названнымъ художникамъ Кипренскаго, Тропинина, а въ тридцатые годы загрѣмѣлъ К. Брюловъ. Одновременно выступилъ Александръ Ивановъ, въ лицѣ котораго русское искусство взлетѣло на высоты, куда добраваться только геній. Эскизы Иванова къ исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта еще ожидаютъ своихъ изслѣдо-

вателей, поражая насъ техникой своего письма и оригинальной мощью художественнаго замысла. Впервые именно у Иванова проявилась характерная черта русскаго художественнаго генія — стремленіе къ реализму, отвращеніе ко всему театральному, нарочитому, ложному, хотя бы и прикрытому академизмомъ. Это стремленіе родило въ душѣ великаго художника постоянную боль, какъ сознаніе найти искомую правду въ искусствѣ, гдѣ реализмомъ, конечно, все не можетъ кончиться, гдѣ душѣ предносятся иные міры и слышатся иные голоса. Трагедіей поэтому обвѣяна личность А. Иванова, двойственностью переживаній и мученіемъ неканіи, что чрезвычайно облекаетъ творчество его съ „пропастями“, „взлетами“ Достоевскаго, отчасти Л. Толстого, а чрезъ нихъ и съ міроотношеніемъ самого народа. Съ другой стороны, творчество это, гдѣ художникъ опережалъ свой вѣкъ, какъ настоящій геній, открывалъ новые пути въ искусствѣ, явилось школой для послѣдующихъ поколѣній. Живопись нашего времени, какъ искусство свѣта, цвѣта и объемовъ, своимъ „предтечей“ имѣла уже А. Иванова. Въ западной Европѣ тогда обо всемъ этомъ только „смутно гадали“.

Ивановскій „реализмъ“, естественно, не могъ быть понятъ въ то время во всей своей глубинѣ. Да не является-ли онъ и по сейчасъ идеаломъ, по которому томится русскій художникъ?... Только страшная вещь — такой „реализмъ“... Гоголь, Достоевскій, Гаршинъ, Врубель обожгли на огнѣ его свои крылья. Но русское искусство къ нему неминуемо должно придти, — духъ народа заставитъ стать его на этотъ путь. Крестный путь! Что дѣлать!... А, развѣ путь нашего народа не крестный?... Не надо лишь забывать, что крестный путь заканчивается не смертью, а Воскресеніемъ...

Въ появленіи Федотова и еще раньше Венецианова, а затѣмъ „передвижниковъ“, приходится видѣть самозащиту творческаго духа народа, его противостояніе всѣмъ „чужеземнымъ давленіямъ“, которая въ срединѣ девятнадцатаго столѣтія свелась къ такъ называемому академическому, официально представляемому Академіей. Своими темами на полученіе званія художника, — а среди этихъ темъ были и такія: „нарисовать фиговое дерево,

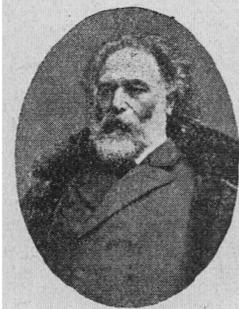
В. И. Суриковъ
V. I. Surikoff

Н. П. Крамской
N. P. Kramskoy

И. Е. Рѣпинъ
I. E. Repin

В. В. Верещагинъ
V. V. Verestchagin

И. И. Шишкинъ
I. I. Shishkin

А. И. Куинджи
A. I. Quindgi

В. М. Васнецовъ
V. M. Vasnetsoff

М. В. Нестеровъ
M. V. Nesteroff

М. Врубель
M. Vrubel

В. А. Сѣровъ
V. A. Seroff

сверху Санкт-Петербургъ, а подъ онымъ вакханалію". — Академія убивала свободный духъ художника, удаляла его отъ природы и коверкала талантъ, уничтожая его самобытность подражаніемъ иностранному. Велика, поэтому, заслуга „передвижничества“ предъ русскимъ искусствомъ! Пусть реализмъ основателей его былъ очень будничнымъ, а письмо не всегда отвѣчало требованіямъ вкуса и искусства живописи, однако, не забудемъ, что изъ-подъ крыла „передвижниковъ“ вышелъ цѣлый рядъ знаменитыхъ художниковъ, хотя и ставшихъ впоследствии на путь индивидуального развитія своего таланта, но лишь для того, чтобы углубить и поднять „лѣтву“, гдѣ зародилось „передвижничество“. Съ другой стороны „передвижничество“ вошло въ гущу нашего общества, приблизивъ искусство къ массамъ, сдѣлавъ его понятнымъ для нихъ.

Если въ лицѣ Брюллова, Иванова, поэта моря Айвазовскаго Западъ познакомился только съ русскимъ искусствомъ, то съ конца XIX в. русская, въ частности, живопись уже окончательно входитъ въ семью мирового искусства. Рѣшительн. Викторъ, Васнецовъ, Верещагинъ, Нестеровъ, Сѣровъ, Малявинъ, Рерихъ и многіе другіе являются желанными гостями на международныхъ выставкахъ. Революція, разбросавъ по всему міру нашихъ художниковъ, только способствовала большому ознакомленію мирового искусства съ русскимъ. Громадная выставка въ количествѣ 1500 экзепонатовъ, устроенная въ 1922—3 г. въ Америкѣ по инициативѣ пейзажиста А. Виноградова, подняла интересъ къ русскому искусству и за океаномъ.

Останавливаясь на характеристикѣ творчества крупнѣйшихъ представителей его, къ которымъ, кромѣ вышеназванныхъ, надо причислить еще Шишкина, Куинджи, Сурикова, А. Васнецова, Врубеля, Левитана, К. Коровина, группу художниковъ „Мира Искусства“, въ частности, Кустодіева и др., мы опредѣленно отмѣчаемъ у большинства изъ нихъ стремленіе къ выявленію чисторусскаго начала, какъ въ воспріятіи родной природы и быта, такъ и въ выявленіи этого быта въ исторіи. Наравнѣ съ этимъ, отмѣчается въ искусствѣ и страстное желаніе приобщиться непосредственно къ истокамъ русскаго духа въ религиозномъ его ощуще-

ніи и представленіи міра. Древняя русская иконопись, постиженіе ея смысла и техники дѣлается теперь не только предметомъ тщательнаго изученія. — Нѣтъ, она открываетъ собой горизонты, куда обращается пылливый взглядъ художника для возсозданія синтеза со всемъ прошлымъ. В. Васнецовъ, Нестеровъ, Врубель дѣлаютъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно много. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ отношеніи техники письма, русское искусство, стоящее на одномъ уровнѣ съ европейскимъ, идетъ по пути культивированія той черты художественнаго инстинкта русскаго народа, о которой мы упоминали въ первыхъ строкахъ настоящей статьи и которую назвали декоративностью.

Въ русской скульптурѣ, давшей Мартоса, гр. Ф. Толстого, Клодта, Лансере, Антокольскаго, П. Трубецкаго, Коненкова мы видимъ большую зависимость отъ Запада, за исключеніемъ Коненкова, возлюбившаго архаизмъ и въ формахъ его воспроизведшаго намъ образы опять-таки русскаго сказочнаго міра.

Такова общая картина изобразительнаго искусства. Мы безъ особеннаго труда можемъ уловить его специфическія черты, получившія свое наиболѣе оригинальное выявленіе въ народной художественной промышленности, старинной архитектурѣ и иконописи. Въ самой исторіи русскаго искусства мы можемъ отмѣтить неумирающую тенденцію возвращенія къ этимъ послѣднимъ и „складу“ ихъ, какъ внутреннему, такъ и вѣшнему. Наши художники постоянно чувствуютъ, что здѣсь именно „источникъ воды живой“. Вотъ почему, учитывая неизсякаемый родникъ духа русскаго народа, мы, несмотря на рядъ печальныхъ обстоятельствъ, сложившихся для жизни этого народа въ настоящіе дни, вѣримъ, что все это лишь временное, а потому съ вѣрой и надеждой взираемъ на судьбы русскаго искусства въ грядущемъ.

Р. С. Въ иллюстраціонномъ матеріалѣ къ № „Перезвоновъ“, посвященному „Дню русской культуры“, редакция журнала руководилась желаніемъ дать не картину историческаго развитія русскаго искусства. Нѣтъ, нашей цѣлью было подобрать такіа произведенія его, которыя вызывали бы, будили у нашего читателя воспоминаніе о тѣхъ или иныхъ историческихъ мѣстахъ родины.

А. Н. Воронихинъ
A. N. Voronihin

И. Е. Старовъ
I. E. Staroff

В. И. Баженовъ
V. I. Bajenoff

Гр. В. В. Растрелли
The count V. V. Rastrelli

ЛАКОВЫЯ ЦКАТУЛКИ РАБОТЫ ПАЛЬХСКАГО КУСТАРЯ И. ГОЛИКОВА.
BOXES WRAUGHT BY I. GOLIKOFF A PAINTER FROM VILLAGE PALEN.

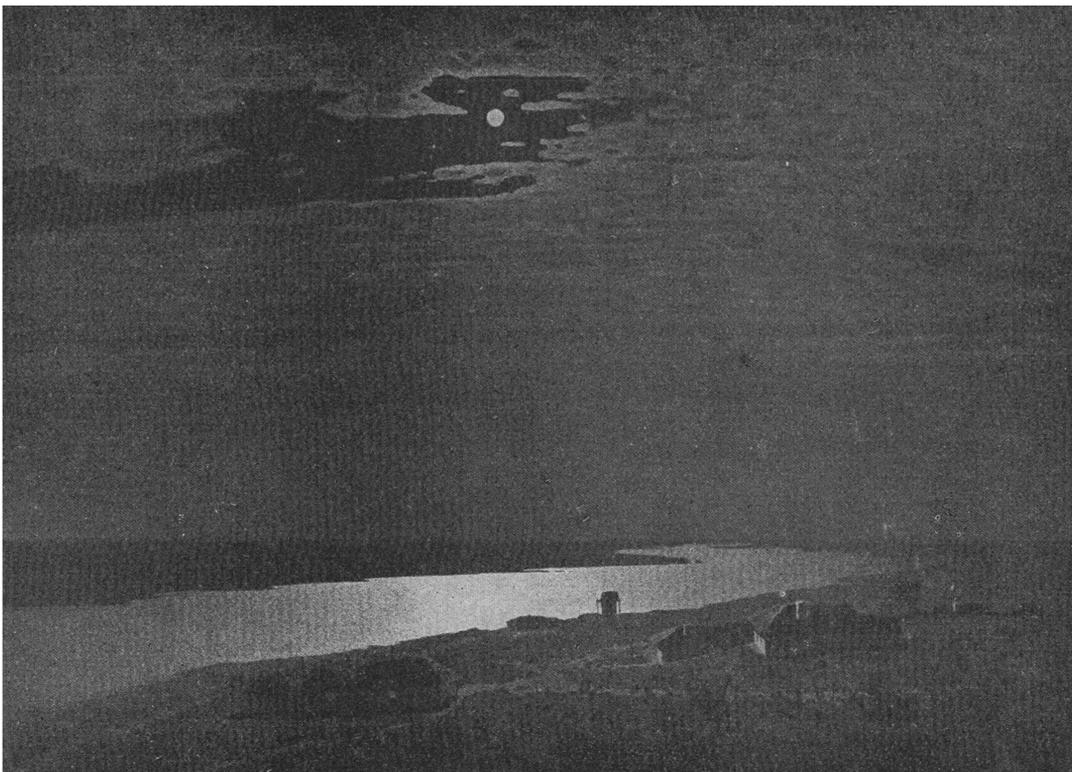
Ендогуровъ
Iendogurov

„Начало весны“
„The beginning of Spring“

моментахъ ея истеріи, имѣющихъ значеніе въ ея культурѣ, о природѣ ея, бытѣ, религіи, давали бы представленіе о народномъ искусствѣ въ его теперешнемъ состояніи. Отсутствие подь рука-

ми пужнаго матеріала, къ сожалѣнію, не всегда позволяло избранную задачу соединить съ художественнымъ ея выполненіемъ.

Н. И. Мишевѣвъ

А. И. Куинджи
A. Kuindgi

„Ночь на Днѣпрѣ“
„A night on the Dniepr“

А. И. Кунджи
A. Kuindgi

„Березовая роща“
„A birch grove“

А. СМЕРНОВЪ

ВЪ ПРИТВОРЪ ТЕМНОМЪ...

Въ притворѣ темномъ я молюсь,
предъ свѣтлымъ образомъ Николы,
за обезславленную Русь...
Я вижу: утро, садъ веселый,

закрытый камнемъ гроба входъ
и стражи въ латахъ мѣдный пламень...
И ясно мнѣ: Любовь придетъ —
она опять отвалитъ камень!

Алексѣй Смирновъ

И. И. Шишкинъ
I. Shishkin

„Полянка съ соснами“
„A small lane with pines“

Θ. Г. Волковъ
Th. G. Volkoff

П. М. Третьяковъ
P. M. Tretiakoff

К. Станиславскій
K. Stanislavsky

РУССКІЙ ТЕАТРЪ

Явленіе въ Русской Исторіи Петра Великаго было провиденціальнымъ. Онъ былъ посланъ для того, чтобы „провѣрить“ силы народа, таящіяся въ глубокихъ нѣдрахъ послѣдняго. „Онъ, — какъ говоритъ Герценъ, — бросилъ вызовъ Россіи, отвѣтившей Пушкинымъ“...

Но этимъ только „отвѣтомъ“ Россія не ограничилась. За нимъ пошли и другіе. Русскій народъ, не ожидая уже „вопросовъ“, отвѣчалъ. Не былъ-ли Театръ однимъ изъ самыхъ громкихъ, содержательныхъ „отвѣтовъ“?..

Думается, да. По крайней мѣрѣ, „раскаты“ этого „отвѣта“ пережили шумъ войны, грохотъ и ужасы революціи. „Слово“, сказанное роднымъ Театромъ, слышится сейчасъ и въ Россіи, и за границей. Оно повторяется на всѣхъ языкахъ. Его съ удовольствіемъ вездѣ ждутъ, съ радостью внимаютъ. Путь носителей его усыпаютъ лаврами.

Въ русской жизни Театръ сдѣлался какимъ-то своеобразнымъ центромъ, къ которому со всѣхъ точекъ колоссальной периферіи устремлялось все самое даровитое и талантливое въ русскомъ народѣ. Въ этомъ отношеніи его культурная цѣнность неизмѣримо велика. Онъ отвѣтилъ какимъ-то исконнымъ чертамъ души этого народа. Не склонности-ли прилѣпляться больше къ живому образу, чѣмъ къ отвлеченной мысли, слѣдовательно, брать жизнь съ ея эмоціальной стороны, не логически-разсудочной?.. — „Ты мнѣ показывай, а не доказывай, — увидимъ и сами разберемся!“ — Отвѣчаетъ такому міроотношенію и невѣро-

ятное богатство обрядовъ, игръ, которыми располагалъ русскій народъ, и которые, конечно, есть преддверіе театра.

Однимъ словомъ, какъ только русскій человекъ „осмотрѣлся“ и „очухался“ послѣ „первыхъ дней“ реформы Петра Великаго, онъ обратилъ свое вниманіе на театръ. — „Вотъ, дескать, „пунктъ“, гдѣ можно показать себя“ и что-то свое доказать. Кстати, въ это время „пунктъ“ не имѣлъ въ себѣ ничего русскаго. Была „нѣмецкая штука“, по содержанію своему чуждая всему національному, но по формѣ очень привлекательная для того, чтобы влить въ нее нѣчто свое родное. Пошли „стѣной“ на „нѣмецкій“ театръ... Компанію открылъ Фонъ-Визинъ. Затѣмъ Пушкинъ, Гоголь. Островскій, что называется, „навалился“. Ко всѣмъ этимъ присоединились *diei minores*, среди которыхъ Сухово-Кобылинъ и Алексѣй Толстой (старшій) заглядывали и на самый Олимпъ. Тамъ подоспѣлъ Чеховъ, Горькій, Андреевъ. Очень въ свое время заинтересовался театромъ Тургеневъ, Левъ Толстой. Потомъ оказалось, что къ отвѣтственности предъ театромъ можно привлечь и Достоевскаго, и Гончарова, и въ гораздо большей степени самого Тургенева.

Такъ русская литература дала національный и, притомъ, чрезвычайно театральный репертуаръ своему театру, а вмѣстѣ съ нимъ — и соотвѣтствующую физиономію.

Параллельно такому „натиску“ литературы, народъ началъ выбрасывать изъ себя крупнѣйшихъ самородковъ-актеровъ, надѣленныхъ

И. А. Дмитревскій
I. A. Dmitrovsky

М. С. Щепкинъ
M. S. Shepkin

М. Н. Ермолова
M. N. Ermolova

В. Н. Давыдовъ
V. N. Davydoff

М. Г. Савина
M. G. Savina

В. Ф. Комиссаржевская
V. F. Komissarjevskaja

Анна Павлова
Anna Pavlova

Н. А. Римский-Корсаковъ
N. A. Rimski-Korsakoff

Ө. И. Шаляпинъ
Th. I. Shaliapin

сплошь и рядомъ талантомъ исключительной силы. Волковъ, Дмитревскій, Мочаловъ, Щепкинъ, Садовскій, Оедорова, Ермолова, Стрепетова, Савина, Варламовъ, Давыдовъ, Комиссаржевская, Качаловъ, Орленевъ, арт. Чеховъ — вотъ имена, съ которыми неразрывно связана слава русскаго театра. И если наши великіе писатели создавали полные жизненной правды художественные образы, то послѣднимъ давали плоть и кровь, въ преломленіи той же художественности, наши знаменитые артисты, тѣмъ самымъ облегчая трудный путь къ истинѣ, добру и отвращенію ко лжи и пороку. Другими словами, русская артистическая семья вмѣстѣ съ русскими писателями дѣлала театръ своего рода храмомъ и школой воспитанія народныхъ массъ. Въ этомъ громадное культурное значеніе русскаго театра.

Съ другой стороны, театръ стремился и къ тому, чтобы форма его все болѣе и болѣе удовлетворяла требованіямъ подлиннаго вкуса. Съ этой цѣлью онъ привлекъ къ участию виднѣйшихъ русскихъ художниковъ, давшихъ постановки, привлекшія къ себѣ вниманіе художественнаго европейско-американскаго міра.

Рядомъ съ этимъ, въ своихъ поискахъ принциповъ утвержденія театра, какъ самостоятельнаго, независимаго искусства, русскій театръ въ лицѣ всемірно извѣстныхъ режиссеровъ Станиславскаго, Немировича - Данченко, Мейерхольда, Евреинова, Комиссаржевскаго и Таирова положилъ основы „Науки о Театрѣ“, создавъ нѣсколько системъ актерскаго искусства, подхода къ пьесѣ и выявленію ея на сценѣ. Противорѣчія этихъ системъ между собою, театры, во главѣ которыхъ стоятъ всѣ эти ре-

жиссеры, свидѣтельствуютъ не столько, какъ говорятъ, о кризисѣ русскаго современнаго театра, сколько о напряженности духовной жизни въ его стѣнахъ. Противорѣчія „перегорять“. Крайности сойдутся, и залогъ этому — въ любви русскихъ театралныхъ дѣятелей къ своему искусству. Можно, не ошибаясь, предсказать грядущее время синтеза всѣхъ тѣхъ направленій, которыми волнуется теперешній русскій театръ, и которыя во многомъ объясняются также параличемъ нынѣшней русской общественной жизни.

Все сказанное о драматическомъ театрѣ относится и къ русской оперѣ, также къ балету.

Русская опера! Русскій балетъ! Есть ли сцена въ крупныхъ мировыхъ центрахъ, гдѣ не пѣли бы Шаляпинъ, Смирновъ, Собиновъ, Литвинъ, Баклановъ, гдѣ не звучали бы звуки музыки Глинки, Мусоргскаго, Чайковскаго, Римскаго-Корсакова? А сколько восторговъ выпало на долю русскаго балета и его гениальныхъ представителей!

Русская культура можетъ гордиться своимъ дѣтищемъ. Русскій народъ, выпустивъ его изъ-подъ своего крыла на Божій свѣтъ, въ трудную минуту своей жизни, а ее мы переживаемъ теперь, можетъ указать на это „дитя“, какъ на свидѣтельство своихъ силъ, сравнительно еще мало развернувшихся, какъ на залогъ того, что онъ можетъ дать, когда судьба посмотритъ на него съ милостивой улыбкой. Будемъ ждать этого момента. Онъ не можетъ не быть... Яблоко падаетъ съ дерева тогда, когда созрѣетъ. Русскому народу далеко еще до завершенія полнаго круга...

Николай Анинъ

М. И. Глинка
M. I. Glinka

П. И. Чайковскій
P. I. Tchaikovsky

Ант. Г. Рубинштейнъ
Ant. Rubinstein

А. Н. Скрябинъ
A. N. Skriabin

М. П. Мусоргскій
M. P. Musorgsky

Сборникъ „РОДИНА“

ко Дню Русской Культуры

Избр. произведенія русской литературы, начиная съ народной и кончая Пушкинымъ, Гоголемъ, Тургеневымъ

5 печатныхъ листовъ. Четыре цвѣтныхъ репродукціи на отдѣльныхъ картонахъ, болѣе 50 крупныхъ иллюстрацій съ картинъ виднѣйшихъ русскихъ художниковъ.

Цѣна 1 латъ (50 руб.), за границей — 25 ам. центовъ.

Изд. Акц. Об-ва Печ. дѣла „САЛАМАНДРА“, Рига, Б. Кузнечная, 43.

РЕВЕСО

Кто критически пробуетъ, беретъ всегда РЕВЕСО. — Почему? Дѣйствиіе РЕВЕСО не ограничивается наружной чистотой зубовъ. Благодаря своему доброкачественному составу, РЕВЕСО способствуетъ образованию слюны и, нейтрализуя образующуюся во рту вредную кислоту, способствуетъ этимъ сохраненію зубовъ.

Цѣна: $\frac{1}{2}$ тубы Ls 0.80,
 $\frac{1}{4}$ туба . 1.30.

NIVEA сохраняетъ молодость и красоту. Почему? Шелковистая пѣна мыла NIVEA проникаетъ глубоко въ поры кожи и освобождаетъ ее для необходимаго дыханія.

NIVEA - кремъ, ежевечерне втираемый въ кожу, придаетъ ей тотъ естественно-свѣжій и нѣжный видъ, которымъ мы всегда любуемся у молодежи.

Цѣна: $\frac{1}{2}$ тубы Ls 0.80,
 $\frac{1}{4}$ туба . 1.30.

NIVEA

Chlorodont

Важно для курящихъ.
устраняетъ желтый налетъ на зубахъ
отъ куренія.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

Бѣлградъ,
Ул. Милоша Вел. 11
(Югославія)

„ВОЗРОЖДЕНІЕ“

Belgrade,
ul. Miloša Vel. 11
(Jugoslavie)

Въ связи съ предстоящимъ празднованіемъ „Дня Русской Культуры“ предлагаемъ оставшіяся въ небольш. количествѣ экзempl. сборникъ

„Русская Культура“

Книга эта, написанная извѣстными сербскими и русскими учеными, въ рядѣ статей освѣщаетъ историческіе пути русскаго творчества и выясняетъ ту, поистинѣ гигантскую культурную работу, которую производила старая Россія. Чтобы строить будущее — надо познать прошлое и въ этомъ отношеніи настоящій сборникъ является отвѣтомъ на многие, самыя жгучіе вопросы современной общественной жизни русской эмиграціи и м. б. рекомендованъ всѣмъ, кому близка самобытная русская культура, кому дорога Россія, какъ великая міровая держава.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Проф. І. Цвичъ. — Вступительное слово. 2) Проф. Бѣличъ. — Русская наука. 3) Проф. Афанасьевъ — Культурное значеніе Руси. 4) Проф. Соловьевъ — Национальное сознание въ русскомъ прошломъ. 5) Проф. Тарановскій — Русская Государственная Культура. 6) Полк. Дрейлингъ — Русская военная культура. 7) Проф. Аничковъ — Русское художество. 8) Проф. Максимовъ — Экономическій обликъ довоенной Россіи. 9) Проф. Погодинъ — Русская культура. 10) Проф. Георгиевскій — Значеніе поэзіи Пушкина 11) Приложение — День Русской Культуры въ королевствѣ С. Х. С.

Цѣна въ Югославіи — 45 дин., за границей \$ 0.80.

Пересылка за счетъ заказчика приблизительно 15⁰/₁₀₀. На складѣ обширный выборъ книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Регулярное полученіе новинокъ. Каталоги высылаются по первому требованію.

Подписка на журналы: „ПЕРЕЗВОНЫ“ — „ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „КАЗАЧІЙ ПУТЬ“

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

	на 1 мѣс.	на 3 мѣс.
Въ Чехословакіи	5 кронъ	12 кронъ
Во Франціи	3 франка	8 франк.
Въ Сербіи	7 динар.	18 динар.
Въ Болгаріи	10 лев.	25 лев.

Лицъ, получающихъ „КАЗАЧІЙ ПУТЬ“ просятъ извѣщать Редакцію въ случаѣ перемѣны адреса и сообщать новый адресъ.

Въ случаѣ возвращенія почтой № журнала обратно, дальнѣйшая высылка немедленно будетъ прекращена.

Казаковъ, живущихъ группами и получающихъ „КАЗАЧІЙ ПУТЬ“ въ недостаточномъ количествѣ экземпляровъ или совсѣмъ не получающихъ его, Редакція проситъ объ этомъ сообщить съ указаніемъ адреса и числа членовъ группы.

Редакція проситъ членовъ Союза и читателей журнала пересылать въ ея распоряженіе письма съ Родины (или копии ихъ) для использованія въ „КАЗАЧЬЕМЪ ПУТИ“. Оригиналы будутъ возвращены съ благодарностью.

Имена и фамиліи лицъ, упоминаемыхъ въ письмахъ, не будутъ опубликовываться. За помѣщенный матеріалъ будетъ выслана почтовая плата.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ ЖУРНАЛА „КАЗАЧІЙ ПУТЬ“
TCHÉCOSLOVAQUIE, PRANA II., LAZARSKA ul. č. 10, IV p.

Вышел и поступил в продажу
№ 4-ый (Апрель) журнала
„ВОЛЯ РОССИИ“

СОДЕРЖАНИЕ №:

ЭДУАРД ЭРРИО: Нож за сорок су.
К. БАЛЬМОНТ: В плавильнике.
АНТ. ЛАДИНСКИЙ: Стихи о Московии.
БРОНИСЛАВ СОСИНСКИЙ: Ita vita.
П. МУРАТОВ: Очерки трех литератур.
ЭДУАРД БЕНЕЦ: Проблема славянской политики.
Е. СТАЛИНСКИЙ: Крестьянство в судьбах России.
К. КОЧАРОВСКИЙ: Социальный строй России.
ВЛ. ЛЕБЕДЕВ: Скверный анекдот (О „Зарубежном Съезде“).

Иностранная жизнь:

Р. ДУККУРС: Политические партии и политическая жизнь в Латвии. **ЖИВКО ТОПАЛОВИЧ:** На путях объединения балканских славян.

Среди книг и журналов:

Д. ЛУТОХИН: Вещная книга.
К. КОЧАРОВСКИЙ: Пути русской революции.
Н. РУБАКИН: Из области книжного дела.

Отзывы о книгах:

Д. ЛУТОХИН: Александр Неверон Бабы. **Ф. РЕПЕЙНИКОВ:** Винокур. Культура языка. **СТОЛПНИК:** А. Е. Редько. Театр и эволюция театральных форм. **Г. РАДЧЕНКО:** А. Чайнов. Краткий курс кооперации. И другие.

ЦЕНА номера в Чехословакии — 15 кр. ч., в Германии — 2 мк., во Франции, Бельгии и Турции — 12½ фр., в остальных странах Европы — 50 ам. центов, в Америке 80 центов. Адрес редакции и конторы: Administrace Casopisu „VOLJA ROSSII“ Praha. Uhelny trh 1 tel. 9802.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „САЛАМАНДРА“

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

Вып. 1. А. С. ПУШКИНЪ. Капитанская дока.
„ 2. Н. В. ГОГОЛЬ. Тарась Бульба.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Вып. 3. Н. В. ГОГОЛЬ. Вечера на хуторѣ
близъ Диканьки. Часть I-ая.
„ 4. А. С. ПУШКИНЪ. Повѣсти Бѣлкина.
„ 5. Н. В. ГОГОЛЬ. Вечера на хуторѣ
близъ Диканьки. Часть II-ая.

ЦѢНА 1, 2, 3 и 5 выпусковъ по 60 сант. (30 р.) экз.,
выпускъ 4-й 50 сант. (25 руб.).

За границей всѣ выпуски по 15 амер. центовъ.

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА:

Рига, Вальдемарская ул. 63, тел. 3-6-1-2.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „САЛАМАНДРА“

Открыта подписка на

„Юный читатель“

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ЮНОШЕСТВА

(подъ редакціей Л. КОРМЧАГО)

Выходить два раза въ мѣсяць

Въ каждомъ номерѣ рассказы, приключенія, путешествія, очерки жизни разныхъ странъ и народовъ, обзоръ новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній.

==== Большой конкурсъ „ЮНАГО ЧИТАТЕЛЯ“ на премію стоимостью ====

ВЪ СТО ЛАТЪ (5000 руб.)

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: увлекательный романъ изъ жизни американскаго школьника съ оригинальными иллюстраціями художника Г. Дайбера.

Журналъ богато иллюстрированъ. Художественная обложка работы Н. ПУЗЫРЕВСКАГО.

Подписная плата: на годъ въ Латвіи 10 латъ, на ½ г. 5 л.; за границу на годъ 3 дол., ½ г. 1 дол. 50 ц.

Редакція и контора: Рига, Вальдемарская 63, Тел. 2-73

Оптика

ОКО

Фотографія

РИГА, ASPAZIJAS BULV. 8

Спеціальная фабрика
баранокъ

А. Алой

Б. Московская ул. 14/16

Тел. 94062

Ванильные,
лимонные и
бисквитные
баранки

наилучшаго качества

Обувь

прочная :-: элегантная
для мужчинъ - дамъ - дѣтей

Фабричные склады:

Рига: { Гертрудинская ул. 14
Сарайная ул. 3
ул. Свободы 64/66

Либава: Зерновая ул. 33

Виндава: Замковая ул. 24

Двинскъ: Рижская ул. 9

На выставкѣ въ Либавѣ 1925 г. — золотая медаль

Rosenthal

Всемирно извѣстный

ФАРФОРЪ РОЗЕНТАЛЬ

СЕРВИЗЫ, ЧАШКИ, ВАЗЫ и ФИГУРЫ

въ большомъ выборѣ у

А. Г. ХАТКЕВИЧЪ

Большая Песчаная ул.

№ 24.

Любители находятъ, что

СТРЕМЕРСА китайскій цвѣточный чай (этикетъ „Золотой танго-слонъ“) —
наивысшій по качеству и превосходный по аромату.

Д*Н*М*С*К*І*ІІ У*В*О*В*Л*А*О*В*К*А*В

Май

№ 2

1926 г.

В. М. Васнецовъ

„Крещение Руси“

ЕРМАКЪ

При царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ были богатые купцы, Строгановы, и жили они въ Перми, на рѣкѣ Камѣ. Прослышали они, что по рѣкѣ Камѣ на 140 верстѣ вокругъ есть хорошая земля: пашня не пахана отъ вѣка, лѣса черные отъ вѣка не рублены. Въ лѣсахъ звѣря много, а по рѣкѣ озера рыбныя, и никто на той землѣ не живетъ, только закахиваютъ татары.

Строгановы написали царю письмо: «Отдай намъ эту землю, а мы сами по ней городки построимъ, и народъ соберемъ, заселимъ и не будемъ давать черезъ эту землю ходу татарамъ».

Царь согласился и отдалъ имъ землю, Строгановы послали приказчиковъ собирать народъ. И сошлось къ нимъ много гулящаго народа. Кто приходилъ, тѣмъ Строгановы отдавали землю, давали лѣсъ, скотину и никакихъ оброковъ не брали, только живи, и когда нужда, выходи съ народомъ биться съ татарами. Такъ и заселилась эта земля русскимъ народомъ.

Прошло лѣтъ 20. Строгановы купцы еще сильнѣй разбогатѣли, и мало имъ стало этой земли на 140 верстѣ. Захотѣли они еще болѣе земли. Верстѣ на 100 отъ нихъ были высокія горы Уральскія, и за этими горами, прослышали они, есть прекраснѣйшая земля, и землѣ той конца нѣтъ. Владѣль этой землей сибирскій князекъ Кучумъ. Кучумъ въ прежнее время покорился царю, русскому, а потомъ сталъ бунтовать и грозилъ разорить Строгановскіе городки.

Вотъ Строгановы и написали царю: «Отдай ты намъ землю, мы ее подъ твою руку покорили; теперь воровской царекъ Кучумъ противъ тебя бунтуетъ и хочетъ и эту землю отнять и насъ разорить. Вели ты намъ занять землю за Уральскими горами; мы Кучума завоеваемъ, и всю его землю подъ свою руку подведемъ».

Царь согласился и отписалъ: «Если сила у васъ есть, отберите у Кучума землю. Только изъ Россіи много народу не сманивайте».

Вотъ Строгановы, какъ получили отъ царя письмо, послали приказчиковъ еще собирать народъ къ себѣ. И больше велѣли подговаривать казаковъ съ Волги и съ Дона. А въ то время по Волгѣ, по Дону, казаковъ много ходило. Собираются шайки въ 200, 300, 600 человекъ, выберутъ атамана и плаваютъ на стругахъ, перехватываютъ суда, грабятъ, а на зиму становятся городкомъ на берегу.

Приѣхали приказчики на Волгу и стали спрашивать:

— Какіе тутъ слывуть?

Имъ говорятъ:

— Казаковъ много. Житья отъ нихъ не стало. Но нѣтъ злѣе Ермака, Тимоѣича, атамана. У того человекъ 1000 народа, и его не только народъ и купцы боятся, а царское войско къ нему приступить не смѣетъ.

И поѣхали приказчики къ Ермаку атаману и стали его уговаривать идти къ Строганову. Ермакъ принялъ приказчиковъ, отслушалъ ихъ рѣчи и обѣщалъ прійти съ народомъ своимъ къ Успенію.

Къ Успенію пришли къ Строганову казаки — человекъ 600 съ атаманомъ Ермакомъ Тимоѣичемъ. Напустилъ ихъ сначала Строгановъ на ближнихъ татаръ. Казаки ихъ побили. Потомъ, когда нечего было дѣлать, стали казаки по округѣ ходить и грабить.

Призываетъ Строгановъ Ермака и говоритъ:

— Я васъ теперь больше держать не стану, если вы такъ шалить будете.

А Ермакъ говоритъ:

— Я и самъ не радъ, да съ народомъ моимъ не совладаешь, набаловались. Дай намъ работу.

Строгановъ и говоритъ:

— Идите за Уралъ воевать съ Кучумомъ, завладѣйте его землею. Васъ и царь наградить. — и показалъ Ермаку царское письмо. Ермакъ обрадовался, собралъ казаковъ и говоритъ:

— Вы меня срамите передъ хозяиномъ — все безъ толку грабите. Если не бросите, онъ васъ прогонитъ, а куда пойдете? На Волгѣ царскаго войска много, насъ переловятъ и за прежнія дѣла худо будутъ. А если скучно вамъ, то вотъ вамъ работа.

И показалъ имъ царское письмо, что позволено Строганову за Ураломъ землю завоевать. Поговорили казаки и согласились идти. Пошелъ Ермакъ къ Строганову, сталъ съ нимъ думать, какъ идти.

Обсудили сколько струговъ надо, сколько хлѣба, скотины, ружей, пороху, свинцу, сколько переводчиковъ-татаръ плѣнныхъ, сколько нѣмцевъ, мастеровъ ружейныхъ.

Строгановъ и думаетъ: «Хоть и дорого мнѣ станетъ, а надо дать имъ всего, а то здѣсь останутся — разорятъ меня». Согласился Строгановъ, собралъ всего и снарядилъ Ермака съ казаками.

Поплыли казаки съ Ермакомъ вверхъ по рѣкѣ Чусовой на 32 стругахъ, на каждомъ было 20 человекъ. Плыли они четыре дня на веслахъ вверхъ по рѣкѣ и выплыли на Серебряную рѣку. Оттуда уже плыть нельзя. Распросили проводниковъ и узнали, что надо имъ тутъ перевалиться черезъ горы и верстѣ 200 сухопутьемъ пройти, а потомъ опять рѣки. Остановились тутъ казаки, построили городъ и выгрузили всю снасть, а струги побросали, а наладили телѣги, уложили все и пошли сухопутьемъ черезъ горы. Мѣста все были лѣсныя, и народу не жило никакого. Прошли они 10 дней сухопутьемъ, попали на Жаровню, на рѣку. Тутъ опять постояли и стали ладить струги. Наладили и поплыли по рѣкѣ внизъ. Проплыли пять дней, и пришли мѣста еще веселѣе: луга, лѣса, озера.

М. М. Антокольскій

Ермакъ

И рыбы и звѣря много, и звѣрь непуганный. Проплыли еще день, выплыли въ Туру-рѣку. Тутъ по Турѣ рѣкѣ сталъ попадаться народъ и городки татарскіе.

Послалъ Ермакъ казаковъ посмотрѣть одинъ городокъ: что за городокъ, и много ли въ немъ силы. Пошли 20 казаковъ, распугали всѣхъ татаръ и забрали весь городокъ и скотину всю забрали. Какихъ татаръ перебили, а какихъ привели живьемъ.

Сталъ Ермакъ черезъ переводчиковъ спрашивать татаръ, какіе они люди и подъ чьей рукой живутъ. Татары говорятъ, что они Сибирскаго царства, и царь ихъ Кучумъ. Ермакъ отпустилъ татаръ, а троихъ поумнѣе взялъ съ собой, чтобы они ему дорогу показали.

Поплыли дальше. Что дальше плывутъ, то рѣка все больше становится; а мѣста, что дальше, то лучше. И народа стало больше попадаться. Только народъ несильный. И всѣ городки, какіе были по рѣкѣ, казаки повоевали. Забрали они въ одномъ городкѣ много татаръ и одного почетнаго стараго татарина. Стали спрашивать татарина, что онъ за человѣкъ. Онъ говоритъ: «Я Таузикъ, я своего царя Кучума слуга, и отъ него начальникомъ въ этомъ городкѣ».

Ермакъ сталъ спрашивать Таузика про его царя: «Далеко ли его городъ Сибирь? Много ли у Кучума силы, много ли у него богатства?» Таузикъ все рассказалъ. Говоритъ: «Кучумъ первѣйшій царь въ свѣтѣ. Городъ его Сибирь — самый большой городъ въ свѣтѣ. Въ городѣ этомъ, — говоритъ, — людей и скотины столько, сколько звѣздъ на небѣ. А силы у Кучума-царя счету нѣтъ, его всѣ цари вмѣстѣ не завоюютъ».

Поплыли казаки дальше. Выплыли въ широкую быструю рѣку Иртышъ. По Иртышу-рѣкѣ проплыли день, подплыли къ городку хорошему и остановились. Пошли казаки въ городокъ. Только стали подходить, начали въ нихъ татары стрѣлы пускать и поранили трехъ казаковъ. Послалъ Ермакъ переводчика, сказать татарамъ, чтобы сдали городъ, а то всѣхъ перебьютъ. Переводчикъ пошелъ, вернулся и говорить:

— Тутъ живетъ Кучумовъ слуга, Атикъ Мурза Качара. У него силы много, и онъ говорить, что не сдать городка.

Ермакъ собралъ казаковъ и говоритъ:

— Ну, ребята, если не возьмемъ этого городка, татары запируютъ и намъ ходу не дадутъ. Что скорѣе страха зададимъ, то намъ легче будетъ. Выходи всѣ. Кидайся всѣ разомъ.

Такъ и сдѣлали. Татаръ много тутъ было, а татары лихіе.

Какъ бросились казаки, стали татары стрѣлять изъ луковъ. Засыпали казаковъ стрѣлами: которыхъ до смерти перебили, которыхъ переранили.

Озлились и казаки, добрались до татаръ, и какіе попались, всѣхъ перебили.

Въ городкѣ этомъ нашли казаки много добра, скотины, ковровъ, мѣховъ, и меду много. Похоронили мертвыхъ, отдохнули, забрали добро съ собой и поплыли дальше. Недалеко проплыли, смотрятъ: на берегу какъ городъ стоитъ войско, конца-края не видать, и все войско окопано канавой, а канава лѣсомъ завалена. Остановились казаки. Стали думать; собралъ Ермакъ кругъ.

— Ну, что, ребята, какъ быть?

Казаки заробѣли. Одни говорятъ:

— Надо мимо плыть.

Другіе говорятъ:

— Назадъ идти.

И стали они скучать, бранить Ермака, говорятъ:

— Зачѣмъ ты насъ завелъ сюда? Вотъ перебили уже изъ насъ сколько да поранили, и всѣ мы тутъ пропадемъ. — Стали плакать.

Ермакъ говоритъ своему подъ-атаману, Ивану Кольцо:

— Ну, а ты, Ваня, какъ думаешь?

А Кольцо и говоритъ:

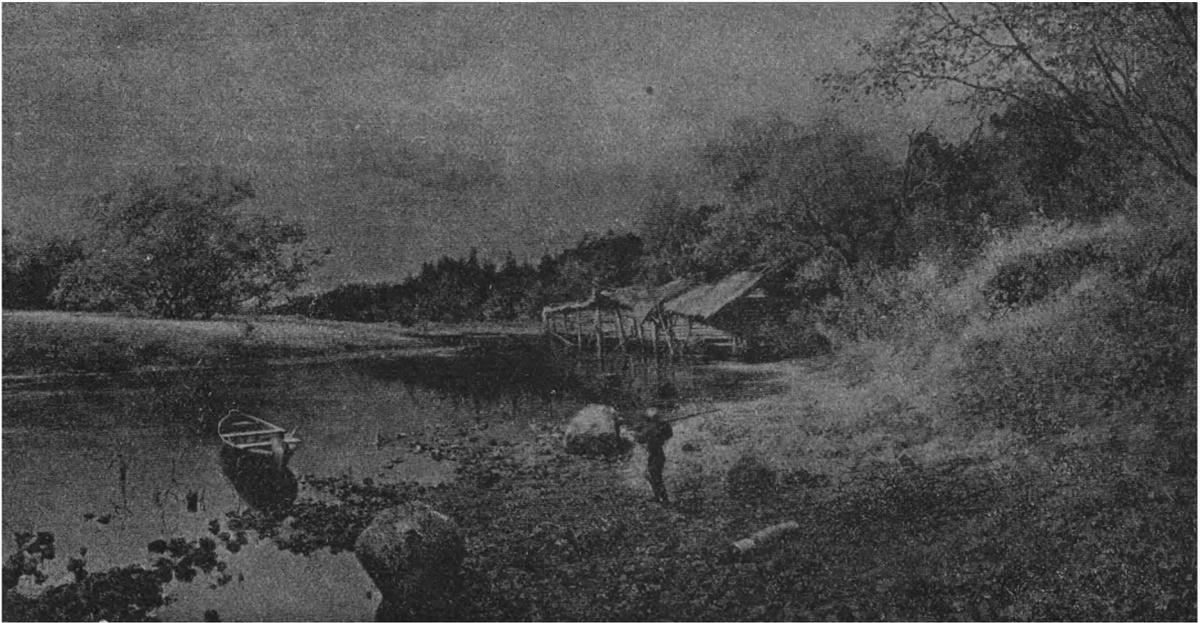
— А я думаю? Не нынче убьютъ, такъ завтра, а не завтра, такъ даромъ на печи померемъ. По мнѣ — выйти на берегъ, да и валить прямо лавой на татаръ, — что Богъ дастъ.

Ермакъ и говоритъ:

— Ай, молодецъ, Ваня. Такъ и надо. Эхъ вы, ребята, не казаки вы, а бабы. Видно бѣлужину ловить да бабъ татарскихъ пугать, только на то васъ и взять. Развѣ не видите сами? Назадъ идти — перебьютъ; мимо плыть — перебьютъ; здѣсь стоять — перебьютъ. Куда же намъ попятиться? Разъ потрудимся, послѣ полегчаетъ.

Казаки говорятъ:

— Видно, ты, Тимофеичъ, умнѣ нашего; насъ, дураковъ, и спрашивать нечего. Веди, куда

А. А. Киселевъ

Мельница

знаешь. Двухъ смертей не бываетъ, а одной не миновать.

Ермакъ и говоритъ:

— Ну, слушай ребята! Вотъ какъ дѣлать. Они еще насъ всѣхъ не видали. Разобьемтесь мы на три кучки. Одни въ середину прямо на нихъ пойдутъ, а другія двѣ кучки въ обходъ зайдутъ справа и слѣва. Вотъ какъ станутъ средніе подходить, они подумаютъ, что мы всѣ тутъ, — выскочатъ. А тогда съ боковъ и ударимъ. Такъ-то, ребята. А этихъ перебьемъ, ужъ бояться некого. Сами царями будемъ.

Такъ и сдѣлали. Какъ пошли средніе съ Ермакомъ, завизжали, выскочили; тутъ одни ударили справа, другіе — слѣва. Испугались татары, побѣжали. Перебили ихъ казаки.

Тутъ ужъ Ермаку никто противиться не смѣлъ. И такъ онъ вошелъ въ самый городъ Сибирь. И засѣлъ туда Ермакъ все равно какъ царемъ.

Стали пріѣзжать къ Ермаку царьки съ полконами. Стали татары пріѣзжать селиться въ Сибири, а Кучумъ съ зятемъ Маметкуломъ боялись на Ермака прямо идти, а только кругомъ ходили, придумывали, какъ бы его погубить.

Весною по водополью пріѣзжали къ Ермаку татары, говорятъ:

— Маметкуль опять на тебя идетъ, собралъ войска много, стоитъ на Вагаѣ-рѣкѣ.

Ермакъ собрался черезъ рѣки, болота, ручьи, лѣса, подкрался съ казаками, бросился на Маметкула и побилъ много татаръ, и самага Маметкула забралъ живьемъ и привезъ въ Сибирь.

Тутъ мало немирныхъ татаръ осталось, а какіе не покорялись, на тѣхъ Ермакъ ходилъ въ это лѣто, и по Иртышу и по Оби рѣкамъ завоваль столько земли что въ два мѣсяца не обойдешь.

Какъ забралъ Ермакъ всю эту землю, послалъ онъ посла къ Строгановымъ и письмо.

«Я, — говоритъ, — Кучума городъ взялъ и Маметкула въ плѣнъ забралъ, а весь здѣшній народъ подъ свою руку подвелъ. Только казаковъ много не тратилось. Присылайте народу, чтобы намъ веселѣе было. А добра здѣшней землѣ и конца нѣтъ». И послалъ онъ дорогихъ мѣховъ: лисицъ, куницъ и соболей.

Прошло тому дѣлу два года. Ермакъ все держалъ Сибирь, а помощь изъ Россіи все не приходила, и стало у Ермака мало русскаго народа.

Прислалъ разъ къ Ермаку татаринъ Карача посла, говоритъ: «Мы тебѣ покорились, а насъ ногайцы обижаютъ, пришли къ намъ своихъ молодцовъ на помощь. Мы вмѣстѣ ногайцевъ покоримъ. А что мы твоихъ молодцовъ не обидимъ, такъ мы тебѣ клятву даемъ».

Ермакъ повѣрилъ ихъ клятвѣ и отпустилъ съ Иваномъ Кольцомъ 40 человекъ. Какъ пришли эти сорокъ человекъ, татары бросились на нихъ и побили; казаковъ еще меньше стало.

Прислали другой разъ бухарскіе купцы вѣсть Ермаку, что они собрались къ нему въ Сибирь-городъ товаръ везти, да что имъ на дорогѣ Кучумъ съ войскомъ стоитъ и не пускаетъ ихъ пройти. Ермакъ взялъ съ собой 50 человекъ и пошелъ очистить дорогу бухарцамъ. Пришелъ онъ къ Иртышу рѣкѣ и не нашелъ бухарцевъ. Остановился ночевать. Ночь была темная и дождь. Только легли спать казаки, откуда ни взялись татары, бросились на сонныхъ, начали ихъ бить. Вскочилъ Ермакъ, сталъ биться. Ранили его ножомъ въ руку. Бросился онъ бѣжать къ рѣкѣ. Татары за нимъ. Онъ въ рѣку. Тѣла его не нашли, и никто не узналъ, какъ онъ умеръ.

На другой годъ пришло царское войско, и татары замирились.

Л. Н. Толстой

С. А. Виноградовъ

„Лѣтомъ“

С Е М И К Ъ

Не успѣли оглянуться послѣ радоницы, какъ честной семикъ на дворѣ — завиванье вѣнковъ, задушныя поминки. Въ тотъ день подь вечерь однѣ, безъ молодцовъ, собираются дѣвушки. Надѣвъ зеленые вѣнки на головы, уходятъ онѣ съ пѣснями на всполье и тамъ подь ракитовымъ кустомъ стряпаютъ «сборну яичницу», причѣвая семицкія пѣсни. Завивъ вѣнки, цѣлуются черезъ нихъ и «кумятся» при звонкихъ веселыхъ пѣсняхъ:

Покумимся, кума, покумимся,
Мы семицкою березкой покумимся!
Ой, Дидь-Ладо, честному семіку,
Ой, Дидь-Ладо, березкѣ моей,
Еще кумушкѣ, да голубушкѣ!
Покумимся, покумимся,
Не сваряся, не браняся!
Ой, Дидь-Ладо! Березка моя!

Тутъ же и «кумушку крестятъ». Для этого, нагнувъ двѣ молодыя березки, связываютъ верхушки ихъ платками, полотенцами или лентами и вѣшаютъ на нихъ два креста. Подь березками разстилаютъ платки, кладутъ на нихъ изъ кукушкиныхъ слезокъ птичку, и, надѣвъ на нес крестъ, попарно дѣвушка съ дѣвушкой ходятъ

другъ другу навстрѣчу вокругъ березокъ, припѣвая:

Ты, кумушка ряба,
Ты кому же кума?
Покумимся, кумушка,
Покумимся, голубушка,
Чтобы жить намъ не браниться,
Чтобъ другъ съ дружкой не свариться!

А черезъ день отъ честнаго семіка — «клевальная суббота». Въ тотъ день рубятъ березки, въ домахъ и по улицамъ ихъ разставляютъ ради Троицы, а вечеромъ послѣ всенощной молодежь ходитъ къ рѣкамъ и озерамъ русалокъ гонять. На Троицу у молодежи хороводы, на Троицу завиванье семицкихъ вѣнковъ, пусканье ихъ на воду и гаданье на нихъ... А у степенныхъ женщинъ и старушекъ на тотъ день свои заботы — идутъ онѣ на кладбища, и цвѣтными пучками, что держали въ рукахъ за вечерней, «прочищаютъ онѣ глазыньки родителямъ».

И такъ день за день, недѣля за недѣлей, вплоть до Петрова дня... Что ни день, то веселье, что ни вечерь, то «гулянка» съ пѣснями, съ играми, съ хороводами и гаданьями... Развеселое время!

К. Мельниковъ

ОДИНЪ ИЗЪ ПЕРВЫХЪ РУССКИХЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ

Многіе думаютъ, что русскіе, особенно въ старину, не любили путешествовать и вообще мало интересовались далокими странами. Но это не совсѣмъ такъ. Болѣе чѣмъ четыреста лѣтъ тому назадъ, одинъ тверской купецъ, Афанасій Никитинъ, отправился въ совсѣмъ неизвѣстную страну — далекую Индію. Странствовалъ онъ около шести лѣтъ и оставилъ намъ интересныя записки.

Великій князь Иванъ III отправлялъ на востокъ въ 1466 году пословъ съ подарками, этимъ воспользовались русскіе кунцы и снарядили два корабля съ товарами. Отправился со своимъ добромъ и Афанасій Никитинъ, но не суждено ему было добраться благополучно. Напали татары, ограбили корабли и разошлись русскіе въ разныя стороны, благодаря Бога, что еще живы остались.

Послѣ долгаго, труднаго пути пришелъ наконецъ Афанасій Никитинъ въ совсѣмъ незнакомую страну. Жарко пекло здѣсь солнце, люди были черные, ходили безъ одежды и съ удивленіемъ смотрѣли на бѣлаго чужестранца. Афанасій не сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, все ему хотѣлось знать — и много увидѣлъ онъ здѣсь диковиннаго.

Понемногу научился онъ понимать языкъ народовъ здѣсь жившихъ — индусовъ, и началъ спрашивать про ихъ вѣру. Узналъ онъ, что поклоняются они богу Буддѣ, котораго дѣлаютъ изъ цѣннаго дерева или золота, а нашего христіанскаго Бога не знаютъ. Хотѣли индусы, чтобъ и Афанасій принялъ ихъ вѣру басурманскую много золота предлагали ему за это, но не согласился онъ измѣнить вѣрѣ отцовъ своихъ. Несмотря на угрозы не поклонился идолу.

Много повыхъ животныхъ и птицъ увидѣлъ Афанасій Никитинъ, о которыхъ даже не слышалъ на родинѣ и названія которыхъ не зналъ. Растенія здѣсь были красивѣе, цвѣты ярче, плоды вкуснѣе; многія деревья круглый годъ оставались зелеными. Зима совсѣмъ не была похожа на нашу, не было морозовъ, снѣга, только шелъ дождь и солнце не грѣло такъ сильно, зато лѣтгомъ было очень «варно» — жарко.

Жить въ этой странѣ было легче, чѣмъ на сѣверѣ, не приходилось такъ много работать, чтобъ имѣть хлѣбъ насущный, но бѣдняковъ и здѣсь было не мало. Между многими народностями, которыя населяли Индію, не было согла-

сія, различались они и по вѣрѣ и по обычаямъ. Но къ смѣлому чужеземцу относились хорошо, рассказывали про свое житье-бытье, спрашивали про его далекую родину.

Побывалъ Афанасій Никитинъ и на ярмаркѣ, которая устраивалась разъ въ годъ и куда собиралось множество народа со всей Индіи. И чего тутъ только не было: рѣдкія животныя, дивныя растенія, роскошныя ткани и камни самоцвѣтные. Но увидѣлъ Афанасій Никитинъ, что мало здѣсь было товара, нужнаго на Руси; да если бы и нашлось что подходящее, перевезти было бы трудно. Ходили въ то время шайки разбойничьи и по морю и по сушѣ.

Управлялъ всѣми народами султанъ, у котораго былъ роскошный дворецъ и тысячи слугъ. Торжественно выѣзжалъ онъ на прогулку, а особенно парадно было шествіе, когда отправлялись на богомолье въ праздникъ Будды. Ѣхало за султаномъ множество воиновъ, плясуновъ, музыкантовъ, шло триста слоновъ съ разукрашенными городками на спинахъ, сто верблюдовъ съ барабанами, тысяча коней въ золотѣ и даже обезьяны. Все это шествіе поражало богатствомъ: сверкало золото, переливались драгоценныя камни — алмазы, сапфиры, рубины. Всѣ стремились на праздникъ, къ изображенію своего бога — Будды, передъ которымъ молились, распростершись на землѣ и котораго осыпали цвѣтами.

Какъ въ сказкѣ прекрасна была чужая земля, но — въ гостяхъ хорошо, а дома лучше. Потянуло обратно на родину русскаго человѣка, къ широкимъ степямъ, дремучимъ лѣсамъ, захотѣлось рѣчь родную услышать, въ храмѣ православномъ помолиться. «Да сохранитъ Богъ землю русскую», восклицаетъ Никитинъ, «въ мѣрѣ нѣтъ подобной ей земли. Да устроится русская земля!» Въ обратный путь пустился Афанасій Никитинъ и послѣ многихъ лишеній добрался наконецъ до родины, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Теперь не трудно проѣхать въ Индію; много есть книгъ, въ которыхъ рассказывается о жизни и вѣрѣ индусовъ, въ которыхъ мы можемъ найти описаніе всѣхъ животныхъ и растеній этой страны. Но въ то далекое время, когда Индія была совсѣмъ неизвѣстна, записки Афанасія Никитина, одного изъ первыхъ русскихъ путешественниковъ, имѣли громадное значеніе.

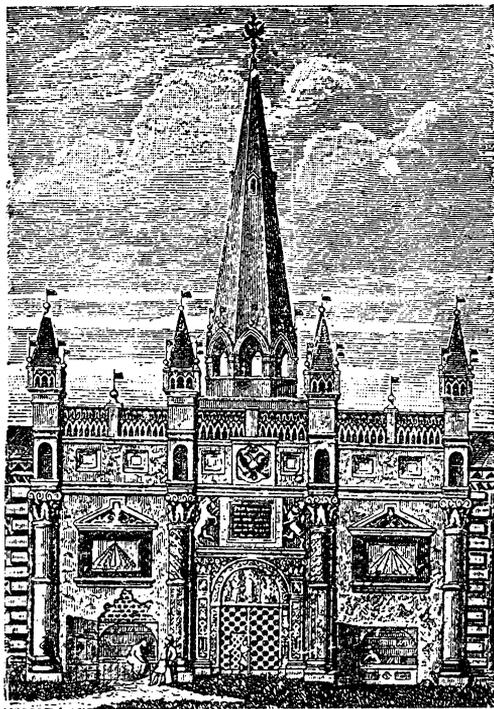
Е. Коновалова

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ПЕЧАТНИКЪ

Первымъ печатникомъ на Руси былъ дьяконъ московской церкви Иванъ Федоровъ. Печатному дѣлу онъ научился у иностранцевъ.

Иностранцы охотно поступали къ русскимъ царямъ на службу. Иванъ Грозный отвелъ имъ въ Москвѣ для жительства особую слободу, которая стала называться Нѣмецкой слободой.

Иванъ Федоровъ часто заходилъ въ Нѣмецкую слободу и подолгу бесѣдовалъ съ иностранцами. Особенно внимательно слушалъ Иванъ Федоровъ рассказы о началѣ книгопечатанія на западѣ, объ Іоаннѣ Гутенбергѣ, объ этомъ великомъ человѣкѣ, который изобрѣлъ типографскій станокъ и подвижныя буквы. Въ чужихъ краяхъ давно

Москва — Печатный дворъ

ужь во всѣхъ городахъ типографскіе станки заведены, и печатается на нихъ множество книгъ; а тамъ, гдѣ книгъ много, гдѣ онѣ доступны не однимъ только богачамъ, тамъ и свѣдующихъ людей больше, не то, что на Руси, гдѣ книга въ диковину.

Часто ходилъ онъ въ Нѣмецкую слободу и разспрашивалъ у своихъ пріятелей иноземцевъ, какъ устроены типографскіе станки, какъ отливаются формы печатныхъ буквъ, — про все подробно разспрашивалъ онъ, и иноземцы дѣлились съ нимъ тѣми свѣдѣніями, которыя имѣли. И вотъ въ свободное отъ церковной службы время онъ, бѣдный, никому неизвѣстный дьяконъ, зажигалъ у себя лучину и при ея тускломъ свѣтѣ пробовалъ отливать формы литеръ, вырѣзалъ рисунки... Работа, въ которую онъ вкладывалъ всю свою душу, шла успѣшно. Онъ постигъ искусство печатать книги, и въ сердцѣ его загорѣлось горячее желаніе подѣлиться своимъ искусствомъ, послужить имъ своей родинѣ.

Дошелъ до него слухъ, что царь Иванъ Васильевичъ ищетъ друкаря (печатника). Не помня себя отъ радости, доспѣшилъ онъ тогда къ окольникову Алексѣю Адашеву и умолялъ его доложить о немъ государю. Царь призвалъ его къ себѣ и говорилъ съ нимъ о книгопечатаніи, спрашивалъ его, гдѣ научился онъ этому дѣлу. Онъ рассказалъ ему, какъ научился печатному дѣлу, показалъ и образцы своего искусства. И дивились всѣ его искусству. Царь тутъ же приказалъ начать постройку печатнаго двора, далъ Ивану Федорову рабочихъ и казны не жалѣлъ... «Сколько хочешь казны, бери, — говоритъ царь, — только выстрой мнѣ друкарню, пускай и у насъ будутъ печатныя книги, какъ въ Греціи, въ Венеціи и другихъ прочихъ земляхъ».

Скоро послѣ этого начались войны, и царь какъ будто совсѣмъ охладѣлъ къ печатному двору. Тяжелые наступили для Ивана Федорова дни; думалъ онъ, совсѣмъ забылъ о немъ государь, забылъ и о печатномъ дворѣ; рабочихъ пришлось распустить, нечѣмъ было платить имъ. Такъ нѣсколько лѣтъ и стоялъ недостроенный печатный дворъ. Тяжелое было время для Ивана Федорова. Московскіе люди смѣялись надъ нимъ, не вѣрили въ его искусство. «Вонъ царскій печатникъ идетъ», говорили они, указывая на него пальцами; величали его «бусурманомъ» за его дружбу съ иноземцами.

Терпѣливо переносилъ онъ всѣ насмѣшки, и все надѣялся, все дожидаясь, и надежды не обманули его: покончивъ съ войнами, государь вспомнилъ о печатномъ дворѣ, и снова казна его открылась для Ивана Федорова. Печатный дворъ выстроился; наконецъ были изготовлены и станокъ печатный и литеры, и работа началась.

Первая печатная книга вышла изъ типографіи въ началѣ марта 1564 года. Для разсмотрѣнія ея въ царской палатѣ собрались бояре и лица духовнаго чина.

Иванъ Федоровъ пристально, не спуская глазъ, слѣдилъ за выраженіемъ лица грознаго царя. Онъ принесъ на судъ свою первую работу, онъ ждетъ его приговора, отъ царскаго слова зависитъ судьба любимаго имъ книгопечатнаго дѣла. Онъ смотрѣлъ на бояръ, на духовенство. Митрополита Макарія, благословившаго его на этотъ трудъ, уже нѣтъ въ живыхъ. Что-то скажетъ собраніе о первой печатной книгѣ? И онъ переводитъ свой взглядъ на царя. А царь продолжаетъ переворачивать страницы книги. Онъ внимательно разглядываетъ и литеры и рисунки. И видитъ Иванъ Федоровъ, какъ проясняется нахмуренное чело царя Ивана Васильевича, что-то похожее на улыбку озаряетъ его лицо, глаза вспыхиваютъ радостно. Царь доволенъ. Указывая боярамъ на книгу, онъ отмѣчаетъ ея достоинства, хвалитъ и рисунки и печать. И въ угоду царю бояре и духовенство дивятся красотѣ книги, хвалятъ искусство друкаря,

А первый русскій печатникъ не помнитъ себя отъ счастья. Книга одобрена и царемъ и духовенствомъ, его искусство признано всѣмъ собраніемъ. Это награда ему за всѣ насмѣшки московскихъ людей, за ихъ недовѣріе къ нему, за всѣ тревоги и опасенія за успѣхъ любимаго дѣла.

Царь, закрывъ книгу, подзываетъ Ивана Федорова къ столу, ласково говоритъ съ нимъ и приказываетъ приступить къ печатанію «часовника».

«Не жалѣй казны на это дѣло, много ея у московскаго царя», говоритъ онъ, отпуская Ивана Федорова.

Низко, до земли поклонившись царю, Иванъ Федоровъ уходитъ изъ царскихъ палатъ.

Въ древней Руси, какъ и на Западѣ, до введенія книгопечатанія, книги распространялись посредствомъ переписки, а это требовало большой затраты времени. Книги переписывались, главнымъ образомъ, въ монастыряхъ монахами. Пи-

сець успѣвалъ переписатьъ въ день не больше двухъ съ половиной листковъ, т. е. пять страничекъ... Извѣстно, напримѣръ, что понадобилось 7 мѣсяцевъ для того, чтобы переписать Остромирово Евангеліе, въ которомъ 294 листа. Переписывались преимущественно книги священные, богослужебныя, другихъ книгъ въ то время почти не было. Эти переписанныя книги были полны грубыхъ ошибокъ. Переписчики дѣлали ихъ частью по безграмотности, частью по недомотру.

Типографскій станокъ, изобрѣтенный Гутенбергомъ, явился величайшимъ въ мірѣ открытіемъ. Выпуская книгу сразу въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, онъ страшно понизилъ на нее цѣну; книги удешевились и стали доступны для большаго количества людей. Число грамотныхъ стало возрастать, знанія начали проникать туда, куда они не могли проникнуть раньше. Такъ было въ западныхъ странахъ, такъ должно было быть и на Руси. Вотъ почему появленію первой печатной книги въ Москвѣ должны были радоваться люди, которымъ дорого было просвѣщеніе. Но не даромъ Иванъ Федоровъ скорбѣлъ о темнотѣ и невѣжествѣ своей родины: просвѣщенныхъ людей было слишкомъ мало на Руси.

Русскій народъ былъ темень, невѣжественъ, онъ подозрительно относился ко всякимъ «новшествамъ», а новшества, заимствованныя изъ чужихъ земель, считалъ «богопротивными затѣями», и смотрѣлъ на нихъ, какъ на «измѣну родной странѣ... Когда въ Москвѣ начали строить «печатню», московскіе люди недовѣрчиво покачивали головами:

«Ну, можетъ ли это быть, — думали они, — чтобы въ одинъ годъ можно было напечатать столько книгъ, сколько переписчики въ десятки лѣтъ не успѣютъ переписать?» И не вѣрили они словамъ Ивана Федорова и смѣялись надъ его затѣей. «Такъ только хвалится, казну у царя выманиваетъ», говорили они про него.

Но вотъ «Апостолъ» вышелъ изъ печати. Они увидали ее, эту первую печатную книгу, увидали во множествѣ экземпляровъ, и тогда недовѣріе смѣнилось въ нихъ новыми чувствами. «Эта новая печатная книга, можетъ ли она замѣнить прежнюю, рукописную? — съ безпокойствомъ спрашивали они себя. — Прежняя книга писалась съ благоговѣніемъ, со страхомъ Божіимъ, молитву шептали уста переписчика, когда онъ выводилъ буквы въ рукописной книгѣ. Божье благословеніе было на его работѣ. А новую книгу верстаетъ друкерскій работаль. Отъ Бога ли эта работа? Не будетъ ли великимъ грѣхомъ молиться по этой новой книгѣ, можно ли замѣнить святое богоугодное дѣло деревяннымъ станкомъ?»

И люди, боявшіеся всякой новизны, подозрительно глядѣли на книгу, отпечатанную на типографскомъ станкѣ.

Ужъ нѣтъ ли въ новой книгѣ еретическихъ новшествъ, нѣтъ ли въ ней какой порчи православному ученю?

Ревнителі православія принялись сличать напечатанный «Апостолъ» съ рукописнымъ, и сердца ихъ наполнились ужасомъ: Иванъ Федоровъ исправилъ въ печатномъ «Апостолѣ» многія описки и ошибки переписчиковъ. Это исправленіе ошибокъ они сочли за срьесъ, за отступленіе отъ православной вѣры.

«Это новшество, это ересь, можно ли такія книги пустить по святой Руси?» заговорило духовенство, и уже не однѣ насмѣшки посыпались теперь вслѣдъ Ивану Федорову. Дьяконъ Гостунской церкви сталъ въ глазахъ ревнителі православія опаснымъ челоувѣкомъ, вреднымъ нововводителемъ... «Онъ сдѣлалъ типографскій станокъ, чтобы печатать на немъ еретическія книги», думали они...

Заволновались темные люди. Какъ бы уберечь святую Русь отъ этихъ новшествъ, отъ этой иноземной затѣи, какъ бы оградить русскихъ людей отъ этихъ еретическихъ книгъ, — вотъ о чемъ стали они думать, проходя мимо печатни, и бросая на нее взгляды, полные ненависти.

Люди, которымъ удавалось побывать въ самой друкернѣ, съ удивленіемъ рассказывали о той быстротѣ, съ которой работаль типографскій станокъ, выпуская одну за другой печатныя страницы; не мало дивились они и подвижнымъ буквамъ, изъ которыхъ какое хочешь слово можно составить. Да ужъ не волшебство ли это? Ужъ не сидитъ ли у него въ станкѣ нечистая сила? Волшебство и есть, конечно, не отъ Бога такое дѣло, самъ дьяволъ помогаетъ Ивану Федорову...

Въ то время, полное грубыхъ суевѣрій, такъ часто объясняли дѣйствіемъ нечистой силы все, что недоступно было невѣжественнымъ умамъ... печатный станокъ, подвижныя буквы, — все это было такъ непохоже на старую привычную работу переписыванія, такъ ново, такъ непонятно. Немудрено, что въ печатномъ станкѣ темные люди отыскали нечистую силу, а въ печатаніи книгъ увидали «душевредное волхвованіе». Молва о томъ, что на печатномъ дворѣ живетъ дьяволъ, быстро разнеслась по Москвѣ.

«Такъ и есть, черно книжникъ онъ, колдунъ, съ нечистой силой знается, не даромъ самого царя обошелъ», говорили про Ивана Федорова его враги, и съ каждымъ днемъ росла ихъ злоба противъ него и его друзей. Были и другіе враги у Ивана Федорова. Это переписчики. Въ печатномъ станкѣ они увидѣли себѣ соперника, который не нынче — завтра лишитъ ихъ заработка. Многіе изъ приближенныхъ къ царю мучились завистью по поводу тѣхъ милостей, которыми царь отличалъ первопечатниковъ. И надъ головой перваго русскаго печатника собиралась гроза...

(Окончаніе слѣдуетъ)